

Денисова Н.Ю., Жуков А.П.

Сквозь завесу времени

Менделеевцы на
Первой мировой войне
1914–1918

Москва 2014

УДК 9(47)
ББК 63.3(0)62

Д 33

Рецензенты:

Профессор кафедры гуманитарных и социально-политических
наук Московского государственного
технического университета гражданской авиации

Л.И. Карпова

Директор Музея истории РХТУ им. Д.И. Менделеева

А.К. Акылакунова

Денисова Н.Ю.

Д 33 Сквозь завесу времени. Менделеевцы на Первой мировой войне (1914-1918): научное издание/ Н.Ю. Денисова., А.П. Жуков – М.:РХТУ им. Д.И. Менделеева. 2014. – 140 с.

ISBN 978-5-7237-1210-2

Монография отражает события столетней давности – годы Первой мировой войны – участие преподавателей и выпускников Московского промышленного училища памяти XXV-летия царствования Императора Александра II и будущих студентов и преподавателей МХТИ имени Д.И. Менделеева в героических страницах истории России.

Авторы на основе разрозненных документов и воспоминаний ветеранов Первой мировой войны попытались рассказать о делах и людях прикладной химии, их роли в событиях военных и тыловых.

Книга будет интересна специалистам по истории высшего профессионального образования и химической технологии и студентам, выпускникам и сотрудникам Университета Менделеева.

Обложка: *К.С. Петров-Водкин «На линии огня» , 1916*

УДК 9(47)
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-7237-1210-2

© Российский химико – технологический
университет им. Д. И. Менделеева, 2014.
© Денисова Н.Ю., Жуков А. П., 2014

Предисловие

*Важно с девочками простились,
На ходу целовали мать,
Во всё новое нарядились,
Как в солдатики шли играть.
Ни плохих, ни хороших, ни средних...
Все они по своим местам,
Где ни первых нет, ни последних...
Все они опочили там.*
Анна Ахматова

19 июля 1914 г. по российскому государственному календарю тех времен (1 августа по европейскому, новому стилю) имперская Германия объявила Российской империи войну. О ее причинах позднее в 1938 г. в самой массовой книге СССР «История ВКП(б)» (краткий курс) в главе «Возникновение и причины империалистической войны» простым языком, понятным и сегодня, разъяснено: «Эта грабительская война за передел мира затрагивала интересы всех империалистических стран, и потому в нее в дальнейшем оказались втянуты Япония, США и ряд других государств. Война стала мировой» [1]. Первой она стала уже после Второй, для нас Великой Отечественной. Поначалу она называлась Второй отечественной, затем просто империалистической. Причем в справке «Большого энциклопедического словаря» – настольного справочника миллионов наших соотечественников – практически повторялись слова «Краткого курса»: «... Это империалистическая война между двумя коалициями капиталистических государств (германо-австрийский блок и Антанта), вызванная крайним обострением противоречий в ходе борьбы за сферы влияния, источники сырья, мировое господство...» [2]

Оппонент-антагонист авторам и редакторам «Краткого курса», «*демон русской революции*» Лев Троцкий в далёком 1917 г. в брошюре «Программа мира», составленной из его статей (1915-1916 гг.) в парижской газете «Новое слово», писал: «Никогда со времени сотворения мира правящие классы не лгали так много, как в эпоху нынешней войны. «Эта война есть война за демократию». «Эта война есть война за мир и союз наций». «Эта война есть последняя война». Под прикрытием этих лозунгов шло и идет дальнейшее натравливание народа на народ. Чем оголётнее и бесстыднее исторический смысл нынешней империалисти-

Московское промышленное училище

ческой бойни, тем более пышными формулами стремятся правящие и служащие политики прикрыть ее содержание. Буржуазия Соединенных Штатов вмешалась в войну, защищая свое священное право вывозить в Европу амуницию и наживать миллиарды на европейской крови: тем настоятельнее было для демократического ханжи Вильсона привести в движение все хоругви пацифизма». [3, с. 122]

Бессмысленность бойни в России поняли не сразу – кто-то еще бился (в лозунгах, конечно) «За проливы», «За Царьград» и прочее, но в крестьянской стране нужно было каждый год и пахать, и сеять, и собирать, и молотить. Кормильцы гибли не только на русско-германском фронте, но и во Франции, Греции и Турции.

Даже «лирик чистой воды» поэт Игорь Северянин в апреле 1917 г. напишет пронзительные строки:

*Кровь все покрыла, захлестала
Для крови нет уже преград...*

и вывод предельно ясный –

*Должна быть кончена война,
Притом во что бы то ни стало:
Измучилась моя страна,
Нечеловечески устала.*

*Есть примененье для металла
Гораздо лучше, чем твой брат.
Да свергнут ужас с пьедестала
Министр, рабочий и солдат!*

«Баллада XIV»

Летом 2014 г. Европа отметила 100-летие начала этой мировой бойни, унесшей миллионы жизней: 10 млн убитыми и 20 млн ранеными – таков кровавый итог войны. Уроки Первой мировой войны отчетливо ясны с вершин XXI века – рухнули по крайней мере четыре империи, образовалось около дюжины новых государств на политической карте Европы, Версальский договор послужил, по мнению многих исследователей, толчком и катализатором для вспышки вселенского пожара Второй мировой войны.

Первая мировая – это еще и новые виды вооружения: танки, авиация, пулеметы. Это применение отравляющих веществ (газовая война), отцом которой по праву признан немецкий химик Фриц Габер (1868-1934). Современники так оценивают «вклад» ученого в организацию газовой войны на фронтовых полях Бельгии и России: «Представление Ф. Габера об отечестве сложилось под воздействием пропаганды империалистических кругов Германии, он поставил свой талант ученого на службу прусско-германского генералитета, хорошо понимавшего значение химии для военных целей. Большое участие принял Фриц Габер в раз-

работке и изучении способов применения германской армией преступного химического оружия на полях сражений первой мировой войны. В 1916 г. он стал консультантом по решению технических вопросов в химическом отделе военного министерства. Активное участие Габера в подготовке химической войны привело к тому, что почти одновременно с присуждением ему Нобелевской премии он был внесен союзниками в список преступников, подлежащих выдаче». [4, с.343]

Тезис о том, что война (1914-1917) в России «забытая», несет большую долю правды. Да, памятников героям «империалистической войны» в социалистическом государстве не ставили, но смеем заверить, что о войне, о людях в окопах и в тылу (и не только о спекулянтах и рвачах) помнили. Почти в каждой семье в настенных «коллекциях» фотографий были фото родственников в военной форме. Книги о первой мировой тоже известны – «Тихий Дон» М. Шолохова, «Хождение по мукам А. Толстого», «Города и годы» К. Федина и т.д. – хватит на целую библиотеку.

Ставить памятники через 100 лет – тоже обычная, а может быть, мудрая для истории России, практика. Погуляйте по Бородинскому полю – абсолютное большинство памятников установлено в 1912 г., к 100-летию битвы за Москву.

В этой поисковой работе мы попытались вспомнить о менделеевцах – профессорах, преподавателях и студентах-выпускниках Менделеевского института и Московского промышленного училища – ветеранах Первой мировой войны [5]. Следует отметить, что за 100 прошедших лет, начиная с 1914 г., списков ветеранов той войны никто не составлял. Вспомнили хотя бы о тех, чьи имена и судьбы на виду и на слуху.

Источников для нашего исследования изначально было не много – биографии профессоров-менделеевцев разных лет [6], подшивки многотиражной газеты «Московский технолог» (1929-1941 гг.) и «Менделеевец» (с 1949 г.), документы архива РХТУ им. Д.И. Менделеева, мемуары и воспоминания преподавателей Менделеевки.

Наиболее ценны дневниковые записи профессоров Н.Е. Пестова и Е.И. Орлова – очевидцев и участников событий вековой давности, так жестко отразившихся на жизни всех слоев наших соотечественников.

У читателя может сложиться впечатление, что «со стороны Менделеевки» это была война будущих профессоров. Очевидно, что здесь мы видим информационную аберрацию – биографии профессуры гораздо доступнее для поиска. Уверены, что в сражениях и делах Первой мировой войны принимали участие выпускники (а может быть и учащиеся) и служащие МПУ, да и среди будущих студентов и преподавателей МХТИ были ветераны той войны – как солдаты, так и офицеры российской армии. Каждому из них должен быть отведен уголок памяти в нашей еще недописанной истории.

К.Ю. Зограф

МПУ в годы войны

Московское промышленное училище в память XXV-летия царствования Императора Александра II – прародитель Менделеевского университета – было средним специальным учебным заведением, в котором обучались ученики в возрасте от 10 до 18 лет.

1 июля 1898 г. был впервые открыт прием в первый и второй классы реального отделения МПУ. В педагогический коллектив МПУ были приглашены опытные преподаватели – выпускники Московского Университета, Московского технического училища, отставные офицеры и др. К 1905/1906 учебному году в училище было уже 5 общеобразовательных классов (404 ученика), в механическом отделении – 4 класса (132 учащихся) и в химическом отделении – 4 класса (62 учащихся). Занятия проводят 30 преподавателей, 4 руководителя практических работ и 18 мастеров.

Первый выпуск состоялся весной 1906 г. (фото на стр. 10). Через 12 лет весной 1918 г. был произведен последний выпуск специалистов МПУ – 47 учащихся закончили курс обучения и получили свидетельства техников [7].

Это было учебное заведение с высоким уровнем преподавания специальных и гуманитарных дисциплин и богатыми воспитательными традициями. Педагогический коллектив МПУ имел в своем составе профессоров и специалистов различных дисциплин, имена которых были хорошо известны в Москве и в России, причем не только как высококвалифицированные специалисты, но и как умные, толковые педагоги-воспитатели. Многие из них имели профессорские кафедры (или готовили себя к профессорскому званию) в ИМТУ и Московском университете. Большинство из них будут плодотворно работать на Миусах долгое время и составят фундамент славы Менделеевки – первого отраслевого химико-технологического вуза нашей страны [8].

В 1911 году на должность директора Московского промышленного училища в память XXV-летия царствования императора Александра II в Москве заступил К.Ю. Зограф. На Миусах он проработал до конца своей жизни, став в 1920-е годы прошлого столетия одним из организаторов Московского химико-технологического института им. Д. И. Менделеева. Годы Первой мировой войны 1914-1918 – приходятся на время его руководства училищем.

Первая мировая 1914 - 1918

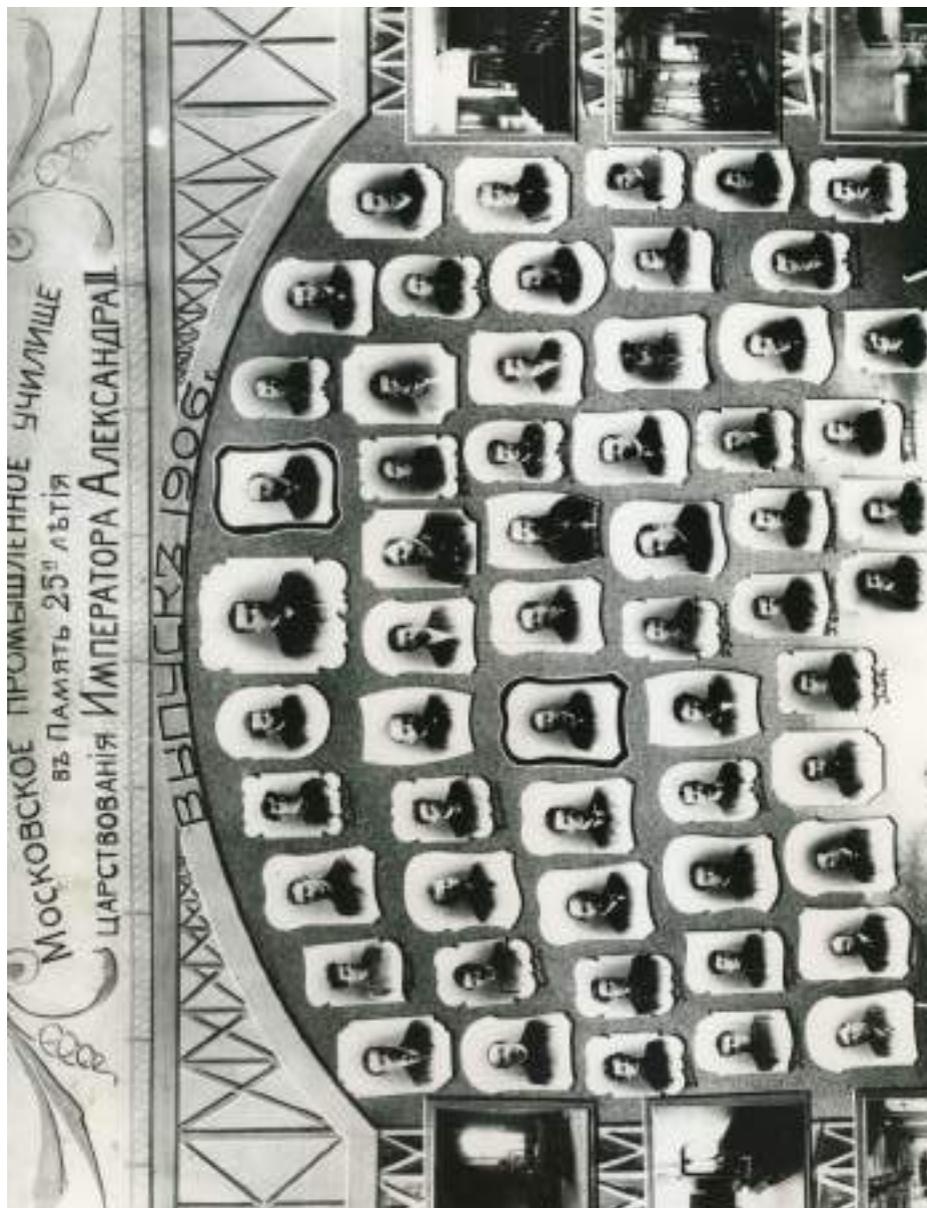
Продолжая начатую своим предшественником А. П. Докторовым деятельность по распространению технического образования, К. Ю. Зограф создавал условия для оживления работы мастерских. С этой целью с 1 января 1912 года начался прием в мастерские мальчиков 13-14 лет в качестве практикантов, они работали по большей части в слесарной, сборочной и литейной мастерских. Был поставлен вопрос о создании при училище ремесленной школы. С 1912 года К. Ю. Зограф – попечитель Миусского ремесленного училища Г. Шелапутина.

С первых дней войны мастерские МПУ работали для фронта, а в 1916г. была организована химико-фармацевтическая лаборатория, где производили лизол из технической карболовой кислоты, солициловую кислоту и ее натриевые соли [9].

В докладе министра народного просвещения П.Н. Игнатьева в военном 1916 -м году высказывалось беспокойство, что «существуют явления, грозящие затормозить развитие профессиональных знаний и общий рост народного образования в России...» [10] Преподаватели МПУ приложили все свои силы, чтобы этого не случилось: выпуск 1914 г. составил 45 человек, 1915 г. – 27, 1916 г. – 42, 1917 г. – 38, 1918 г. – 46 человек. Уверены, что все выпускники Миус достойно послужили России на всех этапах ее исторического развития.

Московское промышленное училище

Первый выпуск МПУ 1906 года – возможные участники войны

**Моск. Промышленное Учил.
въ память 25-лѣтія Царство-
ванія Ими. Александра II.**

(Миуская пл., соб. д. Тел. 23-19).

Состоитъ изъ 5 реальныхъ классовъ иъ 4 кл. хлѣбнеческаго училища. Въ 1 кл. реального отдѣла. принимаю дѣти отъ 10 до 13 лѣтъ. Плата за ученіе въ годъ—въ реальн. кл. 80 р., въ спеціальн. класс. 100 р. Всѣ учителя приходские.

Поч. повѣч. зав.-сов. Барановъ Ив. Адр. Директ. сс. Зографъ Конст. Юр. Инсп. сс. Лобовиковъ Георг. Ив. Инспектирующ. сс. Розановъ Пав. Пет. Законоуч.; Соколовъ Ив. Гавр., Смородинъ Ив. Пет., Беневоленскій Ник. Влад. Препо д.: сс. Голдованскій Ант. Пав., сс. Мильковичъ Ник. Зинов., сс. Птушевъ Евг. Ал-вев., сс. Жукова Пав. Андр., сс. Шаблинскій Вас. Сем., сс. Казинцевъ Адръ Степ., сс. Кульбергъ Ник. Адр., сс. Свѣтлицкій Влад. Пав., сс. Страдомскій Бор. Вас., сс. Егоровъ Фед. Сераф., сс. Славутинскій Влад. Ив., сс. Зерновъ Бор. Серг., сс. Пантелеевъ Влад. Пет.; сс. Игумновъ Влад. Ив., сс. Сидоровъ Анат. Ив., сс. Найдеровъ Ив. Влад., ка. Либерманъ Вильг. Авг., сс. Померанцевъ Мих. Сем., сс. Домбровский Ник. Влад., ка. Залѣтскій Влад. Пет., сс. Виноградовъ Дн. Ив., Кулисъ Пет. Пет., Гуляевъ Ал-ѣй Ив., сс. Головинъ Ник. Адр., сс. Бочваръ Анат. Мих. Руководит. практич. работъ: сс. Воскресенскій Ив. Авкс., ка. Ивановъ Адръ Конст., сс. Литковъ-Смирновъ Вас. Степ., сс. Церевитиновъ Фед. Вас. Учит. пѣн. ка. Васильевскій Мел. Вас. Учит. гимнаст. Индрихъ В. Б., Помощн. классов. наставн.: сс. Малиновъ Пет. Степ., сс. Назаровъ Мих. Адр., ттс. Крапоткинъ Адръ Ив., Левточниковъ Ив. Вас. Надзир. техн. кл. сс. Максимовъ Ив. Макс. Техники: Попровский Ник. Макс., Бульгъ Мих. Ив. Писъмовод. и бухг. ка. Поспѣловъ Пав. Ник. Помощн. Теплоевъ Ник. Дк. Врачи: сс. Криличевскій Мих. Зах., сс. Соколовъ Бор. Ал-вев., Смирновъ Яв. Андр. Фельдш. крѣ. Дубровинъ Пав. Матв.

*Преподаватели МПУ 1914 г.:
Пантелеев, Иванов, Зернов,
Бочвар, Игумнов, Церевитинов,
Сидоров, Найдеров [6]*

Московское промышленное училище

В справочном издании «Вся Москва» за 1914 год на стр. 418 находим информацию о списочном составе работников училища (**фото стр. 11**):

Московское Промышленное училище в память 25-летия царствования Императора Александра II

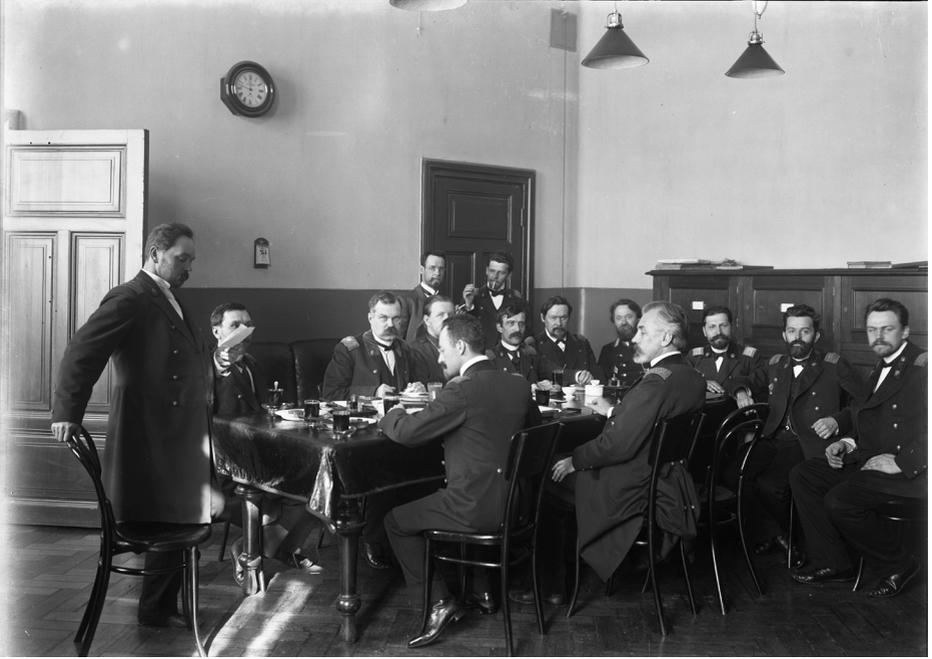
Миусская пл., собственный дом, тел. 23-19

Состоит из 5 реальных классов, 4 классов механического и 4 классов химического училища. В 1 класс реального отделения принимаются дети от 10 до 13 лет. Плата за обучение в год – в реальных классах 80 руб., в специальных классах 100 руб. Все ученики приходящие.

Почетный попечитель - ман. советник Баранов Иван Александрович. Директор – статский советник (сс) *Зограф Константин Юрьевич*. Инспектор – сс Лобовиков Георгий Иванович. Инспектирующий – сс Розанов Павел Петрович. Законоучитель – Соколов Иван Гаврилович, Смородин Иван Петрович, Беневолинский Николай Владимирович. Преподаватели: сс Голдованский Анатолий Павлович, нс Милькович Николай Зинов., сс Пегушев Евгений Алексеевич, сс Жувена Павел Александрович, сс Шаблинский Василий Семенович, Казанцев Александр Степанович, кс Кульберг Николай Алекс., сс Свенцицкий Владимир Павлович, кс Страдомский Борис Васильевич, кс Егоров Василий Серафимович, кс Славутинский Владимир Иванович, кс *Зернов Борис Сергеевич*, сс *Пантелеев Владимир Петрович*, нс *Игумнов Владимир Иванович*, сс Сидоров Анатолий Иванович, сс *Найдеров Иван Владимирович*, ка *Либерман Вильгельм Августович*, сс Померанцев Михаил Семенович, нс Домбровский Николай Владимирович, ка Залесский Владимир Петрович, кс Виноградов Дмитрий Иванович, Кулис Петр Петрович, Гуляев Алексей иванович, кс Головин Николай Алекс., сс *Бочвар Анатолий Михайлович*,. Руководители практических работ: нс Воскресенский Иван Алекс., ка *Иванов Александр Константинович*, кс Литков-Смирнов Василий Степанович, кс Церевитинов Федор Васильевич. Учитель пения – ка Васильевский Мел. Васильевич. Учитель гимнастики – Индрих В.К. Помощник классного наставника: Маликов Петр Степанович, нс Назаров Михаил Александрович, ттс Крапоткин Александр Иванович, Ленточников Иван Васильевич. Надзиратель технических классов: нс Максимов Иван Максимович. Техники: *Покровский Николай Максимович*, Буль Михаил Иванович. Питсьмоводитель и бухгалтер - ка Пospelов Павел Николаевич. Помощник – Теплов Николай Яковлевич. Врачи: сс Криличесвский Михаил Захарович, Соколов Борис Алексеевич, Смирнов Яков Андреевич. Фельдшер – крг Дубровин Павел Матвеевич.

На стр. 13 вы видите фотографии, напечатанные со стеклянных негативов, недавно поступивших в распоряжение авторов, на которых запечатлены преподаватели МПУ 1900-х. В лаборатории крайний слева - Покровский Н.М. В автобиографии он писал: «Во время войны вел занятия по качественному анализу за отсутствующих преподавателей...»

Первая мировая 1914 - 1918

Атмосфера в учебных заведениях России в годы Первой мировой войны

Воспоминаний о днях войны и обстановке на Миусах мы не обнаружили. Передать атмосферу, царящую в среде учащихся России, помогают документы, хранящиеся в архивах и газетные публикации. Нисон Семенович Ватник, доцент Коломенского педагогического института, исследующий в своих трудах общественную активность учащейся молодежи в начале XX века, констатирует: «Патриотизм как присутствующее в народе чувство любви к своему Отечеству, его истории и культуре значительно усиливается и приобретает особую эмоциональную окраску во времена испытываемых страной внешних и внутренних потрясений. Не была исключением в этом отношении и Первая мировая война 1914–1918 гг. Обнародование высочайшего манифеста о ее начале (см. стр. 4) вызвало среди школьной и студенческой молодежи подъем патриоти-

*Патриотическая демонстрация студентов-добровольцев
ул. Тверская, Москва, 10 октября 1914 г. Фотограф А.И. Савельев*

ческих настроений. Война расценивалась молодыми людьми как продолжение традиционной помощи православным балканским народам, ставшим жертвами австро-германской агрессии. Зримым выражением патриотических чувств явились состоявшиеся во многих губернских городах демонстрации, в которых приняли участие гимназисты и реалисты старших классов. В столице гимназисты и гимназистки до хрипоты кричали «Живио!» у сербского посольства и вместе с другими манифестантами восторженно приветствовали появление императорской четы на балконе Зимнего дворца. Причем в отличие от бурных событий 1905 года школьное начальство и учителя с пониманием отнеслись к столь явному нарушению правил для учащихся.

В учебных заведениях в ту пору царило радостное предчувствие скорых и блестящих побед русской армии, в немалой степени подобные ожидания поддерживали газетные публикации о вылазках фронтовых разведчиков и успешных казачьих атаках. В восприятии учащимися боевых действий преобладали юношеский романтизм и мечтательность. Один из писателей отразил эти настроения так: «Гимназистки сходили с ума, мечтая о косынках милосердных сестер; гимназисты готовились добровольцами на фронт. Война издала казалась завлекательным зрелищем: с красавцами генералами на белых и вороных конях, с живописными клубами порохового дыма». Резко возрос интерес юношества к книгам по военной истории, чтение и обсуждение фронтовых сводок стали частью ученической жизни» [11].

С началом Первой мировой войны детский патриотизм в России, как писали газеты того времени, «охватил все слои общества». Стремясь помочь своим отцам и братьям, на поля сражений Первой мировой войны рвались и совсем юные гимназисты, воспитанники училищ, семинарий, кадетских корпусов. Специальные выпуски журналов, брошюр, листовок пестрели описаниями боёв и фотографиями их участников, ещё недавно ходивших в школу, а теперь красовавшихся в новенькой армейской форме с Георгиями на груди.

Побеги на фронт стали распространенным явлением. Отложившиеся в архивах донесения директоров учебных заведений свидетельствуют, что чаще всего таких несостоявшихся воинов задерживали уже на ближайших железнодорожных станциях. Возвращенные в семьи, они безыскусно объясняли свои поступки желанием «ходить в разведки» и «разносить патроны», подражая персонажам фронтовых корреспонденций.

Указ императора Николая II, разрешавший студентам вузов записываться добровольцами в армию, подтолкнул к активным действиям не только среднюю, но и начальную школу. На имя попечителей учебных округов обрушился поток заявлений от учащихся выпускных классов с просьбой о производстве ускоренных экзаменов, чтобы успеть попасть

Московское промышленное училище

на позиции, пока не закончилась война.

Вот свидетельства газетных публикаций осени 1914 года: заявления поступили от всех учащихся восьмого класса Либавской гимназии, от половины восьмиклассников Рижской гимназии, от 16 восьмиклассников Казанской гимназии. Шесть добровольцев отправились на фронт из Пензенского рисовального училища имени Селиверстова, пять - из Пермской духовной семинарии, тринадцать - из Чувашской учительской семинарии. 300 учащихся Мюльграбенского училища дальнего плавания имени цесаревича Алексея избрали сухопутный фронт.

Кстати, к середине 1915 года в живых из будущих моряков осталась ровно половина - 150 человек. Их имена можно было встретить в списках погибших и раненых под Варшавой, Люблином, Ивангородом, Сандомиром, Гумбинненом и в Карпатах.

Первыми в списке юных воинов стали, как их называли, «братики милосердия». Ученики второго класса Одесской гимназии близнецы Женя и Коля работали на приёмном пункте временно выбывших из строя солдат. Братья следили за ранеными, которых привозили с фронта. Они всячески старались помочь раненым солдатам – читали книги, писали письма, звонили по телефону, вызывали родных и близких.

Гимназист седьмого класса Виленской гимназии Александр Мазур обратился к Командующему 1-й армией Павлу Ренненкампу с просьбой о зачислении на военную службу. Командующий оставил мальчика при штабе. Талантливый гимназист внёс усовершенствование в работу искрового телеграфа. Юный изобретатель погиб, наблюдая за разминированием водокачки в Инстербурге.

Тринадцатилетний Василий Правдин неоднократно отличался в сражениях – вынес из гущи боя раненого командира полка. За боевые заслуги был награждён тремя Георгиевскими крестами. Его ровесник Василий Наумов отличался не меньшей храбростью. Через всевозможные испытания и препоны он добрался до фронта из Симбирского села Крестниково. В результате стал разведчиком, был награждён двумя солдатскими Георгиевскими крестами и Георгиевской медалью, а потом был дважды ранен и повышен до унтер-офицера (*фото на стр. 16*).

Кстати, на фронте воевали не только юноши, но и девушки. Так, ученица шестого класса Виленского высшего Мариинского училища Кира Башкирова за боевые подвиги была удостоена Георгиевского креста. Под видом добровольца Николая Попова она вступила в один из полков и уже через неделю отличилась в ночной разведке.

Дети в возрасте 9-13 лет в стремлении помочь старшим в защите Отечества проявляли удивительную настойчивость в достижении цели. Учащийся реального училища города Николаева Яков Шафриневич, получив отказ на своё прошение местному воинскому начальнику, обратился прямо к верховному главнокомандующему, а когда и это не помогло, сам добрался до передовой. Малолетние добровольцы в одиночку и группами бежали на фронт из Петрограда, Москвы, Одессы, Екатеринбургa, Киева, Новгорода, Пскова и других городов [12].

На боевых позициях маленькие добровольцы подносили патроны стрелкам, сновали по ходам сообщения на фланги рот и передавали команды, ползали по полю под огнём противника и подбирали патроны. *(На стр. 17 - Владимир Владимиров, 11 лет, Георгиевский кавалер).*

Иначе, в основном, поступали учащиеся старших классов — молодые люди 17-19 лет. Одни предпочитали разрешенную родителями и учебным начальством запись в действующую армию, т.е. «добровольчество», другие же отстаивали возможность ускоренного поступления в юнкерские училища. Реализации таких планов способствовала ситуация на фронтах: осенью 1914 года кадровые потери русской армии в Восточной Пруссии и Галиции, в Варшавско-Ивангородской операции оказались настолько велики, что пресса среди источников пополнения «выбитого офицерского состава» называла выпускников средних учебных заведений, сдавших выпускные экзамены «не поздней весной, а в рождественские вакации». Множественные обращения учащихся Владимира, Москвы, Перми, Петрограда, Саратова, Томска, Ярославля, Коломны, Сергиева Посада и других городов, поддержанные попечителями учебных округов и общественным мнением, возымели действие: Министерство просвещения и Святейший Синод разрешили организацию досрочных испытаний. Свой шаг навстречу стремлениям молодежи сделало и военное ведомство. Так, в Виленское военное училище с 1915 года принимались без экзаменов юноши, окончившие 6 классов средних учебных заведений или 2 класса духовной семинарии.

О распространенности движения можно судить по ряду типичных примеров. В Саратовском техническом училище добровольцами пожелали стать целые классы. В Вифанской духовной семинарии (Сергиев Посад Московской губернии) 12 воспитанников обратились в Синод с просьбой разрешить держать выпускные экзамены в декабре 1914 года, «чтобы немедленно вступить в ряды армии». Пятеро воспитанников Оренбургской духовной семинарии оставили учебу после окончания 2-го

Московское промышленное училище

Лесная улица, «Московский Распределительный госпиталь».

Фотограф: Карл Булла

.....
класса для поступления в военное училище. В Коломенской гимназии, как следует из донесения директора, с октября 1914 по май 1915 года десять старшеклассников поступили в военные училища, а трое стали добровольцами.

Добровольцы-старшеклассники и подростки, которым, несмотря на препятствия, удалось попасть на фронт, обычно зачислялись во вспомогательные подразделения, но известны многочисленные факты их участия и в военных действиях. Например, гимназист 6-го класса Шавельской гимназии В. Най

Госпиталь в ИМТУ. Софийка (Пушечная улица, №2)

.....
денов, будучи санитаром, был ранен, подбирая под орудийным огнем и вывозя на телегах других раненых. Коломенский гимназист А. Пробатов получил контузию, поддерживая сообщение между подразделениями, за что удостоился боевой награды. Показали себя храбрыми разведчиками А. Боравский — ученик Виленского химико-технического училища, В. Соболев — гимназист Радомской гимназии, В. Макаров - гимназист Пермской гимназии и другие.

Героизм учащихся воинов благодаря газетным и журнальным публикациям становился общеизвестным, что, в свою очередь, стимулировало патриотический порыв молодежи.

Болезни, увечья и смерть не обходили стороной, как и всех, юношей-добровольцев, хотя взрослые воины по возможности пытались их уберечь. Отражая общественное беспокойство о судьбах молодого поколения, журнал «Гимназист» спрашивал своих читателей: «Должны ли мы помочь Родине... личным участием на поле брани, или для это-

Московское промышленное училище

го мы еще слабы, и не принесем ли мы больше пользы... на местах тем или иным посильным для нас трудом?». И здесь же давался ответ: «Кругом столько лазаретов, питательных и санитарных пунктов, так часты кружечные и другие сборы... и ваша помощь, сочувствие и поддержка здесь для вас нравственны и обязательны». Та же мысль высказывалась в предназначенном для педагогов «Вестнике воспитания»: «Нельзя всем сражаться», а мирная работа в тылу «бесконечно разнообразна».

Для учащихся первым и наиболее доступным способом поддержки воевавшей России стала «помощь раненым и увечным». Она стихийно возникла уже осенью 1914 года в связи с созданием в тыловых городах перевязочных отрядов, лазаретов и госпиталей, большинство из которых находились в зданиях средних учебных заведений. Масштабы использования школ для нужд военного ведомства отражены в переписке Министерства просвещения с попечителями учебных округов. Для иллюстрации приведем некоторые сведения из донесений с мест: в школах Петербургского учебного округа в первые месяцы войны были размещены военные лечебные учреждения на 7300; в гимназиях Москвы — на 2115; в учебных заведениях Смоленска — на 1126 мест. Поэтому повседневным стало дежурство юношей на станциях для встречи санитарных поездов и доставки раненых; гимназистки помогали ухаживать за выздоравливающими, а семинаристы проводили в лазаретах учебные занятия с неграмотными и устраивали для солдат религиозно-нравственные и историко-патриотические чтения [11].

Константин Паустовский, чья юность пришлась на годы войны, вспоминал в книге «Повесть о жизни»: *В октябре 1914 года я уволился с московского трамвая и поступил санитаром на тыловой военно-санитарный поезд Союза городов. Сидеть в Москве было невозможно. Всеми мыслями я был на западе, в сырых полях Польши, где решалась судьба России. Я искал возможности быть ближе к войне и вырваться наконец из уныния давно уже развалившейся семьи.*

Почти все санитары тылового поезда были добровольцы-студенты. Мы носили солдатскую форму. Нам только разрешили оставить студенческие фуражки. Это обстоятельство много раз спасало нас от грубости и «цуканья» военных комендантов. У каждого из нас, санитаров, был свой пассажирский вагон на сорок раненых. Делом чести считалось «надраить» свой вагон до корабельного блеска, до такой чистоты, чтобы старший врач, член Государственной думы Покровский, осматривая поезд перед очередным рейсом, только ухмыльнулся бы в свою русую эспаньолку и ничего не сказал. А Покровский был строг и насмешлив.

Я боялся первого рейса. Я не знал, справлюсь ли с тем, чтобы обслужить сорок человек лежащих раненых. Сестер на поезде было мало. Поэтому мы, простые санитары, должны были не только обмыть, напо-

ить и накормить всех раненых, но и проследить за их температурой, за состоянием перевязок и вовремя дать всем лекарства [13].

В школах постоянно собирались пожертвования для «раненых и увечных», а также в пользу пострадавших от боевых действий сербов и черногорцев; уча-

щиеся младших и средних классов занимались на улицах аналогичными «кружечными сборами». Союз городов сообщил о взносе 114 рублей от учеников Московской гимназии Шелапутина (*что располагалась в нашем «сером» корпусе - авт.*), а Московская городская управа – о поступлении 465 руб. 49 коп. от 1-й Московской гимназии.

Популярность в школах приобрели уроки строевой подготовки с овладением ружейными приемами – одиночные и шереножные учения, взводные и ротные перестроения, фехтование на ружьях как «приготовление к исполнению воинского долга». Распространенной формой помощи фронту стала организованная трудовая деятельность учащихся. Возникнув стихийно в первые месяцы войны, это движение в 1915 году получило одобрение императора и регламентировалось документами Министерства просвещения. Было признано полезным и желательным, чтобы молодежь «отдала часть своего рабочего времени на изготовление предметов снаряжения для армии»: циркуляр рекомендовал перечень таковых (рукоятки для пехотных и кавалерийских топоров, черенки для пехотных лопат и кирок, снаряжные ящики, траншейные перископы) с указанием размеров и исходных материалов. Все работы производились за счет учебных заведений и во внеурочное время, но это не вызывало возражений учащихся, которые гордились своим участием в изготовлении «предметов государственной обороны». (*На фото - склад перевязочных материалов под патронажем княгини Марии Павловны*).

На Миусах, в МПУ ситуация складывалась так же, как и в других учебных заведениях Москвы: сбор помощи раненым, дежурства в госпиталях, участие в производстве некоторых медикаментов, налаженном в химических лабораториях училища [9].

Московское промышленное училище

Суровая действительность войны внесла в поведение учащихся и те черты, которые не могли не беспокоить педагогов: национальную нетерпимость, излишнюю возбужденность, снижение интереса к учебе, необычную жестокость в играх младших школьников «в войну». Известны случаи, когда ученики требовали удаления учителей-немцев и прекращения преподавания немецкого языка. Неблагоприятные сводки с театра военных действий, железнодорожные составы с ранеными, гибель или увечье близких родственников, появление на улицах инвалидов – все это отвлекало от учебных занятий, вызывало повышенную тревожность и, как отмечали современники, «крайне нервировало» молодежь. О всплесках шовинизма в Москве напоминают события мая 1915 г.: под лозунгом борьбы с «немецким засильем» имели место погромы и нападения на магазины и предприятия, принадлежавшие немцам.

Неудачи русской армии и зримые тяготы войны существенно сказались на настроениях в обществе. В семьях учащихся обсуждались газетные публикации об острых дискуссиях в Думе, передавались слухи о предательстве «верхов» и «распутинщине», высказывались недовольства в связи с «министерской чехардой» и материальными трудностями. Все эти будоражащие молодые умы разговоры накладывались на собственные наблюдения за тревожными событиями на фронте и перемемнами в повседневной жизни.

Гнетущее впечатление произвело отступление русских войск в 1915 году. И дело не только в огромных потерях и оставлении больших территорий. Из западных губерний в центр России были эвакуированы русские учебные заведения, которые размещались на базе действующих средних школ. На Миусах расположился Варшавский политехнический институт, в дальнейшем «перевравшийся» в другие города России. С ним в Москву прибыл А.А. Бринкен, известный среди менделеевцев преподаватель и ученый секретарь института. Рассказы эвакуированных сверстников и беженцев о пережитом разрушали романтические представления о войне; тому же способствовали и картины страданий раненых в тыловых лазаретах, где в качестве помощников выступали старшекласники.

Повсеместно педагоги отмечали среди молодежи падение интереса к учебе. В немалой степени это было связано со снижением доходов семей школьников, вызванным в первую очередь ростом цен на продукты питания и жилье. Это ставило под сомнение продолжение образования для детей из семей не только с низким, но и со средним достатком. Происходило нарушение незыблемого, как казалось, учебного распорядка и воспитательного режима. Эвакуационные мероприятия привели к скученности учащихся, переполнению классов, занятиям в две смены и т.п. Нередки были случаи прекращения уроков и сокращения каникул из-за

временного расположения в зданиях учебных заведений госпиталей, интендантских или штабных служб. Преподавание оставили призванные в армию учителя, не имевшие брони, и далеко не всегда замена была полноценной или вакантная должность вообще не замещалась. Значительные изменения принесли в 1915—1916 гг. мероприятия Министерства просвещения, связанные с готовящейся реформой средних учебных заведений: расширялись функции родительских комитетов, смягчался внешкольный надзор за учащимися, гимназиям разрешалось отменять переводные и выпускные экзамены в 1916 году, обсуждалась отмена балльной оценки знаний и др.

Как результат – в ученической среде начали формироваться новые настроения. Появились сомнения в целесообразности войны, разочарование по поводу способности верховной власти вывести страну из кризиса, неудовлетворенность постановкой учебного процесса и собственным статусом в школе, ожидание скорых перемен во всем. Падение «тонуса жизни» — так охарактеризовала педагогическая пресса 1916 года новое состояние учащегося юношества, которое не могла преодолеть даже эмоционально насыщенная трудовая помощь фронту. Правда, указанные процессы в большей мере наблюдались в столицах и крупных городах. В провинции молодежь была ближе к прежним оценкам войны, не придавая особого значения скандалам в «верхах». Поэтому «сомневающиеся» не превратились в пользующихся широкой поддержкой «революционеров», а учащееся юношество (в отличие от студентов) избежало идейной конфронтации по вопросу о войне. И хотя в учебных заведениях ряда городов — Воронежа, Коврова, Златоуста, Москвы, Орла, Петрограда, Риги, Тулы действовали нелегальные социалистические кружки, значительным влиянием вплоть до Февральской революции года они не пользовались.

Падение самодержавия в России значительно политизировало учащуюся молодежь. Созданные в марте–апреле 1917 года ученические внепартийные союзы, определяя свою позицию по общенациональным и академическим проблемам, неизбежно затрагивали и отношение к войне. Анализ резолюций собраний и уставов союзов учащихся, постановлений Всероссийского съезда учащейся молодежи (май 1917 г.) позволяет говорить о господстве настроений «революционного оборончества» как в крупных столичных организациях (Петроградская и Мо-

Московское промышленное училище

сковская насчитывали соответственно 12 и 15 тыс. человек), так и в провинциальных. Теперь война рассматривалась как справедливая борьба с «германским монархизмом, стремящимся уничтожить свободную революционную Россию». Следствием такой позиции явились публикации в ученической прессе заметок о подвигах на фронте, призывов бороться с лозунгами «Долой войну!» и подписываться на «Заем Свободы». Известность получили такие акции Петроградского союза, как митинг 19 апреля в Михайловском театре с участием А.Ф. Керенского и французского министра-социалиста А. Тома или однодневная трудовая мобилизация почти 1500 учащихся 15 апреля.

Бескомпромиссная политическая борьба в стране способствовала партийной дифференциации части молодежи, оформлению групп и союзов учащихся эсеровской, кадетской, большевистской, анархистской ориентации. Соответственно партийным пристрастиям определялось теперь отношение к «политическому моменту» и продолжающейся войне. Однако для большинства учащихся базовой ценностью оставалась защита Родины, и после прихода к власти большевиков она соединилась с идеей избавления России от покушавшихся на ее свободу «новых узурпаторов». Многие же, с напряженным любопытством наблюдая за происходящим, находились в полной растерянности, не понимая смысла, значения и последствий событий, что в целом соответствовало позиции семей учащихся, представлявших городские средние слои, в это сложное и противоречивое время.

Выпускники Миус – участники войны

В архиве РХТУ хранятся студенческие дела выпускников, начиная с первых лет Менделеевки. Самый первый выпуск инженеров в 1923 г. был особый, он состоял из выпускников Московского промышленного училища разных лет, которым было разрешено пройти ускоренный курс и, выполнив дипломную работу или проект, получить заветный диплом о высшем образовании. Многие студенты этого ускоренного курса уже занимали инженерные должности на предприятиях молодой республики Советов, и им было необходимо подтвердить документально свое соответствие занимаемой должности, да и самоутвердиться, что тоже немаловажно.

Таких выпускников оказалось около 50, некоторые личные дела содержат всего несколько документов: заявление, удостоверение (подлинник или копия) об окончании МПУ, личный листок студента, предметная или лекционная книжка, справка о вручении временного удостоверения об окончании курса МХТИ.

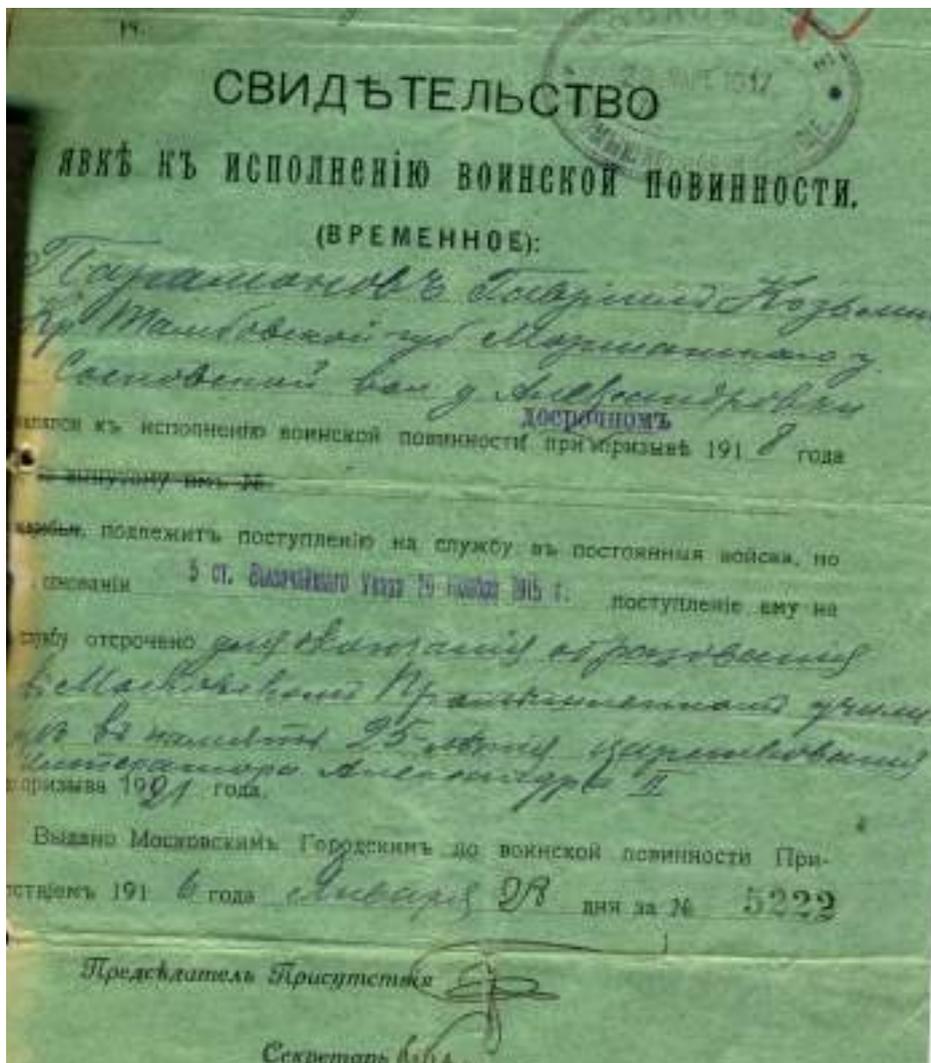
В Уставе Московского промышленного училища – прародителя Менделеевки – мы нашли специальное разъяснение о воинской службе в Российской армии выпускников МПУ: «окончившие с успехом курс училища... пользуются относительно... отбывания воинской повинности правами лиц, окончивших курс в средних общеобразовательных учреждениях».

Из документов выпускников МПУ ясно, что учащимся МПУ давалась отсрочка от поступления на армейскую службу до окончания образования, после чего они «подвергались призыву на службу в постоянные войска». Другой исторически памятный документ стал виден из личных дел выпускников – «Извлечение из устава о воинской повинности», где оговаривались действия выпускника после окончания МПУ. Из него следует, что большинство выпускников подлежало «к выполнению воинской повинности», а значит в годы Первой мировой войны парни из МПУ были в рядах российской армии или в тыловых подразделениях.

В опросных листах абитуриентов МХТИ в 1920-е годы содержится такой пункт, как *служба в царской или старой армии*, но большинство опрашиваемых старались уклониться от прямого ответа на этот вопрос. Скорее всего те, кто указывал службу в Красной армии и участие в гражданской войне, были участниками Первой мировой войны, но в анкетах это подтверждали не все опрашиваемые.

Московское промышленное училище

И все-таки удалось документально подтвердить участие выпускников Московского промышленного училища в боевых действиях на фронтах Первой мировой войны, работу на военных заводах, в железнодорожных и автомобильных частях и пр. с оговоркой, что это лишь те выпускники МПУ, что впоследствии пришли в Менделеевку для обучения инженерному искусству.

1. Федотов Иван Клементьевич

Из жизнеописания: Окончил МПУ в 1908 году и был на ситцепечатной фабрике практикантом. В 1909-1910 гг. работал в химической лаборатории Александровской ж/д. В 1910 г. поступил на химическое отделение Высшего технического училища (бывшего Императорского) и по числу сданных предметов числился на 4 курсе. В 1916 г. был призван на военную службу. Окончил Александровское военное училище (ускоренный выпуск) и был отправлен на фронт, где пробыл два года до демобилизации армии. Служил в автомобильном парке, заведующим гаражом и дивизионным химиком. После демобилизации ввиду тяжелого материального положения был вынужден оставить высшую школу и поступить техником на 1-й государственный автомобильный завод, где и по настоящее время (20.12.1921) состою на службе...

Московское промышленное училище

2. Староверов Михаил Никитич – в заявлении пишет, что с 1914 г. находился на военной службе. МПУ окончил в 1918 г. Других документов, подтверждающих участие в военных действиях, в деле не содержится.

3. Сигов Николай Павлович – в своем заявлении от 25 сентября 1922 г. пишет: Окончил в 1910 г. Московское Промышленное Техническое училище (с средними правами), с 1911 по 1914 г. имел трехлетнюю заводскую практику (завод Брашнаина в Москве и Надежинский завод на Урале), а с 1914 г. работал по автомобильному делу последовательно:

- 1). Пом. зав. мастерской 2-й автороты – вольноопределяющ.
- 2). -----12-й автороты – вольноопределяющ.
- 3). Механик-инструктор 1-го Тракторного артиллерийского дивизиона – з. воен. чинов.
- 4). Техник авто-части главн. воен. техн. управления
- 5). Завед. организ. п\о Всерос. авто-центра
- 6). Уполномоченный ЦАС по Уралу
- 7). Начальник авто-части III-й армии
- 8). Инспектор по авточасти ЦУПВОСО
- 9). Начальник транспортной части авто-отдела ЦУМТ.

В феврале сего года при Менделеевском Технологическом институте открыт специальный ускоренный выпуск бывших воспитанников МПУ для подготовки на звание инженера. Будучи демобилизованным только с сентября с/г, я не имел возможности поступить в число слушателей, и в настоящее время прошу ЦК Транспортных рабочих командировать меня на ускоренный курс, что дает мне возможность продолжать работу в ЦУМТе НКПС, т.к. занятия на ускоренном специальном выпуске производятся в вечернее время. Документы о моем практическом стаже у меня имеются.

4. Кобяков Иван Ефимович – окончил МПУ в 1911 г. В личном деле имеется приложение к заявлению о практической деятельности за период 1911-1921 гг. в рукописной форме. В ноябре 1915 г. мобилизован в старую армию. Апрель-июнь 1916 г. – техник в Запасном тяжелом артиллерийском дивизионе – уход и ремонт 8” гаубиц Виккерса. Июнь-декабрь 1916 г. - Петроградский артиллерийский склад – начальник артиллерийского отделения – заведывание реквизированным в Вост. Пруссии и эвакуированным имуществом, руководство сборкой 45” гаубиц (англ.). Декабрь 1916 - август 1917 – запасная конно-артиллерийская дивизия г.Орел – председатель гарнизонного военно-технического Комитета - заведывание кузнечной и слесарной мастерскими дивизиона, преподавательская деятельность по спец. технически-артиллерий-

Московское промышленное училище

Этим сообщением, как и все свои доклады, в
числе в аттестации об окончании Проф. училища,
враз передаю, сопроводившим моего сына
Красной Армии, лично уйражен, а когда
не смогут этим предельными, но за верн
этим сообщением ругают своей работой.

Механик М. С. Соловьев

25 марта 1923.
г. Москва.

Приложение: Сведения
Г. Мещеряков

Первая мировая 1914 - 1918

скому курсу для офицеров и по технологии металлов для мастеровых. Сент. 1917 - февраль 1918 (до демобилизации из старой армии) – механические мастерские Главного инженерного склада – заведывание деревообделочной, кузнечной и медницко-жестяными мастерскими.

Интересная деталь – к заявлению имеется приписка следующего содержания: «Документы, в том числе аттестат об окончании МПУ, во время передряг, сопровождавших мою службу в Красной Армии, мною утрачены, но за верность этих сведений ручаюсь своей честью».

5. Елаков Андрей Сергеевич – окончил МПУ в 1909 г. В 1911-1912 гг. работал в качестве техника-химика на формальдегидном заводе Брашнина. (У М.Н. Брашнина был небольшой завод в Москве по производству формалина. Основные производственные мощности купцов из фамилии Брашнинных – шелкоткацкие производства – располагались в д. Дубровка, ныне район завода «Карболит», Орехово-Зуево - авт.).

В 1915-1917 гг. – в армии по борьбе с удушающими газами и в Московском районном нефтяном комитете.

Как зарубка на память, небольшая информация от 25.02.2008 г. с сайта PharMax.Ru о «становлении российской фармацевтической промышленности»: «Член Русского физико-химического общества В.П. Пантелеев совместно с В.И. Брашниним в химических лабораториях Московского промышленного училища разработал способ получения из технической карболовой кислоты таких препаратов, как лизол, салициловая кислота и ее производные».

Василий Брашнин – однокашник Елакова А.С. по МПУ (выпуск 1909 г.), а Владимир Петрович Пантелеев – известный химик-технолог (выпускник Петербургской техноложки) в истории МПУ и МХТИ (см. стр. 93).

Московское промышленное училище

6. Силин Василий Сергеевич – окончил МПУ в 1916 г., поступил в Петроградское Артиллерийское училище на ускоренные курсы, окончил в 1917 г. Все время, как в старой армии, так и в Красной армии служил на должности артиллерийского техника.

Первая мировая 1914 - 1918

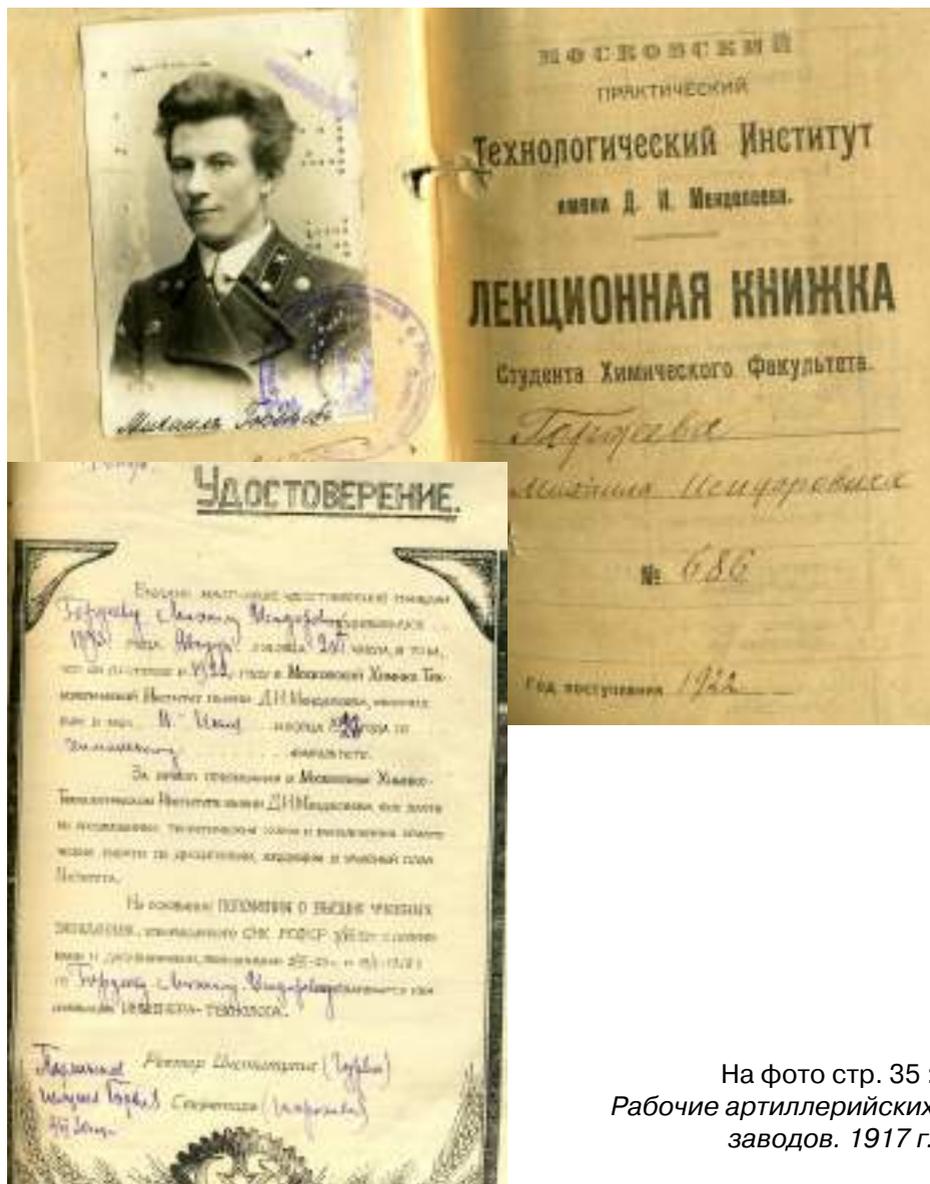
7. Кузьмич Борис Фомич – в заявлении о себе сообщает следующие сведения: В 1914 г., перейдя в 4 класс химического отделения МПУ, выехал на лето в Германию, где был застигнут войной и остался там в качестве гражданского военнопленного (Zivil – Gefangener).

1915 г. – работал на химическом заводе - Vuliten-Hutte, bei Freitberg - Саксония в качестве простого рабочего (у камер по производству серной кислоты на башне Probera? и пр.). 1916-1917 гг. работал в качестве химика в лаборатории на каменноугольной копи – Zeche Minister Von Achen.... bei Dortmund – Westfalen. 1917 из плена бежал и, будучи в течение 4-х месяцев в Голландии и Англии (Лондон). имел возможность посетить много химических заводов. Вернувшись в 1917 г. в Россию, снова поступил в МПУ и в 1918 г. его окончил. С 1918 по 1921 г. был мобилизован и в Красной Армии работал в качестве лектора по вопросам естествознания и пр.

Московское промышленное училище

8. Гордеев Михаил Иосифович – 1893 г.р., выпускник МПУ 1914 г. Работал в военном ведомстве в качестве пиротехника химической лаборатории военного склада №36 и вел исследовательские работы секретного характера, не подлежащие разглашению (так в справке). Год начала работы в справке не указан, справка выдана в 1924 г.

На фото стр. 35 :
Рабочие артиллерийских
заводов. 1917 г.

Первая мировая 1914 - 1918

9. Куприянов Константин Васильевич – окончил МПУ в 1913г. В справке от 2 мая 1916 г., выданной Московским военно-артиллерийским заводом, сообщается, что он в 1915-1916 г. работал токарем на этом заводе.

Московское промышленное училище

10. Кабелевский Сергей Филиппович – окончил МПУ в 1917г. В справке о практическом стаже пишет: Во время обучения в МПУ во время летних каникул работал токарем сборочного цеха в мастерских машиностроительного завода, где приходилось заниматься ремонтом автомашин, присылаемых с фронта. В сентябре 1917 г. был призван в армию, состоял на службе в Механическом отделении Управления шоссейных дорог. До 1921 г. работал начальником Армейской автомобильной мастерской 3-й армии.

Страницы из воспоминаний

Полноценных, развернутых воспоминаний участников той войны – Великой, второй отечественной, мировой, империалистической, забытой – в России написано немного по известным историческим причинам: долгие годы историю страны мы исчисляли с октября 1917-го. Особенно ценны в связи с этим свидетельства менделеевцев, прошедших горнила Первой мировой, написанные чуть подробнее, чем казенные «по мобилизации был призван в старую армию» или «был вынужден прервать учебу в связи с участием в военных действиях». Воспоминания профессоров МХТИ Н.Е. Пестова, Е.И. Орлова, А.Г. Горста, А.С. Бакаева, В.М. Родионова были напечатаны в «Историческом вестнике РХТУ», газете «Менделеевец», автобиографических изданиях и вызывали неизменный интерес читателей.

Пестов Николай Евграфович

Профессор кафедры технологии минеральных веществ (ТНВ), один из сподвижников профессора Н. Ф. Юшкевича, организатора основной химической промышленности СССР. Читал менделеевцам курс лекций технологии минеральных солей и удобрений в середине 1930-х [6,с.467]. Далее приводим несколько страниц воспоминаний из книги «Серафимово благословение», Новосибирск, 2000 [14].

Семья

«Я родился 17(4) августа 1892 года в Нижнем Новгороде и был последним, десятым, ребенком у моего отца Евграфа Федоровича Пестова от его второго брака. Со стороны отца я был мещанином. Дед мой, Федор Кузьмич, в молодости был бурлаком на Волге (в семье хранился и передавался из поколения в поколение бурлацкий ключ, за который бурлаки крепили бечеву к барже). И был он, очевидно, личностью незаурядной, так как сумел вырваться из нищеты и обосноваться в Нижнем Новгороде. Отец получил от него в наследство маленький магазинчик, но вскоре, будучи очень доверчивым и добрым человеком, был обворован своими же приказчиками и разорился. Магазин перешел в собственность компании «Арабажи», а Евграф Федорович стал в нем старшим продавцом. Компания «Арабажи» занималась в основном торговлей вином и сухофруктами. И магазин, в котором работал отец, торговал всевозможными винами и сладостями (*фото на стр. 37 – Николай Пестов сидит слева на заборе*).

При моем рождении семья состояла из отца, матери, брата Владимира, трех сестер (Ольги, Зинаиды, Веры) и одной прислуги — моей няни Анны. Трое старших детей моего отца жили в других городах, и двое умерли в раннем детстве. Своего старшего брата Александра я видел всего лишь один раз в жизни. Между нами была разница почти в тридцать лет. Он работал на Волге в компании купцов Башкировых, торговавших мукой.

Своего отца я почти не помню, так как он умер, когда мне было всего 6 лет. Помню только, что он был очень добрый и часто болел. После смерти отца компания «Арабажи» платила нашей семье пенсию 25 рублей в месяц. На эти деньги, плюс еще заработок матери (она хорошо шила, и у нее было много богатых заказчиц) и жила наша семья.

Мать моя, Ольга Константиновна, происходила из купеческой семьи Баташевых и отличалась скромностью, трудолюбием, сердечностью и необыкновенной душевной теплотой. После смерти мужа она своими трудами содержала нашу семью и помогала всем, кому чем могла.

Высшая школа МВТУ

Полюбив химию, я по совету своих родных (дяди Эри) держал курсный экзамен и поступил на химический факультет Императорского Московского высшего технического училища (теперь МВТУ им. Н. Э. Баумана).

Существенную помощь в моем устройстве в Москве оказал мой крестный отец Николай Матвеевич Башкиров, богатый купец, имевший в Москве на Старой Басманной свой дом. У него я и поселился. Училище находилось на Коровьем Броду, и я доходил до него за 20 минут.

Сохранилась Предметная книжка (зачетная книжка) студента Императорского Московского высшего технического училища (химическое отделение) Пестова Николая Евграфовича, поступившего в 1911 году из Нижегородского реального училища, № 57-11. Книжка заполнена полностью, и из нее видно, что Николай Евграфович пребывал в стенах МВТУ с 1911 по 1914 год и с 1922 по 1924 годы. Все предметы оценены на оценку «весьма удовлетворительно» (5). *(на фото – студенты ИМТУ)*

Экзаменом по «Проектированию деталей машин», который датирован 5 мая 1914 года, записи обрываются. Следует перерыв в 7 лет. Летом, 1 августа 1914 года, началась Первая мировая война.

Первая мировая война застала меня на 4-м курсе МВТУ. Газеты публиковали патриотические статьи и призывы. Мне пришла в голову мысль: впоследствии, когда у меня будет семья, у меня спросят дети: «Что ты сделал для защиты Отечества?» Так был решен вопрос о немедленном добровольном поступлении в армию.

Были и другие мотивы, способствовавшие принятию этого решения, но теперь, спустя много лет, я вижу в этом Промысел Божий, который на восемь лет вывел меня из стен училища, чтобы вновь вернуть в него, но уже совершенно другим человеком. Вышел Савл, вернулся Павел...

МХТИ им. Д.И. Менделеева

Из послужного списка поручика Николая Пестова

Составлен октября 26 дня 1917 года (*обратите внимание: на следующий день после октябрьской революции – авт.*)

1 октября 1914 года поступил в Алексеевское военное училище на правах вольноопределяющегося 1-го разряда юнкером рядового звания.

...Приведен к присяге на верность службы 17 октября 1914 г.

...Унтер-офицер — 5 декабря...

...Младшим *портупей** юнкером — 14 декабря.

...Старшим *портупей* юнкером — 23 декабря.

...По окончании курса в училище по 1-му разряду Высочайшим приказом, состоявшимся в первый день февраля месяца 1915 года, произведен в прапорщики с назначением в 56 пехотный запасной батальон (Самогитского полка)...

...Прибыл и зачислен в списки 56-го пехотного запасного батальона и 6-й роты младшим офицером 6 февраля 1915 г.

(На фото – юнкер Н. Пестов)

*) *Портупей* - юнкер (младший и старший) – звание, которым удостоиваются лучшие из юнкеров специальных и военных училищ за отличное исполнение служебных обязанностей, при хорошей нравственности и успехах в науках. (Из военной энциклопедии 1911-1914 гг.)

В запасном батальоне

Моя служба в 56-м батальоне проходила довольно спокойно. Офицеры батальона в основном несли караульную службу на различных объектах Москвы. За полгода моей службы в Москве мне пришлось около десяти раз стоять на карауле в Кремле. Мой пост находился на втором этаже Большого Кремлевского Дворца. Дважды видел императора Николая II. Первый раз встреча с императором произошла на Манеже во время строевого смотра. Николай II был одет в офицерскую форму, поверх которой была накинута белая бурка, на голове папаха.

Лицо царя было строгое, взгляд - задумчивый и грустный. Он молча прошел мимо нас в сопровождении свиты, а когда прозвучала команда «вольно», он подошел к строю и стал беседовать с некоторыми офицерами и солдатами.

Вторая моя встреча с ним произошла в момент несения караула в Кремле. Дверь, возле которой я стоял, внезапно отворилась, и я увидел императора. Я отдал честь и встал по стойке «смирно». Император молча посмотрел на меня невидящим тяжелым взглядом и быстро удалился по коридору, покачивая головой и нервно потирая руки. Провожая его взглядом, я почувствовал, что мои колени дрожат...

В этот период я с радостью вспоминаю мою встречу с основательницей Марфо-Мариинской обители - Великой княгиней Елизаветой Федоровной. Она имела обычай посещать приюты и лазареты с ранеными на войне воинами.

Я был обязан ее встретить с обычным рапортом как дежурный офицер по казармам, в которых было и отделение (лазарет) для раненых воинов. Ее облик и кроткий взгляд оставили в моей душе неизгладимое впечатление простоты, скромности и радушия.

Рассказывают про случай, когда она посетила один приют с девочками четырех-пяти лет. Заведующая приютом накануне предупредила девочек: «Завтра к нам придет Великая княгиня. Когда она войдет в зал, то вы кричите: «Здравствуйте». И целуйте ручку. Поняли?» — «Поняли», — хором отвечали девочки. Приезжает княгиня и входит в зал, где были собраны принаряженные девочки. Те бросаются к ней навстречу и хором кричат: «Здравствуйте и целуйте ручку», — и протягивают ей свои ручонки. Улыбнулась княгиня и перецеловала у всех девочек их ручки. «Что мне теперь будет?» — думала начальница приюта. Но на другой день приехал автомобиль, нагруженный игрушками по числу девочек.

4-й осадный артиллерийский

«При нанесении контрудара 22 апреля 1915 года у Ипра немцы впервые применили отравляющее вещество, предприняв газобаллонную атаку с использованием хлора. Было отравлено 15 тысяч человек, из которых 5 тысяч умерло. После этого отравляющие вещества начали применять обе воюющие стороны».

В середине августа 1915 года в наш батальон пришло с фронта распоряжение: прислать офицера, хорошо знакомого с химией. Так, приказом № 264 от 19 августа 1915 года я был переведен на службу в Ригу, в 4-й Осадный артиллерийский полк, куда и прибыл 21 августа.

*Прапорщик Н. Пестов
1915 г.*

МХТИ им. Д.И. Менделеева

Кампания 1915 года, в которой я принимал участие, ознаменовалась появлением нового средства борьбы — отравляющих веществ (ОВ). Применение этих средств потребовало создания противогазов и организации противохимической защиты.

Основным родом войск в армии всех государств в Первой мировой войне была пехота. В сухопутные силы входили кавалерия и артиллерия. Специальные войска имели весьма незначительный удельный вес (около 2%). Прибыв на фронт, я был «зачислен в прикомандированные и начальником химлаборатории парка 21 августа 1915 года».

...Вся химзащита наших войск на нашем участке фронта была возложена на мою лабораторию. В наши обязанности входило проверять у солдат личные средства химзащиты и учить ими пользоваться. В армии в то время стали впервые вводиться противогазы. К счастью, по данным нашей разведки, немцы не собирались использовать на нашем участке фронта ОВ (газы). Но, тем не менее, возможность такого применения наше командование не исключало. У нас тоже имелись некоторые запасы ОВ.

К моменту моего приезда на фронт наши войска вели изнурительные позиционные бои. На участке фронта, занимаемом дивизией, в которую входил и наш полк, были отрыты две-три сплошные траншеи вдоль берега реки с замаскированными пулеметными точками. Проволочных заграждений не было, так как демаркационной линией служила река Западная Двина.

«Кампания 1915 года оказалась характерной усиленными поисками средств и способов преодоления позиционной обороны. В связи с этим бурно развивалась артиллерия как главная основная сила сухопутных войск. Продолжительность артиллерийских подготовок в отдельных операциях составляла несколько суток...»

Контузия и бомба

Не имея достаточного боевого опыта, я в первый же месяц пребывания на фронте при артподготовке получил сильную слуховую контузию. Опытные артиллеристы при выстреле орудия открывали рот и отскакивали от орудия. Я этого не сделал. Через полчаса стрельбы из левого уха у меня пошла кровь, а в голове звенели тысячи колоколов. Ухо мне залечили через несколько дней; звон в голове ослабел, но остался на всю жизнь. Я к нему уже так привык, что почти не замечаю его. Усиливается он лишь тогда, когда я чрезмерно устаю или сильно волнуюсь...

За время моего пребывания на Рижских позициях мне пришлось пережить две опасности и одну серьезную неприятность. Изредка немецкие самолеты пролетали над нашими позициями и сбрасывали бомбы. В октябре 1915 года я по заданию командования выехал на станцию

Исеколь в 30 км от Риги по железной дороге. Нам сообщили, что возле станции лежит неразорвавшаяся бомба, сброшенная с немецкого аэроплана. Я поехал туда на грузовом автомобиле. Бомба лежала около самой станции. Сверху бомбы на ее оси находилось ее взрывное устройство, кончавшееся пропеллером. Очевидно, он не

успел раскрутиться настолько, чтобы нижний конец штифта коснулся взрывного капсюля. Подрыв землю около бомбы, я ее осторожно наклонил и придал ей горизонтальное положение для большей безопасности. Вопрос был в том, насколько близко конец штифта находился от поверхности взрывного капсюля. При тряске штифт мог бы коснуться капсюля, и произошел бы взрыв. А мне нужно было возвращаться на грузовом автомобиле по тряской осенней дороге. Я взял бомбу на руки горизонтально, как маленького ребенка, отнес в машину и занял место рядом с шофером, держа ее в своих руках. Я привез бомбу в казарму, где ее заперли в отдельном помещении. Вернувшийся из командировки пиротехник на другой день благополучно вывинтил взрывную головку. Весом бомба была примерно около двенадцати-пятнадцати килограммов.

Из воспоминаний Зои Вениаминовны - жены Н.Е. Пестова

Эту бомбу, уже без взрывчатки, Николай Евграфович привез домой в Нижний Новгород, а затем в Москву. Во время обыска и ареста Н.Е. в 1930 году один из сотрудников ГПУ, производивших обыск, увидел эту бомбу в подвале (она служила нам гнетом) и закричал страшным голосом:

- Смотрите! Бомба! Вот она где, контра!

- Будьте спокойны, товарищи, — ответил на это Николай Евграфович, — ведь это бомба без взрывателя и взрывчатки и опасности не представляет! Это память с Первой мировой войны!

- Ну, ладно, — сказал начальник, производивший обыск, — тогда сами полезайте за ней. Мы все-таки впишем ее в протокол, а там разберутся... И бомбу изъяли. Очевидно, там (в ГПУ) действительно разобрались, так как больше о бомбе никто не вспоминал.

Позиционная война

Благополучно я избежал и другой опасности. Кусты и деревья по берегу реки скрывали наши позиции от немцев, находившихся на другом

МХТИ им. Д.И. Менделеева

берегу. Как-то, вскоре после приезда в Ригу, я решился сам побывать на линии фронта.

Проехав на лошади около двух километров от города, я подъехал к линии фронта. Берег реки здесь был покрыт низкими кустами и деревьями. Я слез с лошади и стал подходить к месту, где кончалась зелень. На другой стороне реки были немецкие позиции. В это время на фронте было затишье.

Вижу, что несколько наших солдат выходят из кустарника к обрыву у реки. Я тоже вышел за ними из зелени, чтобы поближе рассмотреть линию немецкого фронта. Я спросил одного солдата:

- Не опасно ли здесь ходить?
- Ничего, — отвечал мне солдат, — мы тут еще свободно ходим.

Вдруг я увидел другого солдата, который остановился в недоумении. Оказалось, что у него изо рта пропал конец папиросы... Окурочек выбила пуля немецкого снайпера. Поняв это, я поспешно скрылся в прибрежных кустах.

В январе 1916 года мне был предоставлен кратковременный отпуск с сохранением содержания, и я поехал в Нижний.

Из послужного списка

Назначен временно командующим парком 22 декабря 1915 по 7 июля 1916 г.

Высочайшим приказом 29 декабря 1915 г. произведен в подпоручики...

Тылы

Когда Николай вернулся в Нижний, то все просто ахнули, увидев стройного, подтянутого молодого офицера. Его глаза горели огнем и молодой удалью. «Военная форма ему очень идет», — в один голос заявили родственники. Необыкновенная тактичность, вежливость и общительность делали его желанным гостем в любой компании. «Наш душа офицер», — называли его мать и сестры.

В этом году (1916) в феврале состоялась свадьба Николая Евграфовича. Его женой стала дочь присяжного поверенного Руфина Дьячкова. Сам Дьячков вел коммерческие дела у купца Башкирова, родственника Николая Евграфовича. Молодые люди были дружны еще с довоенной поры, когда, будучи студентами, встречались на даче в Крестах.

Руфина Дьячкова представляла собой типичный пример передовой эмансипированной женщины начала века. Хорошее образование (она знала языки и превосходно играла на фортепиано), умение красиво и со вкусом модно одеться заметно выделяли ее из окружающих подруг и друзей. Среднего роста, изящная, с тонкими чертами лица, немного эк-

зальтированная, она пользовалась вниманием молодых людей и имела «успех в обществе», как тогда говорили.

В гостиной Дьяковых часто устраивались вечеринки, где можно было встретить представителей самых разнообразных слоев нижегородского общества. Здесь были и чиновники, и военные, студенты и курсисты, революционеры различных направлений и толков. За картами и рюмкой вина велись разговоры о войне, ругали царя с царицей и «всесильным» Распутиным, обсуждали и читали запрещенную литературу и строили планы на «светлое будущее» России.

«Господа, прошу любить и жаловать, подпоручик Пестов из действующей армии», — такими словами представил хозяин дома Николая Еврафовича собравшейся компании. Многие, в том числе и Руфина, были знакомы с Николаем еще до войны, другие познакомились только что, но он сразу же завоевал всеобщее внимание и симпатии. Если Руфина была лидером женской половины общества, то подпоручик Пестов возглавлял мужское общество в гостиной Дьяковых. Сближение между молодыми людьми было искренним, и на Святках 1916 года Николай сделал Руфине предложение. Руфина дала согласие на брак... После венца молодые поселились у тестя на Больничной улице.

Снова фронт

В середине февраля (согласно послужному списку 14 февраля) подпоручик Н. Пестов отбыл в Ригу в свой полк. Руфина осталась с отцом в Нижнем Новгороде. Прекрасная пианистка, она давала частные уроки по фортепиано для девушек из дворянских и купеческих семей.

В кампании 1916 года 12-я армия под командованием генерала Д. П. Парского, в которую входил и наш 4-й осадный полк, активного участия не принимала...

«В общем наступлении русских войск роль Северного фронта была ограничена организацией демонстративных действий и обеспечением правого крыла Западного фронта».

В этом году Бог спас меня от одной серьезной неприятности. Со взводом солдат я занимался приготовлением дымовых «вспышек». Они были нужны, когда стреляли орудия наших батарей. Дымок при выстреле открывал место нашего орудия. Чтобы обмануть немцев, при выстреле в отдалении одновременно зажигалась дымовая «вспышка». Я готовил их в виде картонных трубок, набитых опилками с небольшой примесью пороха. Чтобы было удобно быстро их взрывать, я приобрел в рижском галантерейном магазине большой клубок пироксилиновых ниток. С их помощью раньше в церквах зажигались верхние люстры со свечами. Огонек по шнуру перебежал от свечки к свечке, и вся люстра зажигалась. Как будто бы этот клубок был совсем не опасным товаром.

МХТИ им. Д.И. Менделеева

Но я через него чуть-чуть не был отдан под военный суд.

«Вспышки» мы готовили в одном из помещений казарм. Там же стоял и бочонок с черным порохом. В нерабочее время комната запиралась. Я следил за тем, чтобы бочонок с порохом без меня не открывался. А на товар из галантерейного магазина — клубок шнура — я не обращал внимания.

В одно утро, когда мы должны были готовить «вспышки», солдаты пришли в эту комнату раньше меня. Пироксилиновый клубок лежал на столе. Ожидая меня, один из глуповатых солдат ткнул курящейся папиросой в клубок шнура. Очень сильная огневая вспышка, подобная взрыву, сильно обожгла лицо этого солдата. На мое счастье, у него сохранились глаза, но все лицо получило очень сильный ожог, от которого он потом долго лечился. Поскольку глаза у солдата остались целы, командир полка, пожалев меня, замаял это дело, и меня не отдали под суд за непредусмотрительность. Умеренные боевые действия на нашем фронте оставляли много свободного времени. Это время я старался использовать с пользой для своего образования. Познакомился в Риге с преподавательницей немецкого языка Элизабет Лаубе и дважды в неделю брал у нее уроки немецкого. Самостоятельно изучал французский язык и через год-два мог свободно читать художественную, а затем и научную литературу на этих языках.

Нравственное состояние моей души в то время оставляло желать лучшего. Часто, вечерами, в офицерском клубе устраивались различные встречи с сослуживцами по полку, отмечались различные даты (царские дни, большие праздники, дни Ангела начальства и т. д.), которые обычно сопровождалось обильными возлияниями и игрой в карты. К вину я был, к своему счастью, абсолютно равнодушным. В карты играть любил, но никогда «не терял головы». Играл трезво и рассудительно. В нашем полку в то время был очень хороший и добрый офицер Н. Ветров, с которым я был в дружеских отношениях. С ним произошла очень трагичная банальная история — проиграл в карты казенные деньги и застрелился. На меня это произвело столь сильное впечатление, что к карточному столу я больше не приближался.

Из послужного списка

Приказом по 12 армии 8 марта 1916 года за № 280 за отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий, награжден орденом Св. Станислава III степени.

С 9 августа по 10 сентября 1916 года и с 25 мая по 11 июня 1917 года находился в кратковременных отпусках с сохранением содержания.

11 сентября 1916 года назначен начальником огнестрельных припасов... 24 апреля 1917 года — сдал отделение огнестрельных припасов и вступил в должность начальника электроосветительной команды...

Первая мировая 1914 - 1918

1 августа 1917 года — назначен адъютантом полка. 2 сентября 1917 года на основании приказа №681 произведен в поручики...

10 октября 1917 г. — сдал должность адъютанта полка. Назначен начальником прожекторной команды с оставлением в штабе полка помощником командира полка по строевой части.

21 октября 1917 г. — назначен заведующим гаражом с исполнением своих прямых обязанностей.

В феврале 1917 года вспыхнула революция. Фронт дрогнул, и началось сплошное отступление наших войск. Не помогли и «батальоны смерти», или «ударные батальоны». Эти батальоны были образованы Керенским летом 1917 года с тем, чтобы «героическим» примером они могли поднять дисциплину и укрепить боевой дух армии.

20 августа 1917 года наши войска оставили г. Ригу. Я был тогда адъютантом полка и в автомобиле с генералом — командиром полка — выехал в г. Лугу (Псковской области).

Октябрь 1917 года

После февральской революции в нашем полку был образован Полковой Комитет, членом которого, по желанию офицеров и солдат, избрали и меня. По прибытии в г. Лугу я был избран офицерами в Лужский исполнительный комитет как представитель от полка и одновременно членом Полкового Суда.

На этом посту мне пришлось участвовать в заседаниях Полкового Суда. Нарушений дисциплины было довольно много, участились случаи дезертирства и мародерства, но в связи со сложившейся политической ситуацией наказания и приговоры были часто формальными. Смертная казнь была отменена.

В первые несколько месяцев после февральской революции как внутреннее состояние страны, так и боеспособность ее армии несомненно улучшились. Но радоваться было преждевременно. Оставление нашими войсками больших территорий и отступление по всему фронту на линию государственной границы после летней кампании 1917 года показывало, что страна находится в катастрофическом положении и Временное правительство не в силах что-либо изменить. Почти вслед за февральской революцией стала очевидной неизбежность новой революции. Солдатские массы, как и большинство населения России, не хотели продолжения войны и видели в революции путь к миру. Вся армия толковала о мире. Многие солдаты сами начинали решать вопрос о мире дезертирством. Я видел, как простой народ отворачивался от всех «умеренных», кадетов, эсеров и т. д. и переходил на сторону большевиков, которые говорили о мире, о передаче земли крестьянам, о введении рабочего контроля над производством и о создании рабочего правительства.

МХТИ им. Д.И. Менделеева

26 октября 1917 года в Лугу пришло сообщение о новом перевороте в Петрограде. Что произошла октябрьская революция, тогда еще не говорили. В штабе армии я увидел телеграфный текст: «Временное правительство низложено. Вся власть в руках Советов...»

Весь этот день я провел в штабе полка, где составлялся мой послужной список. Накануне я подал рапорт о предоставлении мне очередного отпуска, и командир полка генерал Изержин распорядился мне его предоставить с 15 ноября 1917 года. Ввиду сложившейся ситуации (никто не мог предположить, какой оборот примут события в ближайшее время) все воинские документы мне были выданы на руки.

На другой день, 27 октября, напряженное ожидание прошло, и начался невообразимый хаос. Из Гатчины приходят директивы Временного правительства за подписью Керенского с приказом двигаться на Петроград для поддержания войск генерала Краснова. Из Петрограда, где по слухам образовано новое правительство, сообщений нет, что не удивительно. Телеграфного сообщения с Петроградом нет уже более суток. Тем временем из Ставки (г. Могилев) приходит приказ «до особых распоряжений оставаться на месте в Луге...».

Ежедневно приходили сведения из разных концов России. Старая Россия быстро разваливалась. В город приходили вести о том, что Финляндия требует автономии и отказывается подчиняться распоряжениям из Петрограда. На Украине, в Белоруссии и Польше все больше усиливалось националистическое движение. Хаос увеличивался со дня на день.

В Луге, где скопилось громадное количество войск, революционного подъема народных масс не ощущалось. Слишком много было военной силы, которая пребывала в нерешительности. Но было уже ясно, что значительная часть кадровых офицеров и некоторые регулярные части готовы в любой момент выступить против советской власти. События, происходившие в Москве и Петрограде, свидетельствовали о том, что начинается Гражданская война.

Хроника октября 1917 г.

...27 октября войскам Керенского-Краснова удалось захватить Гатчину, а на другой день Царское Село... Создалась явная угроза революционной столице — Петрограду... В ночь на 28 октября ЦК партии и СНК создали специальную комиссию для руководства обороной Петрограда. Непосредственно боевыми действиями руководил Н.И. Подвойский и В. А. Антонов-Овсеенко.

Первая мировая 1914 - 1918

31 октября войска Керенского были разбиты у Царского Села. Комиссар отряда М. С. Богданов доносил в ВРК, что враг получил «достойный отпор, какого противник, очевидно, не ждал».

1 ноября Гатчина была занята отрядами красногвардейцев, революционных солдат и матросов. А на следующий день газета «Правда» писала: «Войска Керенского разбиты. Арестован весь штаб Керенского с генералом Красновым и Войтинским во главе. Керенский, переодевшись в матросскую форму, бежал».

После разгрома Керенского-Краснова главнокомандующий действующей армией генерал-лейтенант Н. Н. Духонин стал срочно сосредотачивать ударные батальоны в районе Луги и готовить поход на революционный Петроград.

Попытка Духонина образовать единый антисоветский фронт потерпела крах. Среди генералитета произошел раскол. Часть генералов лояльно относилась к советской власти и выступила за подчинение советскому правительству. Среди них был и командующий нашей армией генерал Д. П. Парский.

Замыслы Духонина не осуществились. Очень скоро он был смещен с занимаемого поста, а затем убит в Могилеве толпой разбушевавшихся солдат. Верховным главнокомандующим ВЦИК назначил народного комиссара по военным делам прапорщика Н. В. Крыленко.

16 ноября, оформив отпуск, я выехал на родину в Горький (Нижний Новгород).

Последняя аттестация офицера

В документах Николая Евграфовича сохранилась Аттестация за 1915, 1916 и 1917 годы, в которой с наибольшей полнотой выражены «служебные, физические, умственные и нравственные качества аттестуемого».

Чин, имя, фамилия... Поручик Николай ПЕСТОВ.

Должность и с какого времени... Начальник прожекторной команды с 10-го октября 1917 г.

В первом офицерском чине с... 1-го февраля 1915 г.

В последнем чине с... 2-го сентября 1917 г.

Родился... 4 августа 1892 г.

Вероисповедание... православного

Семейное положение, вероисповедание жены, а также возраст детей, их пол... женат, православного

Общее образование... в Нижегородском Реальном Училище и состоит студентом 4-го курса Высшего Московского Технического Училища. Алексеевское Военное Училище по 1 разряду.

в походах и делах в текущей кампании на Рижских позициях с 21 августа 1915 г. по 20-е августа 1917 г. Ранен и контужен не был.

Аттестация

Поручик Пестов, состоя в полку с 1915 года и занимая должность начальника огнестрельных припасов, а после - командующего парком, успел проявить выдающуюся инициативу и распорядительность, причем был незаменимым для полка начальником огнестрельных припасов, несшим трудную и громадную работу по снабжению снарядами в бою тяжелых и легких батарей полка, число которых вместе с прикомандированными доходило до 44.

В 1916 г., будучи назначен начальником электроосветительной команды, проявил себя выдающимся офицером, хорошо знающим свое дело. В августе 1917 г. был назначен полковым адъютантом. За несколько месяцев успел проявить редкую распорядительность и инициативу.

Все возлагаемые на него поручения исполняет с большим усердием и вниманием, проявляя в деле полную инициативу и не требуя руководств. В денежных делах чрезвычайно аккуратен. Службу знает хорошо и несет ее серьезно. Очень тактичный, дисциплинированный и выдержанный офицер. Обладает прекрасными способностями и знаниями. Прекрасный товарищ, отзывчивого и благородного сердца. Отличается хорошим знанием артиллерийского дела, редким служебным (...) и большим тактом. О солдатах заботится, стараясь войти во все их нужды, за что и пользуется их симпатиями. В настоящее время выбран офицерами, среди которых пользуется общей любовью, благодаря своей необычайной тактичности и доброжелательности, представителем от полка в исполнительный Лужский комитет и членом полкового комитета. Кроме того, состоит выборным членом в Полковом Суде. Вообще, выдающийся офицер. За боевые отличия награжден орденом Св. Станислава III ст. и орденом Св. Анны III степени.

*Командир 4-го Осадного артиллерийского полка
Генерал-майор (подпись) (Изержин)*

31 октября 1917 года.

Круглая печать

4-й Осадный Артиллерийский полк

До Нижнего я добрался с большим трудом. Повсюду забастовки, митинги. Транспорт парализован. Сотни и тысячи солдат дезертировали с фронта и двигались по стране огромными беспорядочными волнами. Все голодные, грязные, озлобленные. Подъезжая к Москве, все офицеры в нашем вагоне сняли погоны, а некоторые где-то раздобыли куски красной материи и сделали себе банты на грудь...

С трудом удалось достать хлеба, чтобы хватило до Нижнего. Перед

самой Москвой в вагон вошли вооруженные солдаты и рабочие и у всех офицеров произвели обыск с целью изъятия возможного оружия.

В Москве я пробыл трое суток. Зашел в дом крестного и в Техническое училище. От знакомых узнал подробности октябрьских событий в Москве. Здесь же впервые я прочел «Декрет о мире», принятый на II Всероссийском съезде Советов 26 октября (8 ноября) 1917 года. Он на меня произвел большое впечатление. В четких формулировках Декрета я увидел основные положения политики нового правительства, основанной на установлении мира между всеми народами.

Возвращаясь с фронта, я видел сам, что мир России необходим. Ни одна страна не понесла столько ущерба от войны, как Россия. Почти половина трудоспособного мужского населения (15798 тыс. человек) была поставлена под ружье... Русская армия потеряла в боях 1200 тыс. человек — больше, чем какая-либо другая страна Антанты. Потери ранеными и больными составили 4269,5 тыс., военнопленными — 3343,9 тыс. человек.

Здесь же, в Москве, я узнал, что ставка в Могилеве разгромлена отрядами Красной Гвардии и что начальником штаба назначен генерал-лейтенант М. Д. Бонч-Бруевич.

В Нижний я приехал в декабре, когда уже Волга стала, и город был весь засыпан пушистыми снежными сугробами. Радости моих близких не было границ. Все были счастливы, что я живой и здоровый вернулся с фронта.

В начале января советское правительство издало постановление о демобилизации армии. Демобилизация разложившейся царской армии прошла автоматически. Нижегородский ревком издал указ, в котором предписывалось всем находящимся в городе демобилизованным офицерам пройти регистрацию в ревкоме и сдать оружие, если таковое имелось. Всех офицеров, у кого обнаружат оружие, приказано было «немедленно на месте предавать революционному суду...». Некоторое время я был в полной растерянности. Вернуться в полк? Остаться в городе и поступить на службу к новой власти? Вернуться в Москву в МВТУ?.. Вняв уговорам своих близких, я остался в Нижнем..

Дальше был Брестский мир и гражданская война...

Р.С. Несгибаемый характер и верность долгу проявились у Н.Е. Пестова в 1937 году, когда он встал на защиту своего учителя профессора Н.Ф. Юшкевича, арестованного по обвинению во вредительстве.

«*Пестов не раз в своих выступлениях на заседаниях кафедры выражал сомнения во вредительстве Юшкевича...*» – сообщала газета «Московский технолог». Последующее увольнение и изоляция коллектива не изменили позиции Николая Евграфовича...

Бакаев Александр Семенович

Легендарное имя среди мастеров пороховых дел. В МХТИ организатор кафедры технологии порохов, которую возглавлял с 1934 г. (с перерывами, вызванными арестами) до 1973 г.

Самый титулованный из менделеевцев ветеран Первой мировой: награжден семью орденами Российской империи, в том числе Святой Анны IV, III и II степени, Святого Станислава III и II степени, Святого Владимира IV степени и солдатским Георгиевским крестом «За личную храбрость». За отличие в боях был произведен в чин капитана.

В нашем распоряжении собственноручно написанное в 1949 г. А.С. Бакаевым «Жизнеописание» [15] и воспоминания его учеников и соратников.

Не подлежит оглашению

Жизнеописание

Военного инженера-технолога Бакаева Александра Семеновича

Родился 22 июня 1895 г. в г. Гродно в семье пехотного офицера. Отец умер во время русско-японской войны в чине подполковника и поэтому в 1905 г. я был принят на казенный счет в 3-й Московский Кадетский корпус. Окончил курс в 1912 г. и как один из хорошо окончивших по конкурсу аттестатов был принят в Михайловское артиллерийское училище. Ввиду войны 1914 г. окончил ускоренный двухгодичный курс в училище и был выпущен в 1914 г. в чине подпоручика в действующую армию. С 1914 по 1917 г. включительно находился на фронте и принимал участие во многих боях.

После февральской революции, осенью 1917 г. уехал в отпуск из армии в Петроград к матери, где и находился во время октябрьской революции и был демобилизован.

В 1918 г. поступил в Ленинградский (*Петроградский - авт.*) политехнический институт, но вскоре вынужден был его оставить из-за отсутствия средств к существованию семьи (мать и отчим – инвалид войны). Начал в 1918 г. работать в качестве инструктора, а затем зав. отделом Петроградского отдела Кондепо по ремонту конского состава Красной Армии. В 1919 г. начала работать после перерыва Артиллерийская Академия, куда меня общественная организация Кондепо и откомандировала для продолжения образования. Обучение в Артакадемии было естественным продолжением и завершением моего специального военного образования, полученного в Артиллерийском училище.

Первая мировая 1914 - 1918

В 1922 г. окончил Академию по первому разряду со званием военного инженера-технолога и был назначен на Подольский оптический завод, а затем в распоряжение Главвоенпрома для работы в военной промышленности. В 1933 г. был назначен членом опытной комиссии Охтинского завода взрывчатых веществ, и с этого момента началась моя научно-исследовательская работа в области порохов. ...

В 1934 г. мне было предложено организовать кафедру порохов в Московском химико-технологическом институте имени Менделеева и занять место начальника кафедры Спецфака этого института. Предложение мною было принято, и с 1934 по 1937 г. я состоял начальником кафедры №2 Спецфака МХТИ...

В 1946 г. в первый раз удостоен звания Лауреата Сталинской премии. В 1947 г. во второй раз удостоен звания Лауреата Сталинской премии.

В 1947 г. избран членом-корреспондентом Артиллерийской академии наук.

Военный инженер-технолог Бакаев

Сборник «Боеприпасы» в 1997 г. (№1-2) опубликовал воспоминания соратников А.С. Бакаева, которые раскрывают подробности его военной биографии.

И.И. Вернидуб, автор очерков «Боеприпасы победы»:

Пороходец

Александр Семенович Бакаев родился 22 июня 1895 г. в г. Гродно в семье офицера-дворянина. В десять лет он поступил в 3-й Московский кадетский корпус, который закончил с отличием в 1912 г. В том же году его зачислили в Михайловское артиллерийское училище в г. Петрограде. После окончания ускоренного курса училища в сентябре 1914 г. Бакаева произвели в подпоручики и отправили на фронт в полевую легкую артиллерию. Все три года войны он находился в действующей армии. Принимал участие во многих боях: под Варшавой, в Лодзинской битве, боях на Стоходе, возглавляя команду разведчиков, а затем артиллерийскую батарею. Проявил себя как человек большой личной храбрости и был награжден «за отличия в делах против неприятеля» семью боевыми орденами России, в том числе солдатским Георгиевским крестом IV степени.

В сентябре 1922 г. Бакаев окончил Академию по 1-му разряду с дополнительным курсом. Ему было присвоено звание военного инженера-технолога. Молодого специалиста направили на бывший Охтинский завод взрывчатых веществ и порохов. С этого момента началась его самостоятельная научно-исследовательская работа в области порохов. Работа в области баллистических порохов стала главным делом жизни

А.С. Бакаева. В течение двух лет, с 1926 по 1928 г., он разрабатывал баллиститные пороха на основе нелетучих растворителей. Специально созданная бригада, возглавляемая Бакаевым, разработала составы НГВ и упрощенный состав Н с техническим динитротолуолом, который в дальнейшем широко применялся, в частности, в зарядах РС для «катюш». Для технологической отработки пороха под руководством А.С. Бакаева была создана установка, на которой были отработаны технологические режимы всех фаз производства.

В августе 1930 г. Бакаев был арестован органами ОГПУ, осужден по статье 58 и приговорен к 10 годам лишения свободы. Заключение отбывал, работая по специальности, в Особом военно-техническом бюро ОГПУ. Здесь он продолжал исследования возможности создания пластичных баллиститных порохов более безопасных в производстве. В октябре 1934 г. Бакаев был досрочно освобожден и направлен на работу в Вохимтрест главным инженером пороховой группы. Одновременно он работал в ВХНИИ консультантом в лаборатории баллиститных порохов.

Именно в эти годы он наметил пути перехода в производстве пороха от периодически действующих гидравлических прессов к непрерыв-

но действующим шнековым прессам. По его предложению в 1936 г. в ВХНИИ был спроектирован, изготовлен и испытан первый шнек-пресс, положивший начало новой шнековой технологии производства порохов.

13 декабря 1937 г. А.С.Бакаева вторично арестовывают по ложному обвинению и заочно осуждают по статье 58 к 10 годам в исправительно-трудовых лагерях. К счастью, и на сей раз он не попал в ГУЛАГ. Шесть долгих лет заключения он провел в ОТБ-6 в Москве, а после начала войны – в ОТБ-98 в Перми в качестве главного инженера этих специфических научно-исследовательских организаций.

13 августа 1943 г. Бакаев был вторично досрочно освобожден со снятием с него судимости. Тогда же его наградили орденом Трудового Красного Знамени.

В годы войны по технологии, разработанной в свое время А.С. Бакаевым, в исключительно короткие сроки построили шесть новых заводов баллиститных порохов, которые выпустили более 117 тыс. т этих порохов, что составило около 30% общего выпуска порохов в нашей стране. Выпуск нитроглицериновых порохов к концу войны возрос примерно в 7 раз, 45% произведенных порохов были баллиститными. Одних только зарядов для РСЗО «катюш» было выпущено за время войны более 14 миллионов комплектов. Эти цифры дают нам представление о вкладе Александра Семеновича Бакаева в Победу советского народа в Великой Отечественной войне, о важности того дела, которому он посвятил всю свою нелегкую жизнь.

Ученик А.С. Бакаева И. Козловский вспоминает:

Впервые мы встретились с Александром Семеновичем Бакаевым в 1935 г. Преисполненные огромным энтузиазмом первой пятилетки, мы жаждали скорейшего приобщения к великим свершениям нашего народа. Все было: и комсомольский задор, и преданность делу, и жажда к труду, но явно не хватало знаний и опыта. Неоценимую услугу тогда оказали нам его лекции и богатый опыт в области порохов, которым он щедро поделился с нами.

Во время войны я был направлен на северный завод в качестве главного технолога и вновь встретился там с Александром Семеновичем. Будучи все еще в изоляции, он, как и прежде, был техническим руководителем Особого бюро. Удивляло: пострадав дважды за свое детище - НГП, он продолжал упорно трудиться, творить. Какие же силы нужно было иметь, чтобы так самоотверженно работать, сохранив присущее ему глубокое уважение к людям, неиссякаемую любовь к Родине и к своему любимому неблагодарному для его личной судьбы, делу! А эта знаменитая бакаевская выдержка! Ни одной жалобы на столь несправедливую судьбу. Всегда ровный, учтивый, неподдельно вежливый.

МХТИ им. Д.И. Менделеева

И – несказанно смелый!

Вспоминаю, как-то раз, при испытании порохов на полигоне Южного завода в 1938 г., мы, ненароком, спросили его, как он воевал в 1914 г. Мы знали, что Александр Семенович участвовал в первой империалистической войне в качестве разведчика и корректировщика артиллерийской стрельбы, находясь в чине прапорщика на передовой линии фронта.

«Да ничего, воевали! Родина-то ведь одна, как мать, и какая бы она ни была – защищать надо! Стреляли мы лучше, чем немцы, да и пушки наши были лучше немецких, а наш русский солдат непотворим. Если возникала артдуэль, мы всегда подавляли немцев. Вот снарядов и пороха, как правило, не хватало. Потому и клали каждый снаряд по цели».

Да, подумали мы, такие скупые на слова люди стоят насмерть! Был риск, огромный риск создавалась новая, никому неведомая технология. Была поставлена на карту репутация ученого, честного гражданина страны. И новая непрерывная технология изготовления НГП в 1943 г. была создана. В ней – труд Александра Семеновича и его сотрудников: Д.И. Гальперина, А.Э. Спорисуа, Б.И. Пашкова, С. Н. Разумовского и др.

В 1943 г. Бакаев вернулся на кафедру, организованную им в МХТИ еще в 1935 г., и возглавил подготовку новых кадров для оборонной промышленности. С 1949 г. до ухода на заслуженный отдых в 1972 г. он был бессменным руководителем кафедры.

Пришли запоздалые признание и слава. Дважды лауреат Государственной премии, а с 1966 г. – заслуженный деятель науки и техники РСФСР, награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды и многими медалями. Но лучшей наградой Александру Семеновичу был самоотверженный труд его многочисленных учеников и последователей.

P.S. На сайте Клуба выпускников Коломенского (Михайловского) артиллерийского училища есть страница, посвященная его знаменитому выпускнику А.С. Бакаеву. *На фото с сайта - выпуск училища 1914 г.*

Горст Август Георгиевич

Один из основоположников спецфакультета МХТИ им. Д. И. Менделеева (№138, ИХТ). Студенты предвоенных лет мало знали биографию профессора Горста, время было не для мемуаров, хватало другого эпистолярного жанра – «писем из народа».

Представитель шестого поколения немецких переселенцев на берега Волги, родом из небольшого селения Розенберг (ныне с. Умет Волгоградской области). *Август Горст родился 16 июля 1889 г. – в этом году 125 лет, можно отмечать юбилей.*

Призван в армию был в 1912 г. практически со студенческой скамьи (здесь есть некоторые недомолвки в биографических справках). Два года был в рядовых, а в 1913 г. ему был присвоен чин прапорщика. С начала войны прапорщик Горст в составе 34 Севского пехотного полка на передовых позициях. Ратный труд А.Г. Горста отмечен боевыми орденами Святослава III степени и Анны III степени с мечами и бантом. Он был свидетелем и вынужденным участником первых германских химических атак.

О своем первом столкновении с отравляющими веществами А.Г. Горст рассказывал так. Однажды артиллерийская батарея, вблизи которой располагался его отряд, подверглась газовой атаке. Горст, имевший еще до службы в армии хорошую подготовку по химии, быстро определил, что движущееся облако – это хлор, но противогазов еще ни у кого не было. Он берет командование на себя и отдает почти суворовский приказ: снять портянки, намочить их водой и намотать на голову, закрыв ими рот и нос. Облако с хлором быстро прошло, и большинство солдат осталось в строю (*фото на стр. 58*).

О «химике» Горсте узнало командование, и в 1916 году он был отозван с фронта и направлен в Химический комитет Главного артиллерийского управления (ГАУ), а оттуда приемщиком противогазов на Петроградский противогазовый завод. Но на этой должности работа А.Г. Горста не ограничилась только приемкой противогазов. Дело в том, что в целях нейтрализации наших противогазов немцы стали добавлять к ОВ ядовитые «дымы» (Габер старался), оказывавшие слезоточивый и хихательный эффекты и не удерживаемые активированным углем. Необходима была срочная модернизация противогазов, чем и занимался завод в момент прихода на их приемку Горста.

Прапорщик Горст практически сразу включился в эту работу, хотя она и не входила в круг его обязанностей, начав проводить многочисленные исследования причин «проскоков» ядовитых дымов через активированный уголь, его физической структуры адсорбционной способности. В результате проведенных исследований А.Г. Горстом была предложена новая конструкция фильтра, которая отвечала всем предъявленным требованиям и устраняла имеющиеся недостатки у выпускаемых противогазов.

Его коллега и соратник по МИХМу профессор Леонид Смирнов так подвел итог работы А.Г. Горста в деле защиты от БОВ: *«Миллионы противогазов с новым фильтром Горста были изготовлены и отправлены на фронт, в том числе и Красную Армию во время гражданской войны. Здесь, на Петроградском противогазовом заводе, началась его научная деятельность, и эта первая работа послужила фундаментом для будущих дел».*

«Важность работы, проведенной А.Г. Горстом для армии России, – подчеркивает Л.А. Смирнов, – была огромна. Дело в том, что потери от применения немцами БОВ для армий союзников (Антанты) были очень велики. Сообщалось, что с июля 1917 г. по ноябрь 1918 г. только в английской армии было выведено из строя более 60 тысяч человек.

А скольким же русским солдатам спасли жизнь противогазы, принятые от завода А. Горстом и снабженные его фильтром, учету не поддается».

Война или, как пишут журналисты, «эхо войны» догнало А. Горста в Главном Артиллерийском управлении Генштаба РККА. После Первой

мировой, а в России еще и гражданской войны, на армейский складах и арсеналах скопилось громадное количество боеприпасов, в том числе и изготовленных по техническим условиям военного времени (снаряженных порохами и взрывчатыми веществами, имеющими уменьшенные

сроки гарантийного хранения). Были тут и снаряды иностранных армий. Все это вызывало беспокойство у руководителей государства.

Во-первых, хранение такого снарядного ассорти безусловно представляло большую потенциальную опасность – в случае пожара или взрыва, просто неосторожного обращения грозило катастрофой с уничтожением всего арсенала, гибелью персонала. Во-вторых, это склады требовали громадных затрат на организацию хранения и охрану.

Задачу по расснаряжению огромного (около 2,5 млн единиц) количества огнеприпасов пришлось решать Августу Горсту. Он решил ее с блеском – по его методикам в крачайшие сроки была проведена без единого несчастного случая ликвидация боеприпасов, оставшихся после Первой мировой войны 1914-1918 гг.

В Менделеевке А. Горст появился в 1930 году после первого, но не последнего ареста органами ОГПУ-НКВД.

В МХТИ А. Г. Горстом была создана очень сильная кафедра (№ 34), для которой были подобраны преподаватели, организовано чтение курсов специальных дисциплин и проведение лабораторных работ, написаны новые учебные планы и учебные пособия. Но самое важное – были созданы условия для проведения на кафедре сложнейших научно-исследовательских работ по синтезу новых взрывчатых веществ с изучением их свойств и разработкой технологии их производства [16, 17].

На фото: Кафедра № 34. М.М. Пуркалн, Е.Ю. Орлова. К.К. Андреев, А.Г. Горст

Из воспоминаний об А.Г. Горсте [16]

Е.К. Фирсова – доцент МЭИ:

О профессоре Августе Георгиевиче Горсте я узнала, когда была еще школьницей и только предполагала поступать в МИХМ - Московский институт химического машиностроения. О нем неоднократно рассказывал

МХТИ им. Д.И. Менделеева

мне мой отец, Кузьма Степанович Фирсов, который тогда работал в оборонном отделе Центрального Комитета КПСС и курировал производство боеприпасов и спецхимическое производство. По роду своей деятельности отец часто встречался с Августом Георгиевичем, приглашая его для работы в комиссиях в качестве эксперта и консультанта по ряду вопросов. Папа с большим уважением относился к профессору Горсту, считая его крупнейшим специалистом в области химии и технологии взрывчатых веществ, обладавшим богатым опытом работы в этой специфической области. Он высоко ценил личные качества Августа Георгиевича принципиальность, порядочность, доброжелательность и часто говорил мне, что гордится знакомством с этим замечательным человеком.

Отец помогал Августу Георгиевичу в организации и работе специальной кафедры и так называемой проблемной учебно-научной лаборатории МИХМа, содействовал скорейшей реализации и внедрению в производство его изобретений и результатов научных работ.

После окончания школы я поступила в Московский институт химического машиностроения и выбрала ту специальность, которую преподавал профессор Август Георгиевич Горст. Ему в ту пору было около 70 лет, но это был энергичный и инициативный человек, сохранивший остроту ума и ясность мысли. Внимание студентов привлекали его военная выправка. Внимательный взгляд и, конечно, пышные, лихо закрученные усы. Особой популярностью пользовались лекции, которые читал профессор Горст. Он был блестящим оратором, с острым чувством юмора и прекрасным знанием своего предмета. Наряду с научно-исследовательской и педагогической деятельностью он вел большую воспитательную работу с молодежью. Труды и статьи по педагогике и методике работы в вузе, опубликованные Августом Георгиевичем в различных периодических изданиях, занимают значительное место в его научном наследии. Он часто вел беседы со студентами, которые были весьма интересными.

Нам, студентам, нравились в Августе Георгиевиче его отзывчивость и искреннее желание быть ближе к молодежи. Он не ограничивался в общении с нами чисто учебными и научными проблемами, часто вел беседы «за жизнь». Они всегда были интересными, и каждый раз мы открывали

для себя Августа Георгиевича с новой, иногда неожиданной, стороны.

Мы узнали, например, что в первую мировую войну Август Георгиевич был на фронте командиром роты, а затем начальником полевой передвижной хлебопекарни. За отличие в боях был награжден двумя боевыми орденами. Весной 1916 года его откомандировали в Петроград на противогазовый завод. Здесь Август Георгиевич изобрел и внедрил в производство эффективную конструкцию противопылевого фильтра для угольных противогазов Кумманта-Зелинского. В результате случаи отравления солдат во время газовой атаки, происходившие ранее из-за образования пыли в противогазе, были полностью исключены. Фильтр Горста спас жизни многим тысячам русских солдат.

Август Георгиевич с надеждой принял Октябрьскую революцию и без колебаний поступил на службу в РККА. В начале 1918 года его пригласили на работу в Главный Артиллерийский комитет и вскоре избрали постоянным членом Арткома. Здесь основным направлением работы Августа Георгиевича были взрывчатые вещества и боеприпасы. Этим назначением он остался доволен, так как перед ним открылось широкое поле творческой и научной деятельности. С той поры и до конца своих дней Август Георгиевич посвятил всего себя, свой талант исследователя, исключительное трудолюбие и обширные знания работе в области химии и технологии взрывчатых веществ.

Август Георгиевич прожил долгую, но не легкую жизнь. Советская власть не всегда его жаловала. Однажды во время одной из бесед он рассказал, что в 1931 году был осужден по ложному обвинению. Срок заключения отбывал в Особом военно-химическом бюро НКВД, которое было организовано в одном из научно-исследовательских институтов. Но и в этом бедственном положении Август Георгиевич открыл возможности для творческой работы. Он позже писал: «В мая 1931 года создалась в моей жизни счастливая обстановка, при которой я имел возможность без внешних помех продумать интересовавшие меня научно-технические вопросы из области, в которой я работал ранее в течение длительного времени. Это был преимущественно период, связанный с моей интенсивной творческой работой в Артиллерийском комитете, с моими исследованиями, проводившимися раньше в МВТУ и МХТИ, с моими частыми выездами на заводы, склады боеприпасов, а также с расследованиями крупных и мелких взрывов. Теперь, располагая в изобилии свободным временем, я ходил по комнате из угла в угол и обдумывал, обобщая этот материал, обосновывал правильность намеренных для дальнейшего изучения тем».

Август Георгиевич был незаурядной личностью и настоящим фанатиком своего дела. И даже тяжелейшие удары судьбы, обрушившиеся на него не сломили этого сильного духом человека. Три года аспирантуры,

МХТИ им. Д.И. Менделеева

проведенные в тесном творческом контакте с Августом Георгиевичем, многому меня научили. Его метод работы с аспирантами был чрезвычайно тактичным и плодотворным. Август Георгиевич был настоящим заботливым учителем и наставником.

Жизнь Августа Георгиевича Горста явилась ярким образцом честно-го и беззаветного служения Отечеству. Память о нем как о выдающемся ученом, инженере и педагоге, патриоте нашей Родины, человеке редкостного обаяния и интеллигентности будут всегда хранить его ученики и сотрудники, все те, кому выпало счастье общаться и работать с ним.

Н.В. Полякова – родственница А. Горста, историк, профессор:

Из многочисленных встреч и бесед с Августом Георгиевичем значительный след в памяти оставили те, которые проходили на улице Королева, 6. Старалась, чтобы больше говорил мой собеседник. Меня интересовали годы его учебы и преподавательской деятельности, а главное - искусство преподавания.

Отец его, простой крестьянин Федор - Георгий Горст, приобретший профессию фельдшера во время отбывания на воинской службе, хотел, чтобы его четвертый сын, после успешного окончания Камышинского реального училища, получил бы в высшем учебном заведении специальность агронома. Однако у юноши появилась возможность поступить в сравнительно молодое высшее учебное заведение России - Харьковский технологический институт по специальности химия, и он ею воспользовался.

Уже на третьем курсе профессор И.П.Осипов обратил внимание на незаурядные способности своего студента, красивого статного юноши, и предложил ему заниматься педагогической работой. С 1909 года по 1912 год он - руководитель практических занятий по элементарному органическому анализу. Это был важный шаг в подготовке Августа Георгиевича к педагогической деятельности. Получаемый за преподавание гонорар студент отвозил семье, которая испытывала серьезные материальные трудности.

Каждые каникулы Август Георгиевич проводил в стенах родного дома в красивейшем Розенберге в Поволжье. Отец неустанно советовал своим любимым детям (пять сыновей и дочь): мы живем в России, поэтому изучайте русский язык и овладевайте русской культурой. Мудрые слова отца сыграли свою роль - Август Георгиевич прекрасно владел богатой палитрой русской разговорной речи. Это чувствовал и понимал каждый аспирант и студент, которые стремились подражать своему учителю в этой важной области культуры.

Успешная учеба в Технологическом институте была прервана мобилизацией на воинскую службу: с 1912 до 1913 г. Август Георгиевич нахо-

дился в школе прапорщиков в Саратове, с 1914 по 1916 гг. он – на фронтах первой мировой войны.

Позже, находясь в Москве, он заканчивает в 1920 году химический факультет Московского высшего технического училища. В 20-е годы он – член артиллерийского комитета Главного Артиллерийского управления, ему были присвоены высокие воинские звания комдива и комбрига.

30-е годы – время интенсивной педагогической и научной деятельности в Московском высшем техническом училище и Московском химико-технологическом институте. В декабре 1930 года по ложному доносу его арестовали, в конце 1931 года А.Г. Горста перевели в Особое военно-химическое бюро ОГПУ для научной работы, а в 1933 году досрочно условно освободили с назначением на должность начальника группы взрывчатых веществ производственного отдела Военно-химического треста. В предвоенные годы он заведует кафедрами МВТУ и МХТИ.

В годы Великой Отечественной войны вместе с Московским высшим техническим училищем Август Георгиевич находился в эвакуации в Ижевске. В 1943 году при возвращении МВТУ в Москву ему было отказано в выдаче пропуска по причине судимости и по распоряжению Министерства вооружений СССР он назначается заведующим кафедрой Ленинградского военно-механического института, находившегося в военные годы в Перми. При реэвакуации этого института в Ленинград весной 1945 года Август Георгиевич снова не получает пропуск из-за судимости, и распоряжением того же министерства назначается заведующим спецкафедрой Тульского механического института.

Решением военной коллегии Верховного суда СССР от 11 августа 1956 года Август Георгиевич полностью реабилитирован, с октября 1956 года он – заведующий кафедрой Московского института химического машиностроения.

Как видим, непростой путь ученого и преподавателя, немало в его жизни было такого, что могло серьезно выбить не только из колеи исследовательской работы. Однако замечательная способность Августа Георгиевича состояла в том, что, несмотря на житейские трудности, работал постоянно, целеустремленно и на этом пути его неизменно ждали успехи. Это превосходное человеческое качество, которое встречается не столь часто в жизни! Результатом постоянной, ни на минуту не прекращающейся, научной работы явились около 150 научных трудов и около 10 авторских свидетельств на изобретения. Август Георгиевич был, что называется, до мозга костей человеком науки. Он просто не мыслил без нее своей жизни, наука была для него воздухом. Рассказывал, что нередко во сне находил решение задач. В беседах признавался в своей слабости в быту, не умел даже заварить чай. Это был большой ребенок, человек с душой романтика.

МХТИ им. Д.И. Менделеева

Спутницей жизни Августа Георгиевича была Ольга Петровна (урожденная Ковалева) родом с Поволжья, как и он сам. По образованию врач. Женщина, сумевшая создать мужу-ученому необходимые условия для научной работы. Между собой они были очень дружны и называли друг друга Густик и Лелик. У них была единственная дочь, красавица Евгения Августовна, безвременно ушедшая из жизни в возрасте 43 лет. К дочери Август Георгиевич относился с необычайной нежностью. (Фото стр. 60)

Евгения Августовна жила вместе с мужем, боевым генералом, Иваном Лукичом Мироненко в Ленинграде, где он работал начальником Суворовского училища.

Август Георгиевич проявлял необычайную щедрость в передаче своих знаний ученикам, товарищам по цеху. Редко, когда в его доме не было коллег-химиков не только из Москвы, но и из других городов страны: Ленинграда, Иванова, Свердловска. Он делился всеми своими знаниями щедро, без остатка, оказывая бескорыстную помощь в подготовке десятков кандидатов и докторов наук. Неслучайно, ученики и друзья называли Августа Георгиевича «патриархом», имея в виду его огромную роль в разработке проблем технологии взрывчатых веществ.

Безмерная щедрость по отношению к своим ученикам сочеталась с необычайной скромностью: никаких намеков на «якание», ни грана саморекламы, все внимание собеседнику. И этот талантливейший ученый, один из основоположников технологии взрывчатых веществ, на базе научных выводов которого успешно работала оборонная промышленность в годы Великой Отечественной войны, оказался не удостоенным ни одной правительственной награды. При всей своей невиданной скромности он однажды признался: «У меня нет даже медали!» Слова эти были сказаны в последние дни жизни.

Об его необычайной скромности свидетельствуют записи в листке по учету кадров. На вопрос: какими иностранными языками владеете, он отвечал: по-немецки свободно читаю, по-французски читаю научные книги, по-английски - со словарем. Более чем скромная оценка своих знаний!

Е.Ю. Орлова - профессор МХТИ им. Д.И. Менделеева:

Август Георгиевич Горст работал в МХТИ им. Д.И. Менделеева с 1935 по 1939 годы. К сожалению, его трудов в институте нет, так как они были по просьбе Августа Георгиевича отправлены в МИХМ.

В 1937-1939 гг. А.Г. Горст вместе с Виктором Филипчуком разработал состав нитроолеума. Ими было обнаружено отсутствие паров азотной кислоты над определенным составом из HNO_3 , H_2SO_4 и SO_3 . Анализом было установлено соединение N_2O_7 , которое впоследствии было вновь открыто английским ученым и опубликовано им лишь в 1946-1947 гг.

Известно, что А.Г. Горст имеет много работ по совершенствованию технологии тротилового производства. Он является автором учебника «Химия и технология нитросоединения», изданного в 1940 году и сыгравшего большую роль при подготовке специалистов в предвоенные и военные годы.

В 1931 году А.Г. Горста арестовали. Он мне рассказывал, как жил, когда его забрали. Сначала он сидел на Лубянке, затем перевезли в Суздаль. Оттуда его повезли в Архангельск, чтобы отправить в Воркуту.

У Августа Георгиевича была жена Ольга Петровна, которая работала врачом-гинекологом в Кремлевской больнице и консультировала жен членов правительства. Ей удалось выхлопотать некоторое послабление участи мужа и не допустить отправки его в Воркуту.

Когда всех арестованных вели с вокзала на пароход, кто-то догнал колонну и выкрикнул: «Кто Горст, ко мне!» Вначале Горст не понял, но военный взял его за руку, отвел обратно на вокзал и отвез в Москву. При возвращении Августа Георгиевича опять взяли на Лубянку, где следователь предложил ему написать все, что он знает о взрывчатых веществах. Его посадили в отдельную камеру. Там он смог спокойно работать и писать книгу. Позже его перевели в Нагатино (НИИ-6), где он сидел вместе с Сапожниковым, Бакаевым и Шмидтом. В Нагатино он мог заниматься в лаборатории. Его могла часто навещать жена. Из НИИ-6 Г.Н. Кожевников взял в МХТИ на созданный в 1935 году спецфак Горста, Шмидта и Бакаева.

В 1939 году Горст уволился из МХТИ и перешел работать в МВТУ, который вскоре эвакуировали. После эвакуации и возвращения института в Москву, Августу Георгиевичу не разрешили вернуться. Он пытался поехать в Казань, но там его не приняли, тогда приехал в Тулу, где и стал работать.

Орлов Егор Иванович

В Менделеевке знаменитый, легендарный силикатчик, по популярности в предвоенные (1940 г.) годы человек №1. Какое отношение имеет 50-летний профессор (1914 г.) Харьковского технологического института к Первой мировой. Харьков, как известно, германские каски увидят в апреле 1918 года, «с благоволения Скоропадского» (Е.И. Орлов).

МХТИ им. Д.И. Менделеева

Е.И. Орлов – ветеран трудового фронта Первой мировой. Можно сказать, наш ответ (реплика) Фрицу Габеру. Сам Егор Иванович так вспоминал о первых химико-технологических делах с «удушающими газами».

1915 год выдвинул новые задачи для работы. Весной на французском и русском фронтах военных действий немцы впервые стали применять удушающие вещества, главным образом (в начале войны) хлор и хлор-ацетон. Это было неожиданностью для борющихся с ними армий. У нас в России жидкий хлор вовсе не получали в промышленном масштабе, и вот артиллерийское ведомство поставило перед нашей химической промышленностью вопрос об изготовлении удушающих средств, главным образом жидкого хлора, в большом масштабе. Как на юге, на Украине, так и на севере (на Каме) на заводах братьев Ушковых хлор в газообразном виде вырабатывался для получения хлорной извести. Военное ведомство постановило эти заводы реорганизовать для получения жидкого хлора, а в южном Поволжье, в районе Симбирской, Самарской и Саратовской губерний, решено было организовать новые заводы. Для этой цели при Артиллерийском управлении были созданы две комиссии: Южная, которой подчинены были химические заводы Донбасса, и Северная – для организации наработки жидкого хлора на Каме и в южном Поволжье. Председателем Южной комиссии был назначен петроградский профессор П.П. Федотьев (1864-1934 гг., доктор технических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР, один из создателей отечественной алюминиевой и магниевой промышленности), а Северной – профессор Дементьев, в то время служивший директором цементного завода в Сингиляях Симбирской губернии. Завод этот принадлежал Симбирскому земству.

Из северных химических заводов, добывающих хлор, в то время работал один завод Ушковых, предложено было также на юге организовать его получение на заводе близ Самары (также Ушковых). В помощь артиллерийскому ведомству по постройке химических заводов пришли Симбирское губернское земство. Саратовское городское управление и некая мелекесская вдова, владелица винокуренного завода. Ей хотелось выручить из армии своего зятя, и потому она пожертвовала немалые средства на строительство, надеясь, что зять пошлет управлять заводом. Итак, в ускоренном порядке нужно было строить эти три новых завода. Симбирское земство предложило построить один из них в Сингиляях, близ цементного завода, потому что его директор Дементьев был бы хорошим наблюдателем за постройкой нового предприятия. Артиллерийское управление не разобралось с выбором этого места, неудобного ввиду отсутствия транспорта (кроме лошадиного) в зимнее время. Но управлению, сидящему в Питере, одно было важно: губернское земство взяло строительство на себя, на свои средства. И

вот Дементьев был назначен председателем Северной комиссии по заготовлению удушающих средств в декабре 1915 г. Однако вскоре он, будучи в командировке в Петрограде там и помер. Тогда химический комбинат Главного артиллерийского управления (ГАУ) рекомендовал назначить меня председателем этой комиссии. Вызвали меня в Петроград, предложили эту должность с оставлением профессорской в Харькове. Я согласился с приказом военного министра с согласия министра народного просвещения был утвержден председателем Северной комиссии по заготовлению удушающих средств. В помощь мне был прикомандирован поручик (из химиков-инженеров) Андреев. Его обязанности были несложные: доставать мне при моих поездках (а они были частые) железнодорожные билеты, заботиться о квартире по приезду, о номере в гостинице и т.д. В дела же заводские (по строительству) он не вмешивался, тем более что сам до мобилизации из армии работал по цементному производству в г. Вольске Саратовской губернии. Когда я приехал в Симбирск, чтобы познакомиться в земстве с положением дел, оказалось, что там даже проекта строительства не имеется - есть только предположения о возведении завода в ускоренные сроки, ввиду чего и основное здание, и служебные должны быть деревянные (о кирпиче за скоростью стройки не могло быть и речи). Что же касается проектирования, то в земстве не знали, к кому обратиться за этим. Но раз я явился к ним как председатель комиссии по заготовлению удушающих средств, они и обратились ко мне с просьбой взять на себя и проектировку, и организацию строительства. Я согласился, и мы заключили договор.

В две недели я сумел представить проект завода серной кислоты, завода по получению газообразного хлора предложенным мною ускоренным способом и завода сжижения газообразного хлора. Проект был принят, так как в строительстве я как председатель комиссии был начальником. Для организации и строительства завода по добыванию серной кислоты и газообразного хлора я пригласил одного из своих учеников по Костромскому училищу, молодого человека А.А. Васильева, служившего долгое время в Кинешме на химическом заводе Бурнаева-Курочкина. Для заведования хозяйственной частью строительства мной был приглашен один саратовец, раньше служивший в земстве, очень опытный и честный человек. Что касается возведения деревянных зданий, земство поручило это дело своему архитектору. Итак, в Сингилеях еще зимой началось строительство химического завода. Отправился я в Саратов для ознакомления с положением тамошних дел. Все дело с проектированием и организацией стройки и здесь оказалось в таком же положении, как в Симбирске. И в Саратове с городской управой мне пришлось заключить такой же договор, как и в Симбирске.

МХТИ им. Д.И. Менделеева

Возведением заводских и служебных зданий взялся руководить инженер-строитель А.А. Лаговский – очень опытный работник, работавший при городском управлении.

Что же касается поселка Мелекес, где также нужно было построить химический завод по добычанию хлора, то я туда рекомендовал молодого инженера Дементьева, сына покойного профессора, служившего при отце на цементном заводе. Я предложил ему отправиться в Мелекес, снабдил его всеми данными по проектированию.

Так мною было организовано строительство трех новых заводов по добычанию серной кислоты, получению и сжиженного хлора. Затем мне пришлось побывать в Казани, там, на Бондюжском заводе Ушковых (на Каме близ Елабуги), хлор уже добывался для изготовления хлорной извести - надо было только организовать его сжижение. Что же касается Самарского завода, то там хлор вырабатывался электролитическим путем, и нужно было только поторапливать администрацию для получения жидкого хлора. Председательство в Северной комиссии у меня продолжалось с января по август 1916 г. Все время мне приходилось разъезжать по заводам, наблюдать за стройкой и организацией производства, в то же время бывать в Петрограде для дачи отчетов. В конце августа 1916 г. я решил отказаться от председательства в комиссии, учтя то обстоятельство, что в составе членов Химического комитета при Главном артиллерийском управлении произошли некоторые перемены; все это было мною учтено, и я подал заявление об уходе из председательства в Северной комиссии.

В январе 1917 г. Симбирская земная управа вызвала меня из Харькова для проверки самого пуска завода в Сингиляях и работы в цехе по сжижению хлора. Я съездил, пробыл несколько дней - все было в исправности. Также были пущены саратовский и мелекесский заводы, словом, осенью 1917 г. все было в порядке. Дальнейшая судьба этих заводов при советской власти такова: саратовский в 1918 г. сгорел по неосторожности рабочего, который во время дежурства ночью, разведя огонь в помещении, заснул. Сингилеевский, который ввиду неуместного расположения и транспортных условий был в зимнее время изолирован от подвоза сырья и вывоза продукции, по постановлению ВСНХ (Высшего совета народного хозяйства) СССР закрыли: всю аппаратуру и материалы передали Бондюжскому (бывшему заводу Ушковых). О судьбе Мелекесского завода я сведений не имею. На Бондюжском заводе во время моего пребывания председателем комиссии директором завода служил инженер Л.Я. Карпов; он, когда большевики водворились в Москве, начал работать в ВСНХ СССР как специалист-химик. Это был дельный работник и хороший руководитель [18].

Родионов Владимир Михайлович

Академик, химик с мировым признанием. В МХТИ заведующий кафедрой органической химии с 1943 по 1954 гг.

В автобиографии пишет: «Я, Владимир Михайлович Родионов, сын московского мещанина Садовой Набережной слободы родился в Москве 28 октября 1878 г. В 1897 г. окончил с золотой медалью Московское Коммерческое училище и поступил в число студентов химического факультета Дрезденского политехнического института. По окончании курса в 1902 г. служил в армии на правах вольноопределяющегося. С 1903 г. был преподавателем химии и товароведения в Суджанской торговой школе (б. Курская губ.), откуда был призван в 1904 г. в армию и участвовал в Японской войне. После демобилизации поступил в Московское Высшее техническое училище, которое окончил с отличием в звании инженера-технолога. В 1906 г. был приглашен на фабрику красок Байера в Германию, где работал до конца 1909 г., когда был переведен заведующим лабораторией московского отделения этой фабрики. Отсюда был призван в армию во время германской войны. После ранения был освобожден из действующей армии и с 1915 г. начал работать в МВТУ, где мною была организована, не существовавшая до тех пор, кафедра химии и химической технологии фармацевтических препаратов. В 1920 г. был выбран профессором этой кафедры и приглашен во 2-й Московский университет...» [15].

Из воспоминаний академика М. М. Шемякина:

Деятельность В.М. Родионова может служить примером честного, беззаветного служения науке и Родине. Это была содержательная, яркая жизнь душевно светлого человека с горячим, отзывчивым сердцем, человека, девизом которого были труд, истина, справедливость.

В.М. Родионов принадлежал к числу людей, исключительно щедро и разносторонне одаренных природой: в его лице блестяще сочетались крупнейший ученый, инженер, педагог и общественный деятель.

Владимир Михайлович был выдающимся представителем не только виднейших русских химиков, но и передовых русских людей, счастливо соединяя в себе большую культуру со скромностью и простотой. Свет-

МХТИ им. Д.И. Менделеева

лое и хорошее, что было в нем самом, Владимир Михайлович искал и умел находить и в других людях. Ученый и академик никогда не заслоняли в нем человека: он не отличал людей по их общественному положению, был со всеми одинаково прост и непринужденно приветлив, для каждого у него было теплое, ласковое слово. Наделенный высоким сознанием долга и строго относящийся к себе, Владимир Михайлович никогда не требовал, не приказывал, он вдохновлял сотрудников своим примером, зажигал своей горячей любовью к науке и Родине. Каждому, работавшему с ним, хотелось быть достойным своего учителя и руководителя - работать как можно больше, сделать как можно лучше.

Владимир Михайлович Родионов родился 28 /16/ октября 1878 г. в Москве. В 1897 г. он окончил Московское коммерческое училище, а в 1901 г. - Дрезденский политехнический институт и в 1906 г. - Московское Высшее техническое училище с дипломом инженера-технолога I степени.

С самого начала своей деятельности Владимир Михайлович не ограничивался какой-либо узкой областью знания, но одновременно разрабатывал ряд проблем в разнообразных разделах органической химии, всегда связывая свои научные интересы с запросами техники.

Начав свою научную и практическую деятельность в области анилино-красочной химии и технологии, В.М. Родионов в 1906-1914 гг. осуществил ряд исследований по химии соединений нафталинового ряда, по химии и технологии азокрасителей, а также индигоидных красителей, разработав, в частности, оригинальный синтез тиюиндиго.

Позднее, в период первой мировой войны, В.М. Родионов явился одним из организаторов отечественной анилинокрасочной промышленности, быстро наладив в 1915 г. на заводе «Тригор» производство полупродуктов бензольного и нафталинового рядов, а также азо-сернистых и триарилметановых красителей, большей частью ранее в России не вырабатывавшихся. Впоследствии опыт работы на заводе «Тригор» был широко использован Владимиром Михайловичем при строительстве и пуске крупных заводов Анилтреста ВСНХ в период, когда он был его техническим директором /1925-1930 гг. /. Таким образом, Владимир Михайлович Родионов является одним из основоположников и первых руководителей отечественной анилинокрасочной промышленности,

тесную связь с которой он не порывал до самых последних лет своей жизни.

Во время первой мировой войны, когда обнаружился большой недостаток в медикаментах, В.М. Родионов начал одновременно уделять очень много внимания развитию отечественного производства важнейших алкалоидов и других фармацевтических препаратов. Совместно с А.Е. Чичибабиным им была организована мастерская медикаментов при Московском высшем техническом училище, а в 1916 г. там же, впервые в России, Владимиром Михайловичем была организована кафедра химии и химической технологии фармацевтических препаратов. На базе этой кафедры и мастерской медикаментов В.М. Родионов со своими сотрудниками и дипломниками Училища разработал производственные методы получения ряда важнейших алкалоидов и фармацевтических препаратов: морфина, кодеина, теобромина, стриптицина, атропина, пантопона, антипирина, пирамидона и др.

Тесно связывая теорию с практикой, живо воспринимая и отзываясь на все новое в науке и технике, В.М. Родионов внес свежую струю в стены МВТУ, быстро завоевал авторитет в Совете профессоров и приобрел популярность в широких студенческих кругах. Несмотря на то, что он был самым строгим рецензентом дипломных работ и проектов и порой выступал с резкой критикой на защитах дипломов, студенты высоко ценили его и стремились специализироваться на его кафедре.

В 1917 г. В.М. Родионов участвовал в строительстве и пуске первого в России алкалоидного завода, на котором и было поставлено производство вышеперечисленных препаратов. [19]

Из воспоминаний внука В.Я. Родионова:

Мой дед, Владимир Михайлович Родионов, не смог соответствующим образом отметить факт моего рождения по вполне уважительной по тем временам причине: с августа 1930 года он находился в Лубянской тюрьме по обвинению в участии в так называемой «Промпартии». А через два года он был сослан на три года в Харьков (!), в то время в столицу Украины, где в течении трех лет работал на кафедре органической химии Харьковского политехнического института...

Это была неожиданная благодарность Советского правительства за успешную командировку в Германию, Францию, Великобританию и США, из которой он, вместе с

МХТИ им. Д.И. Менделеева

проф. Н.Н. Ворожцовым (ст.), привез многочисленные технологические регламенты соединений ароматического ряда.

Большой след в жизни деда оставило обучение в Коммерческом училище, в котором вместе с ним учились (и остались друзьями на всю его жизнь) известный кинорежиссер Протазанов, крупный хирург Манрыка, врачи Шелагу ров, Спасокукоцкий, биохимик Шатерников и многие другие, которые были частыми гостями в доме деда и бабушки.

Затем он закончил Дрезденский политехнический институт, а вернувшись в Россию - Московское Высшее Императорское Техническое Училище с отличием, получив звание инженера-технолога.

Следует отметить, что именно в это время в его жизни появилась моя бабушка - Лидия Даниловна, оказавшаяся «мотором» всей его жизни: именно она настояла на необходимости получения российского диплома о высшем образовании.

Любопытный эпизод в биографии В.М. Родионова относится к этому периоду его жизни. Мало кому известно, что во время первой русской революции 1905 года он оказался на баррикадах, однако, это мало ему помогло в 30 годы. В это же время он получил приглашение от фирмы «Байер» в Эльберфельде (Германия), которое бабушка убедила его принять. В 1909 г. он вернулся в Россию и перешел в Московское отделение этой фирмы, где проработал до начала первой мировой войны, когда возникли естественные финансовые проблемы. Фирма продолжала работать, но деньги не платили. Тогда Владимир Михайлович отправил руководителю фирмы письмо следующего содержания: «Глубокоуважаемые господа! Ввиду того, что в течение нескольких месяцев я не получаю от вас соответствующего содержания, прошу считать наши взаимные обязательства исчерпанными». Это послание, отправленное через нейтральную Швецию во вражескую страну, очень много говорит о его авторе.

Далее Владимир Михайлович работал на Дорогомилловском пивоваренном заводе, на заводе «Тригор». Это было тяжелое время, у многих – время потери перспективы... Сотрудник Владимира Михайловича шведский инженер Н. Экстрем, собираясь на родину, уговаривал деда: поедем вместе. Но дед отказался, и лишь вспонив об этом эпизоде уже во время Великой Отечественной войны, сказал: «Жить надо в своей стране!»

Ну и последнее, о чем стоит вспомнить, это о его физической стати: это был высокий, статный крепкий человек. Смотреть, как он колет дрова было просто загляденье. Вероятно, он не хуже Льва Толстого играл в городки. Очень любил лыжные прогулки в компании с дачным соседом академиком М.М. Дубининым. К сожалению, последний лыжный поход завершил инфарктом его 75-летнюю жизнь. [19]

Ветеранский корпус Менделеевки

Аргентов Александр Александрович –

начальник военной кафедры МХТИ (1946-1955). Из автобиографии 1952 г.: «Родился 22.08.1895 г. в семье священника в городе Ардатове Нижегородской губернии. В 1913 г. после окончания Нижегородской гимназии поступил на математическое отделение физико-математического факультета Московского университета, откуда с 4-го курса был призван в царскую армию. В 1916-1917 гг. окончил Одесскую школу прапорщиков и был оставлен служить в школе помощником курсового офицера. В 1918 году был призван в Красную армию, в рядах которой на командных должностях защищал Советскую родину от белогвардейцев и иностранных империалистов. В 1925 г. выполнял в течение 3-х лет особые задания Главного управления РККА. С 1928 учился в Военно-технической академии имени Дзержинского, окончил ее в 1930 году. Работал начальником отдела Химуправления и ВВС КА. С 1937 г. был демобилизован как инвалид 2-й группы, не работал. В 1941 г. был назначен инструктором Бауманского РК ВКП(б). В 1942 г. был мобилизован и работал начальником отдела в главном военно-химическом управлении Красной Армии до весны 1946 г., когда был назначен начальником военной кафедры МХТИ им. Менделеева». [20, с. 10]

Похоронен на немецком кладбище в Москве.

Базанов Дмитрий Сергеевич – в октябре 1942 г. работал несколько месяцев в Московском филиале МХТИ профессором кафедры марксизма-ленинизма.

В 1916 г. был мобилизован в ряды «царской» армии (из автобиографии).

Поиски привели нас в архив Тверской области, где хранится подробное жизнеописание Д.С. Базанова «Записки неизвестного солдата...». История его участия в Первой мировой войне индивидуальна, но ценна для нас автобиографическими подробностями... [21]

«Одним из уроженцев кимрской земли был Дмитрий Сергеевич Базанов. Его имя ныне известно лишь узкому кругу ученых и историков. А

МХТИ им. Д.И. Менделеева

между тем, он оставил яркий след в истории Тверской области и, особенно, Кимрского района. Родился Д.С. Базанов 28 сентября (по новому стилю) 1894 г. в деревне Молоствово Корчевского уезда (ныне Кимрский район) Тверской губернии в крестьянской семье. Отец его занимался сапожным ремеслом, что было совсем не удивительным в свете того, что д. Молоствово, как и многие окрестные населенные пункты, входила «в орбиту» села Кимры – неофициальной «столицы сапожного царства» в России. Как пишет Д.С. Базанов в своих воспоминаниях, «семья была беднячко-средняя, от черного хлеба со жмыхом живот раздувало горой». Учился Д.С. Базанов в начальной школе соседнего села Троице-Кочки, затем в двухклассном училище с. Губин-Угол, находящегося в нескольких верстах от его деревни. Училище давало образование приблизительно соответствующее уровню нынешней неполной средней школы. Построено оно было на средства Санкт-Петербургского купца 1-й гильдии В.Ф. Мартынова – уроженца этого села. После окончания училища в 1911 г. Д.С. Базанов работает в соседнем с родной деревенькой селе Ильинском – волостном центре – в должности переписчика и конторщика местного страхового агентства. Большое влияние на его мировоззрение оказали местные социал-демократы Д.Ф. Кулаков и Н.Д. Карпов.

С началом Первой мировой войны Д.С. Базанов дважды получал отсрочку; как он пишет в своих воспоминаниях, «оказался на 4 вершка ниже нормы ростом и недостаточным объемом груди». Во второй половине 1916 г. он был призван в армию. Полк, в котором служил Д.С. Базанов, был расквартирован в Москве и готовился к отправке на фронт.

После февральской революции 1917 г. Д.С. Базанов сближается с большевистской организацией, стал выполнять различные ее поручения. 5 мая 1917 г. Сокольническим райкомом РСДРП(б) г. Москвы он был принят в члены партии. В конце мая того же года был направлен на курсы мастеров-десятников по военно-дорожному делу, саперным и взрывным работам.

После окончания учебы медкомиссия освобождает Д.С. Базанова от службы сроком на 3 месяца по состоянию здоровья. По поручению штаба военной организации МК РСДРП(б) Д.С. Базанов выезжает на родину для руководства выступлениями крестьян против помещиков, прихватив с собой из редакции газеты «Социал-демократ» толстую кипу газет, брошюр, листовок. В сентябре 1917 г. Д.С. Базанов становится председателем вновь организованного в с. Ильинском волостного земельного комитета, пришедшего на смену волостной управе.

После свершения Октябрьской революции 1917 г. (октябрьского переворота) в с. Ильинском при деятельном участии Д.С. Базанова устанавливается советская власть. В конце 1917 - начале 1918 гг. Д.С. База-

нов был избран делегатом двух уездных и губернского съездов Советов. В марте 1918 г. он был делегатом 4 Всероссийского съезда Советов в Москве. Весной 1919 г. после завершения 2-го Кимрского уездного съезда Советов Д.С. Базанов отбыл в Москву на учебу в Пролетарский университет.

В августе Д.С. Базанов был направлен на Южный фронт на борьбу с Деникиным и.о. комиссара 19 стрелкового полка 3 дивизии 13 армии. В октябре того же года он был ранен в руку и отправлен для излечения в г. Кимры. В октябре 1919 г. Д.С. Базанов приступил к работе в уюме ВКП(б) и президиуме уисполкома, с ноября 1919 г. занимал должность секретаря Кимрского уюма РКП(б).

В декабре 1921 г. Д.С. Базанов становится студентом факультета общественных наук МГУ. После окончания МГУ в сентябре 1924 г. Д.С. Базанов работает в Институте В.И. Ленина научным сотрудником и некоторое время в г. Волоколамске в аппарате местного уюма партии. В августе 1925 г. учраспредом ЦК РКП(б) был направлен в Тверь для руководства Тверской губсовпартишколой.

В августе 1926 г. губком РКП(б) рекомендовал Д.С. Базанова на должность ректора Тверского педагогического института. В институте Д.С. Базанов преподавал историю партии и исторический материализм. В 1926 г. приступил к исследованию философии Канта. В журнале «Известия Тверского педагогического института» была опубликована его статья «Кант и его натурфилософия». В 1928 г. вышла в свет брошюра Д.С. Базанова «Аграрный вопрос в Тверской губернии накануне 1917 г.».

С весны 1933 г. Д.С. Базанов работает в Московском институте коммунального хозяйства зав. кафедрой общественных наук и в Московском городском педагогическом институте. В декабре 1933 г. по мобилизации МК ВКП(б) Д.С. Базанов направлен в г. Рязань, где работал в райкоме партии и одновременно преподавателем в рязанских вузах. В августе 1934 г. Д.С. Базанов возвратился в Москву, где возобновил работу в Московском институте коммунального хозяйства и Московских областном и городском педагогических институтах. В январе 1935 г. Д.С. Базанов назначен зав. фондами Музея В.И. Ленина и научным сотрудником Института Маркса – Энгельса – Ленина. Одновременно он преподавал в Московском институте коммунального хозяйства и в Вечерней промышленной академии...

Д.С. Базанов награжден орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и многими медалями. Умер Д.С. Базанов 14 апреля 1978 г. в Москве, похоронен на кладбище с. Троице-Кочки Кимрского района.

Особо хочется отметить труд Д.С. Базанова - многотомную рукопись воспоминаний «Неизвестный солдат о себе и о других (1894-1920)». В ней автор рассказывает о своей жизни, становлении советской власти

МХТИ им. Д.И. Менделеева

в Кимрском уезде, активным участником которой он являлся, о многих событиях, в том числе, о трагических эпизодах описываемого времени. Очень важно, что очерки Д.С. Базанова не ограничиваются местной хроникой: они преподносятся в контексте с событиями как в губернии, так и в стране в целом.

Рукопись хранится в Тверском государственном объединенном музее в личном фонде Д.С. Базанова.

29.06.2006 г.

Батоев (Ботоев) Михаил Давыдович - выпускник МХТИ 1932 г.

О Михаиле Давыдовиче часто вспоминал академик Н.М. Жаворонков. В «Трудах МХТИ» за 1980 г. Николай Михайлович писал: «Из второй группы партысячников, пришедших в институт из Промышленной академии, наиболее колоритной фигурой был М. Д. Батоев, участник первой мировой и гражданской войн, член коммунистической партии с 1914 г., бывший комиссар так называемой «дикий» дивизии», на которую в июле 1917 г. руководитель белогвардейского мятежа возлагал большие надежды...» [22]

Вездесущий интернет нашел имя М.Д. Батоева в архиве Музея московской школы № 7. Сын Михаила Давыдовича, Юрий, выпускник этой школы, погиб в Великую Отечественную. В фондах музея хранится семейная фотография Батоевых, фото Юрия и его отца и небольшие воспоминания.

Музей находится по адресу: Москва, 119331, улица Надежды Крупской, 17.

«Отец Юрия, Михаил Давыдович Батоев, окончив институт, работал на заводе «Лакокраска», а в 1949 г. стал его директором.

Мама Юрия, Елизавета Александровна - врач, затем главврач роддома №3. Юрий был прекрасным товарищем, его любили и ласково называли Батайчиком. Сначала его стали готовить в воздушные десантники, но по состоянию здоровья его отставили. В декабре Юрий Батаев был назначен командиром взвода и отправлен в состав особой курсантской бригады на Калининский фронт. В феврале 1942 года от него пришло письмо. Он писал, что их отряд заброшен в тыл к немцам. После этого писем не было, а в конце марта извещение о том, что Юрий Батоев погиб под Калининским, ему не было 19 лет».

Бакаев Александр Семенович – см.стр. 52-56.

Будников Петр Петрович. Член-корреспондент АН СССР, Герой Социалистического Труда. В МХТИ заведующий кафедрами Общей технологии силикатов (1943-1968) и технологии вяжущих материалов (1956-1958). Во время Первой мировой войны был мобилизован в армию и назначен заведующим производством Московского химического завода (по другим данным военного завода) [6].

Жизнеописание

Петра Петровича Будникова

Я родился 21 октября 1885 г. В Смоленске. Отец мой умер в 1913 г., а мать в 1899 г.

По окончании в 1906 г. Смоленского Александровского реального училища я был принят в том же году студентом Рижского политехнического института на химическое отделение, которое окончил в 1911 г. с отличием и получил звание инженера-технолога. По окончании высшей школы я работал ассистентом у профессора С.Г. Шиманского в том же институте, а затем в 1912 г. поступил на завод электрических углей (ст. Кудниково Московско-Нижегородской ж.д.) в качестве инженера-химика.

В конце того же года я был приглашен преподавателем химии и химической технологии Лодзинского мануфактурно-промышленного училища. Во время мировой войны в 1915-1918 гг. я работал в качестве заведующего производством *на заводе снаряжения гранат**) в Москве и одновременно состоял преподавателем Лодзинского мануфактурно-промышленного училища, эвакуированного в Москву. В 1918 г. Советом профессоров Иваново-Вознесенского (ныне Ивановского) политехнического института (бывшего Рижского политехнического института) я был избран доцентом, а в 1919 г. профессором по кафедре химической технологии минеральных веществ... [15]

*) К весне 1915 г. общественные и деловые круги России добились от правительства решения привлечь частную гражданскую промышленность для выполнения военных заказов. Очевидно, сказались как патристические, так и меркантильные интересы. Постановлением Военного совета 9 апреля 1915 г. уполномоченному Главного артиллерийского управления (ГАУ) генералу Семену Ванкову было поручено организовать производство 3-дм снарядов на частных заводах. Французских специалистов отдали в его распоряжение. Для изготовления корпусов снарядов

МХТИ им. Д.И. Менделеева

и взрывателей были привлечены десятки, а затем и сотни заводов, прежде всего Московского промышленного района. Организация генерала Ванкова, как ее стали называть, должна была также снаряжать корпус снарядов взрывчатым веществом. Поставка гильз, пороховых зарядов и сборки патронов осуществлялись силами ГАУ. Организовать снаряжение гранат (осколочно-фугасных снарядов) французского образца планировалось на фабрике анилиновых красок «Фр. Байер и К» в Лужниках, тогда окраине Москвы. Эта была та самая, известная и сейчас своими лекарствами немецкая фирма. По мнению Ванкова, руководители завода затягивали дело, требовали громадные суммы за аренду. Возможно, сыграло роль подозрительное отношение к гражданам «германской национальности». Из-за этого патриотического угара, кстати, многие немцы в России вынуждены были поменять фамилии, а большинство крупных немецких предприятий изменили названия, непременно добавив в него слово «Русское».

В мае 1915 г. фабрика, как принадлежавшая германским подданным, была реквизирована. Для организации здесь снаряжения боеприпасов был привлечен известный московский предприниматель, потомственный почетный гражданин Николай Второв, которому была передана фабрика. Второв приступил к строительству снаряжательного завода 20 мая 1915 г. под руководством членов французской миссии. Работы начались без заключения формального контракта с ГАУ, по словесному предложению Ванкова. Из-за скученности строений фабрики Байера и близости к железной дороге снаряжательные мастерские были построены на смежном участке земли Дворцового ведомства. В помещениях собственно фабрики расположили комплекс подготовительных и заключительных работ. Завод построили за 38 дней к 28 июня 1915 г., благодаря организационной помощи Ванкова. Сразу после окончания этого строительства на прилегающей территории начали возводить еще один завод для увеличения мощностей. Его завершили только к концу октября 1915 г. из-за больших размеров, недостатка опытных рабочих рук, вызванного призывом в армию, и расстройств железнодорожных перевозок. Мощность снаряжательных заводов, названных «А» и «О», составила 12 и 16 тыс. снарядов в сутки, впоследствии общую мощность довели до 40 тыс.

Первый контракт был заключен 10 июля 1915 г. на снаряжение 1,6 млн. гранат французского образца, в начале ноября - второй. Всего в 1915-1917 гг. Второвым были получены 23 наряда на 17 млн. снарядов. Корпуса снарядов снаряжались в основном мелинитом (пикриновой кислотой). Этот желтый краситель для тканей применялся с конца XIX в. как взрывчатое вещество (ВВ), но с 1909 г. стал заменяться более эффективным тротилом. Из-за нехватки тротила решили вернуться к ис-

пользованию пикриновой кислоты, которую могли производить и гражданские химические заводы.

В декабре 1915 г. на заводе Второва началось также строительство специального здания для снаряжения отравляющими веществами (ОВ). Мощность этого производства довели до уровня свыше 2,5 тыс. снарядов в сутки. Применялся фосген и слезоточивые газы, их выпуск освоили на многих химических заводах Москвы и Подмосковья. На производство фосгена перешел даже простаивающий из-за введения «сухого» закона знаменитый водочный и ликерный завод Шустова в Москве, располагавшийся в районе нынешней гостиницы «Пекин». С августа по декабрь 1915 г. заводами Второва было снаряжено лишь 52,4 тыс. снарядов. Очевидно, отставали производители ВВ, поскольку организация Ванкова начала получать корпуса снарядов еще в июле 1915 г. - 3 тыс. штук, а в сентябре было принято уже 127 тыс. штук.

Мобилизация химической промышленности для производства ВВ проходила под руководством академика Ипатьева. В течение 1916 г. снарядили 7,3 млн. снарядов, в т.ч. 0,93 млн. штук с ОВ. В конце этого года стали выпускать небольшое количество снарядов более крупных калибров - 122 и 155-мм. В 1917 г. снарядили 6,7 млн. штук, в т.ч. 0,8 млн. с ОВ, выпуск 155-мм снарядов вырос до 160 тыс. штук. Помимо снарядов французского образца снаряжались и 76-мм русско- французские снаряды образца Путиловского завода. Всего в 1915-1917 гг. заводами Второва было снаряжено около 14 млн. снарядов. Самый высокий уровень производства был достигнут с августа 1916 г. по июнь 1917 г. с пиком в декабре 1916 г. На московских снаряжательных заводах Второва было занято около 2 тыс. рабочих.

В конце января 1916 г. был поднят вопрос о необходимости строительства третьего снаряжательного завода. Его предлагали разместить в другом месте в целях безопасности. Опасения были ненапрасными, поскольку через несколько дней на заводе в Лужниках произошел взрыв. В ноябре 1915 г. на заводе задержали некоего крестьянина, очевидно, подозревали его в «умысле на теракт». В апреле 1916 г. Второву выделили 21 млн. руб. на строительство нового снаряжательного завода в Богородском уезде под Москвой. Здесь же им был построен и электрометаллургический завод. Ныне это город Электросталь, а снаряжательный завод 12 Наркомата боеприпасов в 1945 г. передали в атомное ведомство, и сейчас это АО «Машиностроительный завод». Второв также планировал построить завод взрывателей, но отказался от этого предложения, и завод строила казна с лета 1916 г. в Воронеже.

(Независимая газета, 12 марта 2004)

МХТИ им. Д.И. Менделеева

Вайсбейн Самуил Арнольдович – доцент кафедры экономической теории МХТИ в 1949-1967 гг. Родился 26 января 1887 г. в г. Бердичеве в бедной семье мелкого торговца, был прописан к м. Полонное Волынской губернии. Окончил городское училище, а в 1908 г. гимназию. В 1915 г. окончил юридический факультет Новороссийского университета в Одессе по специальности экономист. В 1916 г. был призван по мобилизации на военную службу в качестве рядового солдата, прослужил 5 месяцев. В начале 1917 г. был освобожден от военной службы по близорукости [15].

Вайсфельд Ной Ильич – доцент кафедры математики МХТИ с 1949 по 1952 год.

Родился в 1888 г. в г. Бердичеве в семье служащего. Начальное образование получил в городском училище, среднее в Черниговской гимназии, высшее на физико-математическом факультете Киевского университета (1912 г.) и в Московском высшем техническом училище на инженерно-строительном факультете (1921 г.).

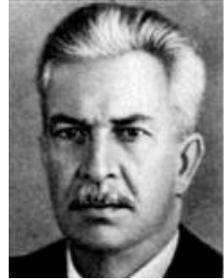
В 1912 г. отбыл воинскую повинность в качестве вольноопределяющегося 1-го разряда (1912-1913 гг.). Впоследствии был снова призван в 1917-1918 гг. и был в армии на юго-западном фронте...

С 1930 по 1948 г. заведовал кафедрой высшей математики в Московском архитектурном институте, одновременно читал лекции в других институтах [15].

Волохин Михаил Дмитриевич – преподаватель курса артиллерии военной кафедры МХТИ (1925-1937). Скупая информация из некролога институтской многотиражной газеты «Московский технолог»: «В эпоху империалистической войны, будучи артиллерийским офицером, Михаил Дмитриевич попал в плен и был отправлен в Германию, где и пробыл до Октябрьской революции, которая освободила его из плена. Он вернулся в Советский Союз и одним из первых бывших офицеров царской армии добровольно предложил себя в распоряжение партии и Советской власти»[23]. Сведений о послужном списке нет.

Головин Павел Васильевич (1885-1964) – профессор «сахарной специальности», вместе с И. А. Тищенко создавал механический факультет МХТИ. Член-корреспондент АН УССР (1939).

Прервал учебу в ИМТУ: ушел вольноопределяющимся*) в армию. В 1914 г. после окончания ИМТУ вновь призван в ряды действующей армии. Послужной список неизвестен [24].

*) *Вольноопределяющийся* – военнотрудовой, добровольно поступавший после получения высшего или среднего (в России — и незаконченного среднего) образования в армию и несший военную службу на льготных основаниях. Особенности службы В. по сравнению с прочим рядовым составом были: сокращённый срок службы и срок выслуги в чинах, право жить на собственные средства вне казарм, обязанность по окончании срока службы держать экзамен на звание младшего офицера (в России — прапорщика) запаса.

Дунаевский Наум Исаевич – заведующий кафедрой теплотехники и термодинамики МХТИ в 1940-1946 годах. Из жизнеописания: «Родился в 1893 г. Среднее образование получил в первом Харьковском реальном училище, которое окончил в 1910 г. В этом же году, получив по конкурсу полный балл, был принят в Харьковский технологический институт на механическое отделение. В 1911 г. привлекался за участие в студенческой сходке в связи с т.н. «Зерентуйскими» событиями, а в начале 1913 г. был уволен из института по распоряжению харьковского губернатора за политическую неблагонадежность. Для продолжения образования уехал за границу, где вскоре был принят на 3-й курс Электротехнического института Льежского университета (т.н. института Монтефиоре).

В июле-августе 1914 г. сдал с отличием переходные экзамены на последний курс. Последний экзамен проходил уже под грохот пушек штурмовавшей Бельгию германской армии. Через несколько дней Льеж был занят немцами, а в конце августа несколько сот учащихся в Льеже русских студентов, и я в том числе, были задержаны немецкими военными властями и отправлены в Германию в качестве гражданских пленных и интернированы в концентрационных лагерях. Я провел в Германии на положении военнопленного в течение трех с половиной лет и лишь в начале 1918 г. мне удалось бежать в Данию, откуда я уже в 1919 г. вернулся в Россию.

МХТИ им. Д.И. Менделеева

В начале 1920 г. я вновь поступил на механический факультет Харьковского технологического университета, каковой и закончил с отличием в 1922 г. Специальностью еще в институте избрал теплотехнику».

В марте 1940 г. защитил докторскую диссертацию. С октября 1940 г. приступил к заведованию кафедрой термодинамики и теплотехники МХТИ им. Менделеева» [15].

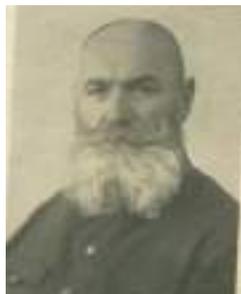
Жуковский Николай Иванович – профессор, зачинатель «военно-химической и военно-артиллерийской специальности МХТИ» (1924 г.). Родился в 1877 г. Получил прекрасное военное образование: кадетский корпус (Симбирск, 1891г.), артиллерийское училище (1898 г.) и артиллерийская академия (1901 г. Петербург). В годы Первой мировой войны – полковник, служил в Главном артиллерийском управлении, неоднократно был в заграничных командировках по вопросам закупки боеприпасов. Сведений о наградах нет [6].

Краткие сведения о служебной и научной деятельности Н.И. Жуковского [15]:

По окончании Артиллерийской академии в 1901 году поступил на службу в Охтенский пороховой завод, где занимал различные должности до середины 1914 года. Большая часть службы прошла в Испытательной Комиссии под руководством Г.М. Киснемского. Наряду с научно-исследовательскими работами Комиссии принимал ближайшее участие в многолетнем опыте Н.А. Забудского по изучению распределения давления в различных сечениях канала 76 мм полевой пушки. Самостоятельно провел опыт по изучению распределения давлений в 7,6 мм винтовке. Совместно с Н.А. Забудским провел первые опыты по флегматизации винтовочного пороха, опираясь на сведения, полученные во время длительной (полтора года) командировки в Германию (1905-1906 гг.).

В 1914 г. перешел на службу в Главное Артиллерийское Управление, в котором без перерыва работаю до настоящего времени на различных должностях, но преимущественно в Артиллерийском комитете с последующими его переименованиями. В работе Артиллерийского комитета был привлечен (в качестве докладчика) еще в бытность на службе в пороховом заводе в 1907 г. С объявлением Империалистической войны (август 1914 г.) был командирован сначала в Японию, а затем в США, где находился до начала 1916 г., заведывая приемкой пороха и взрывчатых веществ.

С 1918 по 1923 г. занимал должность технического руководителя Артиллерийских складов РККА, оставаясь в то же время членом Артилле-

Первая мировая 1914 - 1918

рийского комитета, где лично руководил разработкой селитро-угольных добавок как суррогата бездымного пороха, опытом хранения бездымного пороха под водой, начальными опытами по разработке беспламенных порохов и пламягасителей, проводил испытания стрельбою пороха с различной формой зерна, включая и зерно Киснемского. Совместно с М.Г. Пименовым разработал миномет, работающий на принципе активной струи пороховых газов, вытекающих через сопло отдельной камеры сгорания.

Постановлением Научно-технической секции ГУСа от 17 февраля 1926 г. допущен по конкурсу на занятие кафедры порохов в МХТИ в звании профессора. В дальнейшем занимал кафедру в Военно-химической академии до 1933 г.

Постановлением Совета Народных Комиссаров от 28 февраля 1928 г. присвоено звание Заслуженного деятеля науки и техники.

Приложение: список научных трудов 23 апреля 1937 г.

Звягинцев Орест Евгеньевич – профессор первых лет ИФХ факультета, заведующий кафедрой редких и рассеянных элементов в 1949-1956 гг.

Двадцатилетним студентом с 1914 г. стал работать в комитете помощи раненым, а с 1916 г. рентгенологом в Первом этапном лазарете Красного креста. [24, с.463]

Страницы биографии:

Звягинцев Орест Евгеньевич (1894–1967)

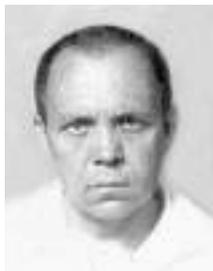
Химик-неорганик, профессор Московского химико-технологического института. Исследования в области химии и технологии благородных металлов. Впервые выделил (1944 г.) рутений из медно-никелевых руд. Руководил проектированием и пуском ряда предприятий по производству благородных металлов. Принимал участие в организации Уральского филиала АН СССР (1932 г.), Института общей и неорганической химии имени Н. С. Курнакова АН СССР (1934 г.) и др. Труды по истории химии. Государственная премия СССР (1946 г.). Один из основателей платиновой промышленности в СССР.

В честь него назван минерал *Звягинцевит* - редкий минерал платиновой группы интерметаллидов состава $(Pd, Pt, Au)_3(Pb, Sn)$. Впервые установлен в 1966 г. на Талнахском Cu-Ni месторождении (Норильск, плато Путорана, полуостров Таймыр, Вост. Сибирь, Россия).

МХТИ им. Д.И. Менделеева

Зиновьев Анатолий Андреевич – заведующий кафедрой неорганической и аналитической химии в Московском филиале МХТИ Д.И. Менделеева (1942-1943 гг.). Родной брат профессора В.А. Зиновьева – более трех десятков лет занимавшегося подготовкой менделеевцев в делах технической механики, деталей машин, теории машин и механизмов. Анатолий Андреевич выпускник Московского Университета прапорщиком служил в действующей армии 1916 – 1917 гг. [6]. Послужной список нам пока неизвестен.

Ильин Александр Автономович – доцент (с 1928 г.), заведующий кафедрой инженерной графики МХТИ (с 1932 г.). Родился в 1882 г. в Саратове. В 1902 г. окончил Реальное училище. В 1910 г. окончил с отличием Петербургский технологический институт по механическому отделению. Еще студентом работал в Техническом училище при Морском министерстве. «После окончания института и до поступления в 1928 г. в МХТИ выполнял ответственную работу на предприятиях металлообрабатывающей промышленности». В 1910-1912 гг. работал инженером в Саратовской городской управе. В 1912-1915 гг. – инженер Петербургского франко-русского завода судовых машин. В 1916-1918 гг. – помощник директора Петроградского трубочного завода *) [15].

*) Трубочные заводы. Незадолго до мировой войны, 10 июля 1913 г. законодательными учреждениями был разрешен кредит 15,8 млн руб. на усиление артиллерийских заводов, в том числе 3,1 млн рублей на постройку 3-го трубочного завода. Еще до войны ГАУ считало, что два трубочных завода — Петербургский и Самарский — недостаточны для удовлетворения потребности в трубочных изделиях. Война с первых же месяцев потребовала такого расхода снарядов, взрывателей и трубок к ним, чего никак нельзя было предвидеть перед войной. Поэтому дефицит в производственных ресурсах по трубочным изделиям оказался во много раз больше того, который намечался до войны [25].

Капцов Николай Александрович – первый заведующий кафедрой №5 (химической технологии электровакуумных материалов) в МХТИ. [26,с.95] Выпускник физико-математического факультета Московского университета, профессор Московского университета, видный ученый-электронщик.

Родом из известной московской купеческой фамилии, до Первой мировой войны участвовал в торговых делах своей фамилии Капцовых-Челышевых.

«Александр Сергеевич Капцов – отец Николая Александровича – был Гласным Московской Городской Думы с 1889 по 1893 год, потомственным Почетным гражданином, широко известным среди московского купечества меценатом, сделавшим крупные взносы в строительство начальных училищ (в 1892 году он пожертвовал 190 000 рублей для устройства городского начального училища на 200 мальчиков, а три года спустя училища на 250 девочек) и расширение Алексеевской психиатрической больницы. Его супруга Анна Михайловна Капцова урожденная Залогина принимала в меценатской деятельности мужа живейшее участие.

Николай Александрович Капцов в 1900 году поступил на физико-математический факультет московского университета и после его окончания (через 4 года) был удостоен диплома первой степени. Обладатель такого диплома имел право продолжить учебу еще в течение двух лет для подготовки к профессорскому званию. Эти правом Николай Александрович воспользовался и продолжил работу в лаборатории П.Н. Лебедева до сентября 1906 г. Из сохранившихся документов следует, что в 1906 г. он был вынужден оставить занятия наукой в связи с призывом на военную службу сроком на один год. Сначала он служил рядовым (вольноопределяющимся), а затем младшим унтер-офицером во 2-й московской инженерной дистанции.

С 1907 по 1914 год Николай Александрович участвовал в торгово-промышленном предприятии семьи Капцовых в качестве его совладельца (Товарищество «Анна Капцова с сыновьями», а затем Товарищество «Н.А. Капцов с братьями»).

В 1912-1914 годах Анна Михайловна надстроила дом № 3 в Большом Афанасьевском переулке и оборудовала там для старшего сына Н.А. Капцова радиоэлектронную лабораторию. По пока еще не проверенным сведениям, в годы первой мировой войны в этой лаборатории было налажено производство радиостанций для действующей армии.

В 1914 г. Н.А. мобилизован в действующую армию. После шестимесячного пребывания на фронте произведен в прапорщики. Служил младшим офицером, а затем начальником ка-

МХТИ им. Д.И. Менделеева

бельного отделения 3-й Сибирской отдельной телеграфной роты, входившей в состав 5-й армии Северо-Западного фронта (принимал участие в боевых действиях в верховьях Западной Двины). В декабре 1917 г. был демобилизован из армии из-за близорукости и взят на учет Военно-технических сил Республики.

Интересно отметить, что в 1922 г. по инициативе и при финансовой поддержке НТО ВСНХ РСФСР был направлен в годичную командировку в Берлин для «установления научных контактов с немецкими коллегами и проведения совместных работ.

Младший брат Сергей: «В первые же дни войны с Германией С. А. Капцов ушел на фронт. Согласно его послужному листу, с октября 1907-го по декабрь 1908 года он проходил военную службу в 1-й Московской инженерной дистанции, где получил чин кондуктора I класса (младший инженер-механик). Всю войну Сергей Александрович был в действующей армии. Одна из открыток, адресованных ему, надписана так: «410-й пехотный полк, шоферу Сергею Александровичу Капцову». Со службы его уволили 11 апреля 1918 года с удостоверением Московского уездного воинского революционного штаба о том, что он «состоял (...) в штабе 4-й армии» [27].

Караваяев Николай Михайлович –

родился 26 мая (7 июня) 1890 — советский ученый в области химии и технологии топлива, чл.-корр. АН СССР (с 1946). После окончания в 1920 Московского высшего технического училища преподавал там же (до 1930); в 1925—32 гг. — в Московском машиностроения (с 1949 — профессор). В 1924— 1932 работал во Всесоюзном теплотехнич. институте, в 1939—51 — в Институте горючих ископаемых АН СССР. Основные труды посвящены вопросам происхождения, химии и технологии твердого топлива и получаемых из него продуктов.

Основатель специальности «технология пирогенных процессов» в МХТИ. В армию был призван (или ушел добровольцем) со студенческой скамьи Императорского Московского технического училища. Информации о чинопроизводстве нет. Службу нес за океаном в качестве приемщика военного снаряжения (кожевенных изделий) Всероссийского земского союза в США (Нью-Йорк) [28, с. 3].

Карапетьянц Михаил Христофорович — заведующий кафедрой общей и неорганической химии МХТИ в 1961-1977 гг.

Как сегодня сказали бы, дитя войны. Отец Михаила Христофорови-

Первая мировая 1914 - 1918

ча в 1907 г. окончил медицинский факультет Московского университета, получив диплом на звание «Лекаря с отличием». 14 марта 1914 г. родился его сын Миша (*на фото справа*), а в августе началась война. Христофор Григорьевич был на фронте с самого начала военных действий в должности фронтового врача. В начале 1918 г. он демобилизовался и всю жизнь работал врачом эпидемиологом.

Коган Иосиф Михайлович – информация об участии профессора Когана в Первой мировой войне минимальна. Из биографии следует, что с 3-го курса физико-математического факультета Новороссийского университета (Одесса) Иосиф Коган был призван на военную службу (1915 г.), демобилизован в 1918 г. Время службы попадает на период войны. Послужной список не известен.

В 1923 г. при содействии И.А. Тищенко был откомандирован из Симферополя на вновь созданную в МХТИ кафедру технологии органических красителей и промежуточных продуктов. Прошел путь от ассистента до профессора, заведующего кафедрой (1929-32 гг., 1941-45 гг.) [6].

Колпаков Иван Кондратьевич – (1895 г.р.; г. Вольск Саратовской губернии). В МХТИ в 1950-51 гг. работал наборщиком типографии. В личном листке по учету кадров в графах «выполняемая работа» Иван Кондратьевич указывает – 1915 по 1916 служба в Старой армии – «последний высший чин – рядовой», а дальше И.К. отмечает – 1916-1917 гг. – инвалид войны. О гражданской войне в анкете отмечено 1918-1921 гг. – «участвовал во время гражданской войны 1918 г. на Волге в качестве бойца красноармейца». О наградах в «старой» армии» в личном листке вопросы не ставились [15].

Красин Павел Михайлович – в 1943 г. профессор военной кафедры МХТИ, читал курс военно-санитарной подготовки.

Родился в семье профессора в 1875 г. в Казани. В 1984 г. окончил ме-

МХТИ им. Д.И. Менделеева

дицинский факультет Казанского университета. Проходил стажировку в клиниках Германии, Австрии, Франции, Швейцарии (1908-1909 гг.). В период Первой мировой войны работал в Клиниках госпитальной хирургии Казани. Работы действующему хирургу хватало с лихвой, но в жизнеописании об этом говорить было не принято. С 1917 г. – профессор по кафедре оперативной хирургии в Казанском медицинском институте[6].

Крючков Федор Петрович – профессор кафедры марксизма-ленинизма МХТИ (1943-1945 гг.). После окончания в 1916 г. Уфимского учительского института был призван в армию. Окончил краткосрочные курсы прапорщиков в Казанском юнкерском училище. В боевых действиях с июля 1917 г. в составе 233 Старобельского полка на Румынском фронте. Делегат II Чрезвычайного съезда советов крестьянских депутатов и III Всероссийского съезда советов. Левый эсер (1917 г.). Сведений о наградах нет [6 ,с. 320-321].

Кустов Владимир Федорович – в 1946-1949 гг. профессор кафедры №42 спецфакультета МХТИ.

Родился в 1892 г. в Санкт-Петербурге. Окончил в 1911 г. 6-ю городскую гимназию и поступил на химическое отделение физ-мат факультета Петербургского университета, которое окончил в 1916 г. по специальности «химическая технология».

В справке о научной деятельности профессора, доктора технических наук В.Ф. Кустова сообщает: «Практическую работу начал на Охтенском пороховом заводе*) в 1916 г., где заведовал отделом прочности порохов. Выполнил за время работы различные научные исследования по взрывчатым веществам, также по переводу завода на мирное производство [15].

*) В XIX в. Охтинский завод стал передовым предприятием в своей отрасли, был крупнейшим пороховым заводом России, главным поставщиком различных сортов порохов для армии и флота. С историей завода тесно связаны имена крупнейших ученых в области химии, артиллерии, ракетного оружия, в том числе — Менделеева, Вышнеградского, Чиколева, Захарова, Засядко, Константинова и многих других.

Лидер Евграф Эдуардович – заведующий кафедрой пирогенных процессов МХТИ в 1949-1954 гг.

Родился в 1880 г. в Санкт-Петербурге в семье почетного гражданина биржевого маклера по хлебу. В Горном институте в Санкт-Петербурге в 1904 г. получил специальность горный инженер. Начал производственную деятельность в Донбассе. В 1914 г. приглашен на должность председателя объединенного Технического управления вновь образованных российских акционерных обществ химической и коксохимической промышленности «Русско-краска» и «Коксобензол» (Харьков). Проработал здесь до 1919 г. [6].

Лукьянов Павел Митрофанович – основатель и первый заведующий кафедрой технологии электрохимических производств (1933-1941), заведующий кафедрой ОХТ (1942-1960). Автор фундаментального труда «История химических промыслов и химической промышленности России».

Родился в 1889 г. в мещанской семье в Москве. В 1907 г. окончил Комиссаровское техническое училище (7 классов) и в том же году поступил в Московское Высшее техническое училище на химический факультет, которое окончил в 1914 г. в звании инженера-технолога (*фото на стр. 129*). Сразу после окончания МВТУ с июня 1914 г. работал в должности помощника директора на химическом заводе Бурнаева*). На этом заводе работал в течение полутора лет, после чего перешел на Московский химический завод Лепешкина на должность технического директора**). На заводе Лепешкина принимал участие в проектировании и постройке ряда установок. Одновременно работал над проектированием большого химического завода в Дегунине близ Москвы, принадлежащего той же фирме [6].

*) В годы первой мировой войны предприятие Бурнаевых разрослось, т.к. работало на военные заказы. Были построены новые цеха.

***) За годы Первой мировой войны торговый дом Лепешкиных сильно разросся. Было создано крупное производство азотной и пикриновой кислот для получения различных видов пороха.

Любимов Вениамин Александрович – с 1930 по 1934 заведовал кафедрой технической механики в МХТИ, потом был доцентом этой кафедры, а с 1941г. до скоропостижной смерти 29 октября 1942 г. снова был заведующим кафедрой и руководителем

МХТИ им. Д.И. Менделеева

дипломного проектирования по фабрично-заводскому строительству.

Им воспитано не одно поколение инженеров, успешно работающих в химической промышленности страны.

В своем жизнеописании сообщал:

Родился в 1891 г. в Пензе. В 1910 г. окончил 17-ю Пензенскую мужскую гимназию и поступил в Московский университет на математическое отделение физ-мат факультета. Во время прохождения курса работал в специальной лаборатории по земному магнетизму у профессора Лейста. Кандидатское сочинение «Земной магнетизм и аномалии» было направлено для опубликования в Трудах Московского университета.

По получению выпускного свидетельства был в 1914 г. мобилизован в армию, откуда был откомандирован в Константиновское Артиллерийское училище, которое окончил в 1915 г. С 1915 по 1918 г. пробыл в действующей армии в составе 36 артиллерийской бригады. После демобилизации приступил к государственным экзаменам, каковые окончил в 1918 году. После окончания Университета поступил в Московский институт путей сообщения.

В 1919 г. был мобилизован в Красную Армию и был назначен в 1-й тяж. дивизион бат. «С» тяжелой артиллерии особого назначения. В июле 1920 г. был демобилизован для окончания института. В 1924 г. окончил институт со званием инженера путей сообщения.

С 1920 по 1930 год работал в промышленности. В 1930 г. по постановлению областного бюро ИТС строителей был выдвинут на педагогическую работу и направлен в институт технологии зерна и муки на кафедру технической механики в качестве доцента [15].

Макаров-Землянский Яков Яковлевич – преподаватель (профессор) кафедры органической химии МХТИ с 1923 г. В 1934-1937 гг. декан химико-технологического факультета.

Родился в 1890 г. в Москве. В семье мещан. В 1908 г. окончил гимназию и поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. В 1911 г. был вынужден прервать учебу и по рекомендации Н.Д. Зелинского поступил на философский факультет Гёттингенского университета (Германия). Специализировался в области органической химии у известного профессора О. Валлаха. В 1914 г. представил докторскую диссертацию, но не был допущен к защите как подданный государства, воюющего с Германией. В том же году был интернирован, но благодаря усилиям его немецких учителей и консульства Испании в январе 1915 г. возвратился в Россию.

Первая мировая 1914 - 1918

В 1916 г. был мобилизован в армию и направлен в качестве старшего мастера в минозаливочную мастерскую Кронштадского порта. После 1917 г. демобилизовался и работал в различных химико-фармацевтических лабораториях [6].

Мошкин Пантелеймон Афанасьевич – профессор кафедры технологии жиров и масел МХТИ в 1928-1931 гг. Родился в 1891 г. в Москве в купеческой семье, известной своей благотворительностью. Среднее образование получил в Московском реальном училище Воскресенского в 1908 г. В 1918 г. окончил химический факультет МТУ и был оставлен при кафедре технологии органических веществ.

Выдающийся химик-технолог, успешно сочетающий в своей деятельности теоретические и прикладные исследования. Его основные научные достижения связаны с разработкой промышленных методов органического синтеза. Начал научно-исследовательскую работу под руководством Чичибабина А.Е. с методов синтеза пиридиновых оснований.

В период Первой мировой войны, когда прекратились поставки в страну важнейших препаратов для различных отраслей химической промышленности – военной, красочной, фармацевтической – провел изыскания по налаживанию их производства из отечественного сырья. Работал в Московском комитете по организации химико-фармацевтических производств. Был командирован в 1914 г. на Белое море, в Швецию и Норвегию для изучения производства йода из водорослей. Из собранного им сырья в МТУ была организована опытная установка по производству йода [6].

Муравьев Александр Георгиевич – заведующий кафедрой физики в МХТИ в 1930-е годы.

Родился 9 февраль 1890. После окончания физического факультета Московского университета, в годы 1-й мировой войны был назначен офицером Московской радиостанции, которая держала связь с Англией (союзницей России) и давала Военно-морским силам Великобритании координаты для уничтожения немецких подводных лодок. Совместная работа дала положительный результат, за что Россия при-

МХТИ им. Д.И. Менделеева

своила А.Г. Муравьеву звание профессора физики, а Англия наградила орденом. Орден он не получил по вполне понятным историческим причинам: отречение Николая II от престола, февральская буржуазная революция, октябрьская социалистическая революция, Брестский договор, гражданская война и т.д. Профессор физики. Награжден орденом Ленина и многими медалями.

Из домашнего архива внука профессора:

Муравьев А.Г. (1890-1959?) - родился в селе Раменском Московской губернии (город с 1927 г.) в семье служащего. В 1912 г. окончил физико-математический факультет Московского университета. Во время войны 1914-1917 гг. находился в армии в должности старшего помощника начальника Московской радиостанции. С 1920 г. — профессор Смоленского государственного университета. С 1923 по 1959 гг. на кафедре физики в ММ И. В годы Великой Отечественной войны состоял и начальником кафедры физики Военной академии бронетанковых и механизированных войск Красной Армии им. И.В. Сталина. Научно-исследовательская работа охватывает несколько областей физики: в области радиотехники, в области звукометрии. Почетный профессор МИИГиК.

Настюков Александр Михайлович – профессор кафедры химической технологии пластмасс (1933-1941 гг.). В Менделеевке фигура, к сожалению, полузабытая. Профессор Настюков – один из организаторов специальности технологии пластмасс в нашем вузе. В действующей армии в период Первой мировой войны он не состоял, но для нужд обороны Родины сделал немало.

Фрагмент из отчета Императорского Московского университета за 1915 г.: «В лаборатории технической химии профессором Настюковым А.М. и его помощниками производился ряд работ по военной тематике. В частности, им был разработан способ получения светопрочной краски защитного цвета (того самого хаки, что был принят во многих армиях мира как краситель для камуфляжа) из русских материалов (на него выдана привилегия). Он применялся на трех мануфактурах в Костромской и Владимирской губерниях и на заводах в Ростокине. Предложен также способ получения черной краски из русских материалов. Не имея прямого значения для военных целей, он был важен тем, что освобождал красочную промышленность от немецких технологий. Были поставлены печи собственной системы для производства сернистого натра на трех

вышеупомянутых фабриках. Лаборатория выполняла ряд мелких работ для нужд армии: исследование резины для подошв, изготовление состава для пропитывания валенок в целях непромокаемости, исследование удушливой жидкости, приготовленной по способу Анои, разрабатывала способ изготовления газонепроницаемой материи, анализ немецких осветительных ракет» [30, с.261]. Следует добавить к «привилегии» на черную краску, что в эти годы А.М. Настюков технологию производства красителя «хаки» - того самого хаки, что был принят во многих армиях мира как краситель для камуфляжа.

Новиков Андрей Федорович – лаборант теплотехнической лаборатории, ветеран МХТИ. В юбилейном издании «XX лет МХТИ им. Д.И. Менделеева» отмечено, что А.Ф. Новиков состоит в штате на Миусах с 1922 г. Активный общественник, член Месткома, председатель комиссии рабочего контроля – РКК. В публикации «Московского технолога» №25 за 1937 г. вспоминал: «Когда я воевал при царизме в 1914 г., я не знал, за что воюю. Сейчас я твердо знаю, за что пойду воевать». Биография Андрея Федоровича «говорит», что на фронте Первой мировой он был в нижних чинах. Других сведений о послужном списке у нас нет.

Орлов Егор Иванович – см. стр. 65-68.

Павлов Борис Павлович – выпускник Московского университета (1906 г.) и института инженеров путей сообщения (1912 г.). В МХТИ Борис Павлович заведовал кафедрой теоретической механики в 1947 – 1949 гг. С началом войны в 1914 г. Б.П. Павлов был призван в армию и в течение всех 4 лет войны проходил службу на Юго-Западном фронте в звании прапорщика железнодорожных войск. Сведений о наградах прапорщика Б.П. Павлова нет [6].

Пантелеев Владимир Петрович – один из основателей МПУ. Ректор МПХТИ в 1921-1922 гг. (Фото на стр. 11).

Родился в 1868 г. Окончил Санкт-Петербургский практический технологический институт. В 1900 г. командирован в МПУ для организации химического отделения. С 1903 г. заведовал учебной частью химического отделения, руководил химической лабораторией. В 1915-1916 гг. руководил изготовлением медикаментов в мастерских МПУ: лизола из технической карболовой кислоты, салициловой кислоты, ее натриевой соли и других препаратов. До 1917 г. имел чин коллежского советника.

[6]

Патрикеев Петр Николаевич – заведующий кафедрой марксизма-ленинизма МХТИ в 1949-1950 гг.

Рождения 1896 г. по социальному происхождению из рабочих. Родился в с. Губин Угол Кимрского района Тверской области. С 1905 по 1915 работал сапожником. В 1915 г. был мобилизован в царскую армию рядовым стрелком, в которой пробыл до Октябрьской революции [15].

Пестов Николай Евграфович – см. стр. 37-51.

Петров Александр Дмитриевич – член-корреспондент АН СССР. Был призван в армию в 1916 г. со студенческой скамьи Петроградского университета. Лишь через три года смог вернуться в университетскую аудиторию. Послужной список не известен, но вероятнее всего служба была связана с химической специальностью.

В автобиографии А.Д. Петрова читаем:

Родился 16 августа 1885 г. в г. Петербурге. По окончании в 1913 г. средней школы (реальное училище) в 1914 г. поступил в Петербургский Университет на химическое отделение, которое окончил в 1922 г. после 3-х летнего перерыва, обусловленного призывом в армию в период войны с Германией. Педагогическая деятельность и научная работа в 1922-1926 гг. протекали в институте защиты растений, в военно-инженерной академии, в военно-химической академии и военно-технической академии. Читал курсы: Синтез и анализ ОВ, Химические средства борьбы с вредителями сельского хозяйства, Органической и технической химии.

После демобилизации с 1926 по 1934 г. проводил только научно-исследовательскую работу в АН СССР..

В 1943 г. принял на себя обязанности чтения специального курса «Химии моторных топлив» на кафедре № 5 МХТИ. Состою профессором МХТИ без перерыва до настоящего времени» [15].

В другом варианте автобиографии (рукописном) А.Д. Петров пишет более подробно. « В 1916 г. со 2-го курса был призван в войска и по окончании ускоренного курса в военном училище и Высшей военно-химической школы служил в армии (сначала старой, а затем Красной) до 1926 г., преимущественно в качестве преподавателя, лаборанта исследовательских учреждений военного ведомства (комиссия акад. Н.С. Курнакова), а также работал в экспедициях Наркомзема по применению ОВ в

борьбе с вредителями с/х.

Последнее место службы в военном ведомстве Военно-техническая академия им. Дзержинского» [30].

Петров Григорий Семенович – заведующий кафедрой химической технологии пластмасс МХТИ в 1943-1957 гг.

Родился в 1886 г. в Костроме. Окончил Костромское химико-техническое училище им. Чижова. В 1913-1914 гг. организовал первое в стране производство пластмассы – фенопластов под названием «карболит». В 1915-1916 гг. участвовал в создании акционерного общества «Карболит». Во время Первой мировой войны направлен в Кадиевку (Донбасс) в качестве заведующего лабораторией бензольного и ректификационного заводов Артиллерийского ведомства [6].

Поляков Константин Андреевич – в 1942 году преподавал на кафедре процессов и аппаратов московского филиала МХТИ.

В своей автобиографии сообщает: «Родился в 1890 г. в г. Борисоглебске. Родители мещане того же города. Отец служил на мельнице комиссионером по продаже муки. По окончании гимназии в 1909 г. поступил на химическое отделение Ленинградского технологического института, который окончил с отличием в январе 1916 г. В бытность студентом и первоначально по окончании института работал в качестве рабочего на хлорном заводе при Технологическом институте. В марте 1916 г. поступил инженером в кислотный отдел Шлиссербургского порохового завода. В апреле 1917 г. был назначен начальником кислотного отдела на том же заводе, в каковой должности прослужил до закрытия завода в 1918 г. [15]

Родионов Владимир Михайлович - см. стр. 68-71.

Рутовский Борис Николаевич – в МХТИ заведующий кафедрами химии и технологии эфирных масел и технологии пластических масс. Выпускник ИМТУ (химическое отделение). В 1914 г. продолжил обучение в Высшем техническом училище в Карлсруэ (Германия). Так же как и Наум Дунаевский - невольный свидетель Первой мировой войны. К счастью, в сентябре 1914 г. был репатрирован на родину как невоеннообязанный (инвалид детства)[31].

МХТИ им. Д.И. Менделеева

Сайдаков Михаил Евдокимович –

в 1950-х работал на кафедре военной подготовки МХТИ. С июля по декабрь 1917 г. служил командиром артиллерийского взвода 124-й артиллерийской бригады на Румынском фронте, в декабре 1917 г. служил в штабе армии (г. Белгород Днестровский, Румынский фронт). Прапорщик. В 1918 г. М. Е. Сайдаков участвует в боях против румынских войск командиром сводной артиллерийской батареи. Сведений о наградах нет [20].

Сергеев Петр Гаврилович –

заведующий кафедрой органического синтеза факультета №138 МХТИ (1937-1938).

Родился в 1885 г. в Москве в многодетной семье учителя гимназии. В 1903-1905 гг. сдал зачеты по двум курсам математического факультета Московского университета, но был отчислен за невнесение платы. В 1907 году поступил на химический факультет Московского промышленного училища, но закончил его только в 1920 г. (срочный выпуск). Ученик А.С. Чичибабина, вел под его руководством научно-исследовательскую работу в Университете Шанявского в 1910-1914 гг.

В период Первой мировой и гражданской войн как специалист-химик был им привлечен к техническим и научно-исследовательским работам по производству медикаментов, их полупродуктов и алколоидов. По заданию Московского комитета по производству медикаментов наладил их производство в мастерских МТУ, на заводе «Арс», Московском алколоидном заводе[6].

Сладков Михаил Иванович –

в МХТИ заведующий кафедрой сухой перегонки дерева (1924-1926), заведующий лабораторией пирогенных процессов (1927-1930), организатор кафедры пирогенных процессов.

Родился в 1891 г. в дер. Старово Кашинского уезда Тверской губ. В 1913 г. окончил Московский Университет. Вел научные исследования в Межевом институте (1913-1915). Заведовал лабораторией на Богородском снаряжательном заводе (1916-1918). [6]

(Завод был построен в годы Первой мировой войны – в нынешней Электростали Московской области - для производства боеприпасов. Первая партия заводской продукции была выпущена 28 февраля 1917 г.)

Солдатов Иван Никитович –

ветеран Менделеевского института. Один из первых служителей военно-химической лаборатории МХТИ. По данным семейного архива внучки Ивана Солдатова, сотрудницы университета Аллы Шамис, И.Н. был участником Первой мировой войны, сохранились фото из германского плена. Сведений о наградах нет [32, с.45].

Воспоминания Аллы Шамис: «Грядет 100-летие первой мировой войны. В событиях нашей давней истории принимали участие предки и родственники многих российских семей. Я недавно отметила 100 лет со дня рождения своей мамы Шамис Е.И., которая всю жизнь проработала в Менделеевке на кафедре № 5. Ее отец, мой дед, Солдатов Иван Никитович ушел на фронт 1-й мировой в 1914 году в звании нижнего военного чина и молодого папаша. Кстати, прозвище «папаша» сопровождало его по жизни, так звали Ивана Никитовича друзья и знакомые. Я родилась через полгода после смерти деда и личных его воспоминаний не слышала, но по семейным преданиям было известно, что Иван Солдатов попал в плен, который отбывал в Германии. Вспоминать о событиях империалистической войны долгие годы было не принято, поэтому мама нам с сестрой про военную судьбу деда рассказывала мало. Но из отрывочных воспоминаний мамы о ее отце я запомнила, что жизнь у деда в плену была трудной, пленные использовались на тяжелых работах, за непослушание попадали под арест, где применялись пытки. Однажды его посадили в какой-то колодез, где несколько дней на голову капала вода.

Известно, что после плена он вернулся в Россию, после революции служил в подразделении латышских стрелков, руководимом Яном Берзиным. В то время он вместе с семьей жил на территории Кремля и был задействован в охране Ленина.

Испытания, которые дед перенес в плену, сказались на его здоровье, и с военной службы ему пришлось уйти. С 1922 г. он стал работать в военной лаборатории МХТИ.

Когда я была маленькой, среди моих игрушек одной из любимых была губная гармошка, мама говорила, что ее привез из плена мой дед...»

Смирнов Николай Иванович – зав. кафедрой электротехники – гроза студентов Менделеевки середины 1960-х. В феврале 1917 г. был призван в армию из студентов.

Окончил ускоренный курс артиллерийского училища в Петрограде. Служил командиром батареи на австрийском фронте. Прапорщик [15].

Тихменев Николай Сергеевич (1884-1961) Директор ЕМХТИ (Единого Московского химико-технологического института) в 1930-1933 годы. До недавнего времени Музей РХТУ не располагал даже фотографией Н.С. Тихменева. Год назад ее передало по нашему запросу Посольство Дании в Москве. Человек с уникальной биографией и судьбой.

Родился в 1894 г. Окончил в 1903 г. с золотой медалью 1-ю городскую гимназию в Москве. Выпускник медицинского факультета Московского университета. Доктор медицины (Страсбургский университет). В Первую мировую войну был военным врачом 4-го Несвижского полка.

На политическом поприще – особенно заметные заслуги. Участник заседания Учредительного собрания 5 января 1918 г. Член ВЦИК 3-го и 4-го созывов. Входил в состав делегации РСФСР на мирных переговорах в Брест Литовске (*На наш взгляд, информация спорная - авт.*).

Уполномоченный от РСФСР по подписанию Тартусского договора (с Финляндией, Эстонией) в 1920 г. Дипломат. Ветеран Великой Отечественной войны. (*Тихменевы. www.hrono.ru*)

Сын Сергей Тихменев – выпускник МХТИ 1941 г. сгинул в пучине Великой Отечественной войны под Москвой осенью 1941 г. (по разным данным был в ополчении или мобилизован на строительство укрепрайона, где пропал без вести) [15].

Ткач Василий Дмитриевич – и.о. начальника военной кафедры, полковник, к.т.н., доцент (1946-1955). В 1914 г. окончил Белгородский учительский институт. В 1916 г. Алексеевское военное училище в Москве. С 1916 г. в действующей армии, Северный фронт, подпоручик. Сведений о наградах нет [20,с.108].

Трубников Николай Васильевич – заведующий кафедрой теплотехники и термодинамики МХТИ (1946-1968). Профессор кафедры пластмасс в 1950-е.

Родился в 1892 г. в Иваново-Вознесенске в семье бухгалтера. Окончил химическое отделение Московского технического училище по специальности «Технология топлива» в 1917 г. Научно-исследовательскую деятельность начал с 1915 г. в ИМТУ. Принимал участие в проектировании и строительстве первого уротропинового завода в Москве, здесь же работал до 1917 г. заведующим химической и производственной частью. Завод наладил производство мокрых защитных масок для защиты органов дыхания от хлора и фосгена.

В 1917-1919 участвовал в проектировании и строительстве Третьего химико-фармацевтического завода, на котором в последующем работал заведующим аналитической лабораторией. Наладил производство чистых реактивов – соляной кислоты, двууглекислой соды и др. [6].

Федоров Вячеслав Павлович – заведующий кафедрой пирогенных процессов МХТИ (1933-1938). Родился в 1884 г в Кутаиси. Окончил гимназию в Тбилиси и Высшее техническое училище в 1913 г. С 1911 г. работал на химических заводах, в том числе Бурнаева (Кинешма, Романово-Борисоглебск). С 1918 г. в химическом отделе ВСНХ. Годы Первой мировой попадают на работу в химическом производстве – участник трудового фронта [6].

Цванцигер Борис Владимирович – в МХТИ проработал несколько месяцев на кафедре пирогенных процессов профессором. Известное имя в теплоэнергетическом комплексе страны.

Родился в 1885 г. Окончил Петербургский технологический институт в 1914 г. Уже студентом участвовал в революционном движении (в 1905 г. за подготовку рабочих боевых дружин арестован и помещен в Петропавловскую крепость).

В 1915 г. переехал в Москву и поступил на Арматурный завод, где возглавил, развернутые в связи с войной артиллерийское и другие точные производства [6].

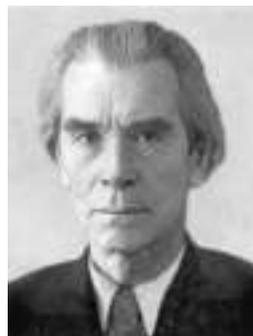
МХТИ им. Д.И. Менделеева

Цюрупа Николай Дмитриевич – заведующий кафедрой электротехники, человек менделеевских легенд. Агент ленинской «Искры» в Причерноморье [33]. В начале 1916 г. выпускник Дармштадского политехникума (Германия) и ИМТУ, добровольно вступил в Инженерно-строительную дружину, организацию полувоенного типа, в задачи, которой входило строительство укреплений на фронте (Юго-Западный фронт на территории Галиции и Румынии)[6].

Шишаков Николай Алексеевич – в Менделеевке служил профессором кафедры №5 (1955-1958 гг.), вел спецкурс и курс «Рентгеновский анализ».

В автобиографии сообщает: «Родился в 1891 г. в г. Александров Владимирской губернии в семье фабричного служащего. В 1899 г. семья переехала в Москву, где начал учиться в средней школе, которую окончил в 1908 г. Поступил служащим в Русско-азиатский банк, затем работал в других учреждениях. В 1915 году поступил на военную службу, был в действующей армии, последним чином был чин ефрейтора. Демобилизован Московским воинским революционным штабом в марте 1918 г. С 1918 по 1922 г. учился в Университете по специальности физикохимия [15].

Шмидт Александр Александрович – один из старейших профессоров ИХТ факультета МХТИ. Заведующий кафедрой технологии порохов (1939-1948).

Родился в 1885 г. в Туккумском уезде Курляндской губернии. Окончил реальное училище в Великих Луках и химическое отделение Петербургского университета в 1913 г. Еще студентом с 1912 г. начал работать в главной химической лаборатории Охтенского порохового завода. В биографии сказано, что в этой лаборатории (с последующими переименованиями) Шмидт проработал до 1941 года, что означает, что в годы Первой мировой войны он трудился на пороховом заводе.

В 1914-1915 гг. провел свою первую научно-исследовательскую работу по исследованию связанной серной кислоты в нитроклетчатке и разработал метод ее определения [6].

Юркевич Николай Семенович – начальник кафедры военной подготовки МХТИ (1944-1946). Смолянин, в 1917 г. был мобилизован. Принимал участие в боевых действиях на Северо-западном фронте. Нижний чин. Сведений о наградах нет [20, с.111].

Юшкевич Николай Федорович – один из основателей Менделеевского института. Профессор и государственный деятель - главный инженер Главхимпрома ВСНХ СССР.

В январе 1915 г. был призван в российскую армию и направлен инженером в ремонтную автомобильную мастерскую фирмы «Бенц» в Петрограде. Осенью того же года откомандирован в химический комитет при Главном артиллерийском управлении, возглавляемый генерал-майором профессором В.Н. Ипатьевым. Сведений о послужном списке нет [34].

Организацией важных для страны производств занимались в период Первой мировой войны и другие будущие профессора Менделеевки. В условиях прекращения поставок многих видов сырья и товаров, экстренно необходимых для поддержания жизни в военной России, они налаживали эти производства из местного сырья и по отечественным технологиям. Так, **И.И. Китайгородский** на Запрудненском стекольном заводе организовал выпуск оконного стекла. **В.Н. Юнг** работал управляющим Черноморским цементным заводом в Туапсе, в 1917 г. под его руководством был пущен Щуровский цементный завод в Московской области. **В.Н. Шульц** занимался работами в области производства фосфатных удобрений. **В.С. Киселев** работал на лакокрасочном заводе Мамонтова техническим директором, а **В.А. Зиновьев** дослужился на этом заводе до директора, производя краски, лаки и сургуч. **П.П. Шорыгин** в течение нескольких лет работал на Михневской бумаго-прядельной и ткацкой фабрике инженером и техническим директором [6].

Где похоронен Олег Романов

Евгения Юлиановна Орлова – аспирантка Августа Горста, защита ее диссертации прошла накануне Великой Отечественной войны в 1941 г. От своего учителя приняла она руководство созданной им кафедры в суровые военные годы. Судя по воспоминаниям о профессоре Горсте, написанным Евгенией Юлиановной в конце жизни (см. стр. 64), доверительные разговоры учителя и ученицы касались не только проблемы порохов. Интерес к патриотической теме защиты Отечества встречаем во многих мемуарных записках профессора Орловой. В ее архивах дочь Наталья обнаружила рукописные заметки о князе Олеге Романове – единственном представителе царской крови России, погибшем на фронтах Первой мировой. Выполняя завещание Евгении Юлиановны, печатаем подготовленный ею материал.

Е.Ю. Орлова родилась 3.03.1914 г. – дитя войны, как М.Х. Карапетьянц, В.В. Кафаров и другие профессора МХТИ.

Лето 1920 г., мне 6 лет, я стою в толпе людей возле открытого гроба. Среди них два священника в рясах. В гробу лежит красивый человек, я знаю его, это Олег Романов, сын великого князя Константина Константиновича. Я знаю это от бабушки, у которой живу с мамой и сестрой. Наш дом стоит как раз напротив церкви, в ограде которой стоит гроб. Бабушка служила в княжеском доме, и у нее на стене висит фотография двух братьев Романовых – Олега и Игоря. Бабушка рассказывала, что братья часто приезжали к этой церкви, которая стоит на высоком берегу реки Рузы как раз напротив дворца, что стоит на противоположном берегу. Из окон дворца хорошо видна церковь из розового кирпича с белым куполом. Константин Романов (К.Р.) вспоминает о ней в своем стихотворении как о «бело-розовом чуде».

Олег приезжал к церкви, катался на двуколке со своей подружкой красавицей Еленой, дочерью местной огородницы. В 1914 г. он ушел на фронт и был убит. Уезжая на фронт, он завещал, если погибнет, чтобы его похоронили в Осташеве, которое он очень любил. Олега привезли в Осташево вместе с его белоснежным конем и временно похоронили на высоком берегу Рузы в парке. Начали строить часовню, куда планировали перенести прах Олега, но не успели в связи с событиями 1917 г.

После революции во дворце сначала поселили военнопленных австрийцев, а затем приехавшие из Москвы семьи рабочих. Приезжие слышали, что в парке находится могила Олега, в которой может быть даже золотое оружие. Могилу разрыли, и когда открыли гроб, где был

сохранившийся труп, как живой человек, испугались и убежали. Утром крестьяне вызвали священников из сёл Осташево и Бражниково, на руках перенесли цинковый гроб (более трёх вёрст в обход речки через мост) из парка к нам в «Заречье», в ограду церкви. Местные крестьяне любили Константина Романова, так как он очень много сделал хорошего в Осташеве: построил больницу, две школы (начальную и второй ступени вместе с интернатом для детей из дальних деревень), кирпичный завод, лесопильню и не притеснял крестьян. Поэтому они дворец не разграбили.

Подруга Олега Елена ухаживала за могилой в парке, а затем в ограде церкви до самой своей смерти в 1929 г. Она всё это время жила в семье братьев, а когда их раскулачили как огородников, она застрелилась из охотничьего ружья, спустив курок ногой.

Отец Олега, Великий князь К.К. Романов, умер в 1915 г., брат Олега Игорь погиб в шахте в Алапаевске вместе с другими членами семьи Романовых.

А заглавие «Где похоронен Олег Романов» я дала потому, что считают, будто бы он покоится в склепе церкви. Так сказали княгине Леониде, приезжавшей в Осташево поклониться праху Олега. Склеп в церкви действительно был, мы, дети Заречья, часто бывали там и прятались, когда играли в казаки-разбойники. В склепе, примерно на глубине 2 м были ниши справа и слева от прохода, в конце которого стоял нагой и распятие. Часть ниш была замурована, в которых покоились бывшие владельцы имения Осташево – Муравьёвы и другие, а часть ниш пустовала, вот туда мы и прятались. Сейчас церковь давно разрушена, склеп завален, а могила Олега в ограде сравнялась с землёй.

К своим заметкам Е.Ю. приложила схему расположения захоронения, по-видимому хотела облегчить работу будущим поисковикам-энтузиастам... Сохранила она и номер еженедельника «Нива» за 1915 г. с очерком *Бориса Лазаревского*:

Князь Олег Константинович

Не так давно пишущий эти строки встретился в одном доме с уважаемым известным профессором И. Профессор рассказал следующее:

В тот день, когда было получено известие, что убит князь Олег, я шел читать лекцию и встретил на улице, двух своих слушателей. Они спросили, правда ли, что погибший в схватке с пруссаками князь Олег любил и изучал Пушкина, окончил курс юридических наук и писал сам. Я сказал, что правда. Придя в университет студенты решили почтить память почившего вставанием, и вся аудитория поднялась, как один человек.

Среди группы людей образованных, понявших и узнавших подробнее

жизнь почившего князя Олега, возникла мысль издать книгу, в которой были бы собраны отрывки из дневников и некоторые произведения Августейшего писателя.

И на самом деле, Олег Константинович никогда не терял желания писать – с десяти лет и до последнего вздоха. Относительно слабое здоровье и литературные занятия не всегда позволяли только что произведенному корнету всецело отдаться полку и военной службе. Он познакомился близко с офицерами уже на походе, после объявления мобилизации. Но и здесь, на войне, он прежде всего берется за последовательное изложение всех движений полка и ведет летопись всего пережитого гусарами на прусской

земле. Как можно ближе старается он подойти к нижним чинам своего эскадрона. По этому поводу создано много рассказов, но для характеристики Олега Константиновича достаточно будет привести только один, вполне достоверный.

Корнет князь Олег Константинович сидит на земле и пишет рядовому солдату письмо на родину. Письмо кончено. Князь встал и подал его солдату. Но солдат все еще чего-то ждет и переминается с ноги на ногу.

— Что тебе еще, – спрашивает князь.

— Да окажите милость, Ваше Высочество, поставьте там, что письмо это писали Вы, осчастливьте стариков...

Князь подумал, снова взял карандаш и добавил: «Настоящее письмо вашего сына написал Олег Константинович».

Прежде всего невольно приходит в голову, что солдат вообще не всегда обратится к офицеру с просьбой написать письмо, хотя бы потому, что есть множество хорошо умеющих писать рядовых. Значит, этот солдат на основании каких-то фактов учуял доброту и доступность высокопоставленного корнета, который зря не станет «подтягивать».

Много говорит этот маленький эпизод и о самом светлом юноше, который в приписке обходит слово «князь» и называет себя просто «Олег Константинович», будто стесняется подавить громким титулом тех, которые будут читать это письмо в неведомой деревне.

Был ли князь Олег на самом деле храбр, не увлекли ли его под пулю в первом боевом деле только аффект и юношеская горячность? На этот

вопрос может быть только один ответ:

— Да, на самом деле был храбр и доказал это не только там на войне, а и гораздо раньше. Среди документов и рукописей почившего мы встречаемся с очень маленькой книжкой, в которую князь Олег еще двенадцатилетним ребенком записывал все, что за день сделал с его точки зрения дурного. Смело, ясно и просто называет он вещи своими именами и не щадит себя. Человек не храбрый на это не способен.

Юноша вообще чувствует острее. Люди не ангелы, а война не забава. И глядеть безучастно или только рассудочно на все то, что переживает Россия, нелегко и взрослому человеку. Забота о собственном благополучии делается противной и стыдной, и хочется подвига, но далеко не все могут совершить не только подвиг, но даже просто оказаться полезными на грандиозном пожаре.

Как видно из дневников почившего, вечная жажда подвига была его характерной чертой, и когда настал час, князь Олег меньше всего думает о себе и совершил этот подвиг в большей степени, чем кто-либо другой, и не потому, что поскакал вперед, и не потому, что был не простой смертный.

Во всей его предыдущей жизни искусство вообще и в частности тяготение к художественной литературе и к изучению Пушкина было тем, что можно назвать «святая святых» человека. Юноше не хотелось быть только дилетантом, и, чтобы приблизиться к своим идеалам, он работает. В три года прошел курс юридического факультета, издал автографы Пушкина, написал несколько повестей и рассказов, много стихов и вел чрезвычайно интересный дневник, глубокомыслие которого может заставить призадуматься даже и скептиков. А ему несомненно хотелось идти дальше и дальше по пути искусства и знать как можно больше, чтобы не остаться на этом свете бесполезным.

В художественном творчестве не важно, сколько написано, а важно – как написано. А у Олега Константиновича написано так, что:

- 1) Не чувствуется никому подражания, т.е. ясно видна индивидуальность автора;
- 2) везде искренность милая и храбрая;
- 3) везде тоска о несовершенствах человеческой жизни и отвращение к той внешней культуре, которая искажает в человеке образ и подобие Божие, и
- 4) везде чудесный стиль.

Эти четыре элемента весьма характерны для того, чтобы не было сомнения, что погиб не только смелый офицер, не только член Императорской фамилии, но погиб и настоящий художник! Художник, принесший в жертву долгу весь данный ему Богом талант, который вне всякого сомнения так или иначе проявился бы и не только в тетрадях дневников.

Первая мировая 1914 - 1918

Князь Олег Константинович, несмотря на свои юношеские годы, часто думал о смерти. Меньше всего, кажется, это было перед войной и даже на войне, а больше всего в деревне, под синим куполом неба, когда не грозила никакая опасность.

За эти думы хочется ему, милому, руку пожать, хочется взять его портрет и глядеть, глядеть в лицо юноши, так рано себе уяснившего, когда человеческое счастье приходит, и когда и почему оно уходит.

Подъезжая на лошадях к своему любимому Осташову, Олег Константинович вдруг ясно представил себе время, когда здесь, среди зеленых лесов и зеленых полей, вырастут черные трубы фабрики, когда нахальная «культура» завоюет, своими гудками призывая людей подышать пропитанным серой дымом... когда застучат топоры по стволам деревьев как стучат они в Чеховском «Вишневом саду».

Длинным, красивым пером рисует князь Олег эту ненавистную его сердцу картину и неожиданно заканчивает ее словами:

«Дай Бог умереть к этому времени»...

Только у искреннего поэта может вырваться такая фраза.

Оборвалась еще одна поэтическая, насыщенная правдой мысль, и сиротами остались его рукописи и объемистые дневники в белых кожаных переплетах.

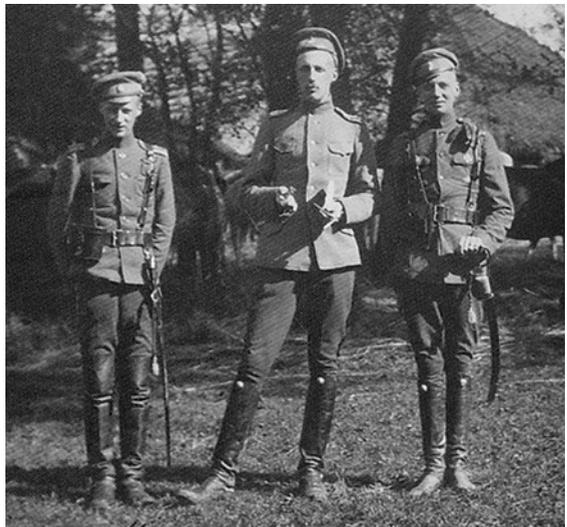
В вышедшей в 2003 году в издательстве «Олма-Пресс» книге «Монархи России» сообщается:

Олег Константинович Романов (15/27.11.1892, СПб – 29/12.10.1914 г., Вильно, похоронен в подмосковном имении отца, Великого князя Константина Константиновича, — Осташево). Окончил Полоцкий кадетский корпус (1910 г.), выпускник Императорского Александровского лицея (1913 г., серебряная медаль), служил в лейб-гвардии Гусарском полку.

Олег Константинович был первым в династии Романовых, кто с разрешения государя учился в гражданском учебном заведении — Александровском (ранее Царскосельском) Лицее, в числе первых выпускников которого был столь почитаемый князем Олегом Пушкин. Он закончил Лицей с серебряной медалью, а за выпускное сочинение «Феофан Прокопович как юрист» получил Пушкинскую премию, дававшуюся не только за научные, но и за литературные достоинства произведения. Князь Олег был удивительно разносторонней личностью: серьёзно занимался музыкой, живописью, играл в домашних спектаклях и писал стихи. Он мечтал о литературной деятельности, пробовал свои силы и в прозе, а также оставил след в литературоведении. По его инициативе началось издание всех рукописей Пушкина, хранившихся в Румянцевском музее и музее самого лицея. Первый выпуск «Рукописей Пушкина» увидел свет в 1912 году.

В праздничный день совершеннолетия этот талантливый юноша представлял свою письменную работу в лицее и делал это так же радостно, как и наслаждался произведениями живописи или пением Шаляпина в «Севильском цирюльнике». Об этом говорит небольшой отрывок из его письма отцу: «День моего совершеннолетия был одним из самых радостных дней всей моей жизни: твои и мама подарки, чудный молебен, завтрак со всеми старыми и наличными служащими Мраморного и Павловска, икона, которой благословил меня митрополит Флавиан (Киевский), икона от служащих, икона от прислуги, картина Шишкина, которую мне подарили братья, удавшийся вечером реферат, представление «Севильского цирюльника» и, наконец, телеграмма от Государя — всё это меня так радовало и трогало, что и сказать трудно».

Олег поступил на службу в гвардейский Гусарский полк (на фото крайний справа). Когда началась Первая мировая война, как и все взрослые сыновья К. Р., ушёл на фронт. Он очень гордился, что может выполнить свой патриотический долг. Храбро сражался в Восточной Пруссии. А 27 сентября был ранен при лихой атаке на неприятельский разъезд. Вот как вспоминал об этом генерал Н. Н. Ермолинский: «27 сентября после полудня 2-я Гвардейская кавалерийская дивизия, имея в авангарде два эскадрона Гусарского полка, наступала в направлении Владиславова. Проходя недалеко от деревни Пильвишки, боковая застава заметила неприятельский разъезд и начала его обстреливать. Немцы шарахнулись в сторону и наскочили на четвёртый эскадрон Гусарского полка, шедший в голове колонны главных сил. Тотчас же был открыт огонь. Разъезд повернул опять, но встретил заставу Его Величества эскадрона под командой корнета Безобразова. Как раз в этот момент князь Олег, давно стремившийся в дело, стал проситься у эскадронного командира, графа Игнатьева, чтобы ему позволили с его взводом захватить зарвавшихся немцев. Эскадронный командир долго не соглашался его отпустить, но наконец уступил. Всё остальное произошло очень быстро. Преследуя отступающий неприятельский разъезд, князь Олег вынесся далеко вперёд на

Первая мировая 1914 - 1918

своей кровной кобыле Диане. Вот они настигают отстреливающегося противника... Пятеро немцев валяются, прочие сдаются; но в это время в князя Олега целится с земли раненый всадник... Выстрел, и князь Олег валится с лошади... Первыми подскакали к раненому князю вольноопределяющийся граф Бобринский и унтер-офицеры Василевский и Потопов. Первые два принялись перевязывать рану... На вопрос, не больно ли ему, князь Олег ответил отрицательно... Увидав прискакавших братьев, раненый обратился к князю Гавриилу Константиновичу со словами: «Перекрести меня!»

Князя повезли в Вильно. Профессор В. А. Оппель рассказывал: «Олег Константинович бодрился, улыбался, временами говорил, временами закрывал глаза и погружался в полусон, но тем не менее его постоянно беспокоили ноги...» Врачи сделали операцию, но уже началось заражение крови. Генерал-майор В. А. Адамович: «Его Высочество встретил меня... приветливо, даже весело, улыбнулся, протянул руку и жестом предложил сесть... Войдя, я поздравил князя с пролитием крови за Родину. Его Высочество перекрестился и сказал спокойно: «Я так счастлив, так счастлив! Это нужно было. Это поддержит дух. В войсках произведёт хорошее впечатление, когда узнают, что пролита кровь Царского Дома». Его Высочество сказал мне, что вчера причастился. «Но вы скажите дома, что мне никто не предлагал. Это было моё личное желание. Я причастился, чтобы мне было легче»... Его Высочество был оживлён и сиял в счастливом для него сознании своих страданий. Мгновениями же были видны подавляемые им мучения».

Император наградил Олега орденом Святого Георгия 4-й степени. Но 29 сентября положение князя резко ухудшилось. «Всё утро он не находил себе места, теперь же на вопрос о самочувствии, отвечал неизменно: «Чувствую себя ве-ли-ко-леп-но». При этом язык его не слушался, и он с трудом выговаривал слова» (Н. Н. Ермолинский). Приехали родители. «На минуту он узнал их. Великий князь привёз умирающему сыну Георгиевский крест его деда. — Крестик Анпапа! — прошептал князь Олег. Он потянулся и поцеловал белую эмаль. Крест прикололи к его рубашке. Вскоре больной стал задыхаться... Началось страшное ожидание смерти: шёпот священника, последние резкие вздохи... Великий князь, стоя на коленях у изголовья, закрывал сыну глаза; Великая княгиня грела холодевшие руки. Мы с князем Игорем Константиновичем стояли на коленях в ногах. В 8 часов 20 минут окончилась молодая жизнь... Светлое, детски чистое лицо князя было отлично освещено верхней лампой. Он лежал спокойный, ясный, просветлённый, будто спал. Белая эмаль, к которой он прикоснулся холодеющими губами, ярко выделялась на груди» (Н. Н. Ермолинский). Похоронили Олега Константиновича в его любимом подмосковном отцовском имении Осташево.

Химическая война: события и люди

Атака на Восточном фронте

К 1915 году ситуация на Восточном (для Германии и её союзников) фронте складывалась как затяжная позиционная война, названная «окопной». Фронт состоял из сплошной линии окопов, ходов сообщения, землянок и рвов. Каждая фронтальная атака на позиции противника заканчивалась сотнями трупов со стороны наступающих.

Немецкое командование, понимая бесперспективность лобовых атак, всё больше склонялось к мысли об использовании на этом участке фронта боевых отравляющих веществ. Осенью 1914 г. профессор Фриц Габер (германский национал-патриот по духу и воспитанию) подал в Германский генеральный штаб предложение о необходимости разработки боевых отравляющих веществ (БОВ) на основе хлора. Габер с пеной у рта доказывал, что хлор – это новое оружие, способное пробить даже глубоко эшелонированную оборону (*на фото*). Газовая атака должна была выглядеть следующим образом: перед немецкими позициями выставлялись стальные бутылки (баллоны) с хлором, которые открывались порывом ветра, относил к вражеским позициям. Такая атака не только уничтожала бы живую силу противника, но и имела сильнейшее психологическое значение. Зловещий сериал преступлений против человечества был открыт – впереди газовые камеры 1940-х...

22 апреля 1915 г. под Ипром немцы впервые провели газовую атаку против войск Антанты на фронте в 6 км с расходом 180 тонн хлора в течение 5 минут. Ее действие было опустошающим. Потери французов, англичан и бельгийцев были страшными и составили до 12 тыс. человек.

Вскоре 36-й «газовый» саперный полк немецкой армии был переброшен с Западного фронта на восток, под Болимов (Польша, округ Скерневице). В тактическом отношении так называемый Болимовский сектор, в котором была произведена атака, представлял выгоды для атакующих (т.е. для немцев), выводя на кратчайшие шоссейные пути к Варшаве и не

Первая мировая 1914 - 1918

требуя форсирования реки Равки, так как немецкие войска еще в январе 1915 г. укрепились на ее восточном берегу. Выгода технического характера заключалась в почти полном отсутствии лесов в расположении русских войск, что и позволило сделать газ достаточно «дальнобойным». Однако, оценивая указанные преимущества немцев, русские войска имели здесь довольно плотную оборону.

В период 17-21 мая 1915 г. прусские саперы установили в передовых окопах на протяжении 12 км газовые батареи, – всего 12 тыс. газобаллонов. На участок протяжением в 240 м таких батарей приходилось до десяти (высота баллона 1 м, диаметр 15 см). В течение десяти суток немцы выжидали благоприятных метеорологических условий. За это время среди солдат велась пропаганда, что огонь русских будет полностью парализован газами, что газ не смертелен, а лишь вызывает временную потерю сознания. Однако, по словам одного из перебежчиков, пропаганда среди солдат, не веривших этому и даже отрицательно относившихся к самому факту применения газов, успеха не имела.

Как это часто бывало в русской истории, показания перебежчиков о подготовке химической атаки остались без внимания и не были доведены до войск, а наблюдения за окопами германцев ничего существенного обнаружить не могли. 31 мая в 3 ч. 20 мин. после короткого обстрела из 105-мм орудий участка 55-й пехотной дивизии немцы выпустили хлор, открыв одновременно ураганный пулеметный и ружейный огонь по передовым русским окопам и сильный артиллерийский огонь по участку 14-й Сибирской стрелковой дивизии. Полная неожиданность и неподготовленность русских войск привели к тому, что солдаты проявили больше удивления и любопытства к появлению облака газа, нежели тревоги. Приняв облако газа за маскировку атаки, русские войска усилили передовые окопы. Вскоре первая линия траншей, представлявшая здесь лабиринт сплошных линий, оказалась заполнена трупами и умирающими. К 4 ч. 30 мин. хлор образовал в низинах газовые болота.

Около 4 ч. немцы при поддержке артиллерийского химического огня перешли в наступление и вскоре атаковали частями 5-й резервной дивизии на фронте: Закржев, Суха, 55-й Сибирский стрелковый полк, и частями 49-й резервной дивизии, 236-й резервный пехотный полк, - на Волю-Шидловскую. Несмотря на вывод из строя 75% состава людей в первой оборонительной полосе, атака германцев к 5 ч. была отбита сильным и метким ружейно-пулеметным огнем оставшихся в строю бойцов 55-го и 53-го Сибирских и 217-го пехотных полков. Одновременно с ружейным и пулеметным огнем был открыт артиллерийский огонь, как по атакующим немецким частям, так и по их батареям.

Около 6 ч. германцы вновь стали накапливаться у устья реки Гниды

и частью перебросились на северный берег реки. И эта атака была отбита русскими войсками. К исходу дня в Гузов прибыл 10-й Сибирский стрелковый полк (из армейского резерва), выдвинув один батальон к Воле-Шидловской, Потери, понесенные русскими войсками в результате газовой атаки немцев 31 мая, исчисляются приблизительно в 9 тыс. человек

Несмотря на то, что со времени первой германской газобаллонной атаки у Ипра прошло более месяца, царские войска в Польше не только оказались неподготовленными, но даже не имели представления о возможности химическом нападении. Справедливости ради стоит сказать, что офицеры VI Сибирского корпуса и 55-й пехотной дивизии (кое-кто из них слышал рассказы о газовой атаке под Ипром) заказали противогазы в Москве, но по иронии судьбы они были доставлены в дивизию 31 мая вечером, уже после атаки.

В ночь с 6 на 7 июля 1915 г. немцы предприняли очередную газовую атаку на участке Суха-Воля-Шидловская против частей 6-й Сибирской стрелковой дивизии и 55-й пехотной дивизии. Н этот раз она не была столь неожиданной, как 31 мая. Однако, к сожалению, химическая дисциплина российских частей была еще очень низка, и после прохода газовой волны русские войска оставили первую линию обороны на двух полковых участках.

Точных сведений о потерях, понесенных русскими войсками во время этого нападения, не имеется. Однако известно, что 218-й пехотный полк во время отхода потерял одного командира и 2607 стрелков, бросив 6 станковых пулеметов. В 21-м Сибирском стрелковом полку боееспособной после отхода осталась только полурота, 97% состава полка выведено из строя; 220-й пехотный полк, производивший контратаку на местности, богатой «газовыми болотами», потерял шесть командиров и 1346 стрелков. Батальон 22-го Сибирского стрелкового полка при контратаке пересек газовую волну, после чего потерял 25% состава. Кстати, во время этой газовой атаки пострадали и сами немцы. Наступая вслед за газовым облаком, они заняли первую линию русских окопов, но вскоре ветер изменился, и газ начал травить уже солдат в «пикельхаубах». Около 1200 немцев получили отравление.

Несмотря на значительные потери, русские войска не отступили и продолжали держать позиции на Висле. Паники, на которую так рассчитывали немцы, не было. Но ввиду неудач на других фронтах, 19 июля 1915 г. было принято решение об отступлении наших частей с этих позиций. Сильно потрепанная и израненная русская императорская армия уходила непобежденной. Они, солдаты из Москв, Питера, Пскова и Тамбова, Урала и Сибири, до конца выполнили свой долг перед отечеством [35].

Первая мировая 1914 - 1918

В июне 2011 г. в современной Польше была реализована крупнейшая в Европе реконструкция боев Первой мировой войны – «Битва за Болимов». По мнению очевидцев [35, С.49] своеобразными «изюминками» мероприятия стали реконструкции газовой атаки кайзеровских войск, а также бомбежка немецких позиций с русского аэроплана, который практически на бреющем полете сбрасывал имитаторы бомб на «прусаков» и австро-венгров. Можно по-разному относиться к такой реконструкции, но важна память о наших предках, на чью долю выпала трагическая участь в безумной кровавой бойне XX века.

«Ипр, 22 апреля 1915 г.». Картина канадского художника Arthur Nantel. Скорее всего, художником изображены позиции канадской дивизии генерала Альдерсона, расположенные вдоль дороги на С.-Жульен

Очевидцы атаки под Ипром

Германский студент:

«Метеорологи предсказали на сегодня благоприятную погоду, главное командование назначило атаку. В четыре часа дня я у своей батареи. Она состоит из двадцати баллонов. Вся пехота уходит из траншеи, на ее место становится химическая команда. Волнуясь и повторяя про себя инструкцию, я приказываю: снять колпаки, прикрывающие вентили баллонов, и привинтить на их место длинные шланги. Изогнутыми змеями

перекинулись они через бруствер, глядят на французские позиции. Дует северный ветер. Только бы он не переменился или не утих внезапно. Тогда все наше предприятие превратится в массовое самоубийство...

Пять часов. Взвилась сигнальная ракета. Из двух шлангов разом, со свистом и шипением выползают мутные струи и, соединяясь, сливаются в одну волну, одно облако. Что несет это облако? Поможет ли оно окончить войну одним ударом, или все это страшное дело окажется бесплодным? Терпение! Через несколько часов я все это узнаю...»

На этом запись прерывается. Студент-химик так и не узнал, чем закончилась первая газовая атака. Он был убит случайной пулей в тот же день.

Канадский офицер:

История позволяет заглянуть в дневник офицера канадского полка Даусона, который находился в этот день на другой стороне фронта, в окопах английских войск.

«Мы вышли на свежий воздух, чтобы хоть на несколько минут избавиться от духоты окопов, – пишет Даусон. – Дул слабый северный ветер. Уже довольно скоро с той стороны, где залегали французские окопы, послышался звук частой стрельбы. Шел горячий бой. Один из моих товарищей взял полевой бинокль и стал исследовать местность, надеясь уловить что-нибудь новое в ходе сражения. Вдруг он оторвал глаза от бинокля.

- Французов прорвали! – крикнул он. Тогда мы вскочили и тоже схватили бинокли. И я увидел зрелище до того ужасное, что сердце у меня остановилось. Тысячи маленьких человеческих фигурок бежали по полю; а за ними текло, ползло, преследуя их, огромное зеленовато-серое облако. Облако выходило, точно из-под земли, оттуда, где между Лангемарком и Биксмутом пролегли германские траншеи. Оно плыло по ветру, расстилаясь, заполняя каждую ямку, каждую выбоину, зато-

Первая мировая 1914 - 1918

пляя, как вода во время потопа, воронки и траншеи. Чем больше разрасталось облако, тем желтее оно становилось. Человеческие фигурки бежали так быстро, как могли, но облако их нагоняло. Люди падали; они пытались подняться, другие зарывались носом и ртом в землю, чтобы не дышать отравленным воздухом. Ничего не помогало. И люди бились о камни, цеплялись руками за траву, точно захлебываясь, – утопленники на сухой земле.

Несколько человек успели вырваться вперед. Они добежали до нас. Это были тюркосы из французского колониального полка, недавно привезенные из Африки. Они остановились подле нас, страшно кашляя, с темно-багровыми лицами и – слепые. Они успели только рассказать нам, что там, где проходит облако, все гибнет, ничего не остается. Даже бабочки падают на землю мертвыми, трава и листья желтеют, точно в несколько минут настала зима».

Таковы показания о первой газовой атаке хлором, произведенной германскими войсками 22 апреля 1915 года под Ипром, на стыке английской и французской армий. Других показаний об этой атаке нет.

«Подробности первой газовой атаки почти отсутствуют, – пишет исследователь мировой войны, – по той простой причине, что люди, которые могли бы о ней рассказать, лежат все на полях Фландрии, где теперь цветут маки...» [36]

Военная химия в России

В ответ на применение немцами отравляющих веществ Военное министерство России (как и соответствующие органы других стран) поставило вопрос о создании своего, отечественного производства химического оружия. Для этого в конце 1915 г. была организована Комиссия по изысканию и заготовлению удушающих и зажигательных средств при ГАУ. В ее задачу входила научная и производственная разработка отечественного химического оружия и зажигательных средств борьбы [37].

С этого времени можно вести отсчет создания нового рода российских войск – химических, для обеспечения которых потребовалось развитие целых сфер науки и промышленности. В.Н. Ипатьев писал: «Новый способ ведения химической войны требует развития особой химической промышленности. Химическая война – новая научная дисциплина, и, несомненно, изменение, которое она вносит в способ ведения будущих войн, может быть сравнено только с введением черного пороха. Если народ хочет отстоять своё самостоятельное существование, то он должен... озаботиться о введении в своей армии нового рода оружия – химического».

Химический комитет предпринял первые шаги и к организации химической обороны. На заводах, находившихся в его подчинении, было организовано производство хлора, фосгена, хлорпикрина и других ОВ как для газобаллонных атак, так и для снаряжения боеприпасов. Было налажено производство средств защиты: мокрого и сухого противогазов, а также противогаза Зелинского–Куманта, использование которого спасло жизни тысячам солдат. Организованные в войсках специальные батальоны, в задачи которых входило применение, в случае химических атак противника, аналогичного оружия и обучение войск пользованию средствами защиты, стали первыми в русской армии подразделениями химических войск.

О русских и мемуарах Ллойд-Джорджа

Читателям «Химии и жизни» в 1982 году была представлена статья профессора Александра Александровича Любищева (1890-1972) – биолога-энциклопедиста (на фото). В предисловии было сказано, что начиналась научная деятельность А.А. Любищева не с биологии, а с химии, причем военной химии. Об этом свидетельствует его статья, написанная в январе 1969 г. Эта статья

Первая мировая 1914 - 1918

добавляет новые краски к портретам известных наших химиков – академиков В.Н. Ипатьева и Н.Д. Зелинского, а также и самого А.А. Любищева. Упоминаемые в статье «Военные мемуары» Д. Ллойд-Джорджа (премьер-министра Великобритании в 1916-1922 гг.) вышли на русском языке в шести книгах в 1934-1937 гг.

После окончания Петербургского университета, с осени 1915 г. до весны 1918 г., я работал сначала в комиссии по заготовке взрывчатых веществ, а затем в Химическом комитете при Главном артиллерийском управлении под началом крупного ученого-химика Владимира Николаевича Ипатьева (академик, генерал-лейтенант), о котором я сохранил самую светлую память. Я имел постоянное общение с квалифицированными специалистами, присутствовал на заседаниях Химического комитета, мне приходилось составлять разные бумаги в высшие инстанции и при этом познакомиться с большим числом материалов, не исключая и секретных.

И вот недавно, читая выпущенные в 1934 г. мемуары Ллойд-Джорджа, который был премьер-министром Англии во время первой мировой войны, я имел возможность сопоставить то, что пишет о России Ллойд-Джордж, с реальными данными. <...>

К России и русским Ллойд-Джордж относился с сочувствием и уважением. Он очень высоко оценивал боевые качества русского солдата:

«На восточном фронте германцам и австрийцам противостоял враг, который мог выставить миллионы храбрецов, известных своим бесстрашием и военным искусством, нуждавшийся только в соответствующем вооружении, чтобы его число и доблесть могли сломить всякое сопротивление». «По храбрости и выносливости, - пишет Ллойд-Джордж, - русский солдат не имел себе равного среди союзников и врагов.» <...>

Но когда он начинает говорить о русских химиках, то тут получается такая развесистая клюква, что диву даешься.

«...Русские химики – люди исключительных знаний, способностей и силы воображения. В начале 1915 г. русское интендантское управление (надо было сказать Главное артиллерийское управление, ГАУ.- А.Л.) встретилось с такими же затруднениями, которые пришлось преодолеть и нам. Недоставало взрывчатых веществ, которые до сих пор употреблялись для снарядов и патронов, и было необходимо немедленно найти новый вид взрывчатых веществ. Дело было передано химикам. Через несколько недель, после того как ученые химики не пришли, по-видимому, ни к какому практическому результату, в лаборатории был послан запрос, чтобы установить, насколько удалось приблизиться к разрешению проблемы. Оказалось, что химики забыли о срочной задаче, которая им специально была поручена. В своих экспериментах они натолкнулись на

новое химическое открытие, которое было для них гораздо более важно, чем взрывчатые вещества для снарядов, и они продолжали работать над ним с интересом и энтузиазмом, заставившим их забыть, что их родина была вовлечена в борьбу с внешним врагом не на жизнь, а на смерть и что к ним обратились за помощью в попытке предупредить грозившую катастрофу».

Прямо-таки какая-то арабская сказка! Ведь если бы дело обстояло именно так, то правительство имело бы полное основание привлечь всех химиков по обвинению в явном вредительстве. И как это все химики могли забыть о правительственном поручении? На самом деле все обстояло совершенно иначе.

Прежде всего замечу, что артиллеристы строго различают пороха, служащие для выталкивания пули или снаряда из орудия и обладающие относительно медленным горением, и взрывчатые вещества, которыми начинают снаряды и мины и которые характеризуются почти мгновенным взрывом, отчего ими нельзя пользоваться как порохами (дуло орудия будет взорвано).

Хорошие взрывчатые вещества должны быть наиболее безопасны в обращении и взрываться не от удара, а главным образом от детонаторов, которыми являются в ружьях гремучая ртуть, а в снарядах главным образом тетрил. Для бездымного пороха основным материалом является клетчатка (хлопок, лигнин и проч.), в которой дефицита не было, и я не слыхал, чтобы проявлялась особая забота об увеличении производства бездымного пороха.

Что касается же взрывчатых веществ, то запаса их хватило только на осеннюю кампанию 1914 г., и встал вопрос об их производстве. Химики вовсе не были так беспечны, как пишет Ллойд-Джордж. Подавляющее большинство их были убежденными оборонцами, и вскоре после начала войны при научном Физико-химическом обществе образовался специ-

альный Военно-химический комитет, члены которого принимали активное участие и в комиссии по заготовке взрывчатых веществ, и позднее в образовавшемся на ее базе Химическом комитете, который ведал кроме взрывчатых веществ расширением производства серной кислоты, удушающими средствами, противогАЗами и огнеметами. Были, конечно, и собственно химические задачи, но перед Химическим комитетом главная задача была организационная - организовать на частных заводах производство взрывчатых веществ и исходных продуктов. И эта задача под руководством академика генерал-лейтенанта Владимира Николаевича

Первая мировая 1914 - 1918

Ипатьева была разрешена исключительно блестяще (*фото на стр. 117*).

Ипатьев совмещал в себе качества крупного ученого, блестящего организатора, совершенно чуждого бюрократизму и работавшего прежде всего на основе выдвижения молодежи, что крайне шокировало генералов из ГАУ. Например, на должностях артиллерийских приемщиков на заводах (где полагался если не генерал, то по крайней мере полковник) у него состояли прапорщики и подпоручики, был, помню, один штабс-капитан (Баринов) и один капитан (Аккерман). Согласно этому же принципу и я попал на должность начальника канцелярии, должность пятого класса, т. е. полковничья. <...>

В царской России уже до войны тротил был признан основным взрывчатым веществом, и расширение его производства было связано с расширением производства основного материала - толуола, добываемого при перегонке каменного угля при производстве кокса. Но коксовая промышленность царской России не использовала продукты перегонки угля, а выпускала их в воздух. Из книги Ллойд-Джорджа ясно, что и в Англии большинство продуктов перегонки не использовалось, иначе у нее не было бы недостатка в толуоле, так как коксовальных печей в Англии достаточно. Мало того, в царской России уже поняли, что необходимо иметь отечественный толуол для производства тротила (а не ввозить его из Германии, так как в случае войны можно оказаться без сырья). Поэтому заводы взрывчатых веществ (было несколько казенных, были и частные) обязали использовать толуол отечественного производства. Но тут царские чиновники не доглядели. Был один завод, кажется, в Ревеле. Он покупал сырой бензол (содержащий бензол, толуол, ксилол и другие вещества), разгонял его и потом продавал толуол «отечественного производства», так как Ревель был в России.

Вопрос о необходимости добычи толуола из сырого бензола был поднят уже в 1914 г. Война же началась 1 августа 1914 г., и в августе же в Донбасс была послана комиссия Сапожникова (химик, написавший в то время вместе с Ипатьевым учебник химии, полковник или генерал-майор, не помню) для выяснения вопроса, в какой срок можно организовать путем перестройки коксовальных печей Донбасса рекуперацию отходящих газов. Комиссия пришла к неутешительному выводу, что это можно сделать примерно в 2-3 года - такой срок, конечно, никого не устраивал.

Этим не удовлетворились, и Военное министерство (министром был Сухомлинов, которого наши ультрапатриоты потом обвиняли в измене, он был предан суду после февральской революции) послало вторую комиссию, на этот раз В.Н. Ипатьева.

Ипатьев решительно отверг выводы Сапожникова и показал, что можно получить сырой бензол через 8-9 месяцев. Ипатьеву и поручили руководство комиссией по заготовке взрывчатых веществ, и он выпол-

нил свое обещание: осенью 1915 г. у нас уже был сырой бензол, а следовательно, и толуол, и тротил.

Так как ждать осени 1915 г. было невозможно, то Военное ведомство сделало большие заказы нашим союзникам и в США. Однако и в Англии, и во Франции в достаточном количестве тротила не было, к лету 1915 г.

положение со взрывчатыми веществами было для русской армии критическое. Расход снарядов во всех странах был гораздо выше намеченного, и Германия за лето и осень 1914 г. расстреляла свои запасы снарядов, но так как ее химическая промышленность была на высоте, то за зиму 1914-1915 гг. она сумела вновь накопить огромный запас снарядов, чего ее противники сделать не сумели. Все же Россия, в значительной степени благодаря организаторскому таланту В.Н. Ипатьева, к концу войны была снабжена всевозможными взрывчатыми веществами, так что их хватило и на гражданскую войну, во время которой производство снарядов очень пало.

В России лилит основным взрывчатым веществом никогда не был, и еще до войны перешли к тротилу. В Англии же, читаем мы у Ллойд-Джорджа (с. 391), «принятие ТНТ в качестве основного сильно взрывчатого вещества произошло за два или три месяца перед тем, как началась война, и я сомневаюсь, было ли к началу войны обеспечено производство 20 т ТНТ в неделю во всей Великобритании». Ллойд-Джордж не указывает прямо, чем вызвана такая решительная замена привычного для англичан лилита на тротил, но на с. 426 он упоминает: «Потеря 36 орудий в месяц вследствие преждевременных взрывов побивает рекорд взрывов в какой бы то ни было другой артиллерии в этой войне» - по-видимому, это были взрывы старых снарядов с пикратом железа, но ни намека на это в книге нет.

О противогазах: на той же странице, где Ллойд-Джордж изложил сказку о русских химиках, разобранную выше, он пишет и другую сказку о противогазах.

«Вот еще одна иллюстрация тех же практических недостатков русского темперамента. Когда немцы применили в России первую газовую атаку, были вначале использованы такие же примитивные предохранительные средства, что и у нас, которые были изобретены тут же на месте. Когда этих средств оказалось недостаточно, обратились за по-

мощью к англичанам и французам. Нас просили немедленно доставить партию противогазов, которые были изобретены для защиты союзных войск на Западе. Мы немедленно послали в Петроград сотни тысяч масок последнего образца. Перед тем как отправить их на фронт, они были представлены предварительно русскому химику, который не колеблясь пришел к заключению, что противогазы далеко не во всех отношениях хороши. Поэтому партию задержали в Петрограде, пока русские профессора были заняты изобретением лучших масок. Превосходный противогаз так и не был изобретен. Английские маски были в конце концов отосланы по назначению, но за это время много тысяч храбрых солдат задохлось от газа».

Такова сказка. Если бы она хоть в какой-то степени соответствовала действительности, то русских химиков, причастных к этому делу, надо бы отдать под суд по обвинению в преступной халатности, но здесь, как и в деле взрывчатых веществ, русские химики, прежде всего академик Зелинский, оказались на высоте.

Так как применение удушающих средств (в первую очередь хлора) было совершенно неожиданным, то сначала изготовляли кустарно маски из марли, пропитанной гипосульфитом (помню даже, предлагалось тыловым дамам шить такие маски, и это делалось некоторое время). Однако такие маски не были универсальными, а немцы применяли много отравляющих веществ: хлорпикрин, потом иприт и проч. Я не видел масок английского и французского производства, но хорошо знаю, что в России скоро были изобретены и широко применялись противогазы Куманта - Зелинского, позднее прибавилась еще фамилия князя Авалова.

Вклад Куманта был невелик: он просто предложил резиновую маску, к которой прикреплялся сам противогаз. Зелинский же внес оригиналь-

ную идею: использовать активированный березовый уголь, который поглощал все посторонние примеси. Это оказалось очень удачным, но первоначально противогаз Куманта-Зелинского не имел клапанов, и потому дыхание в нем было очень затруднено. Авалов изобрел клапан для выдыхания, только вдыхание шло через противогаз, и работать в противогазе стало значительно легче.

Насколько мне известно по разговорам в Химическом комитете со специалистами, противогаз Зелинского был лучше даже немецкого и как будто даже немцы перешли на эту систему. К концу 1916 или самому началу 1917 г. было произведено на двух больших заводах десять миллионов противогазов. Хорошо помню заседание Химического комитета, где Ипатьев поднял вопрос о вознаграждении Зелинского. Дело в том, что Кумант запатентовал свое в сущности незначительное изобретение и получил по 40 копеек за каждый противогаз, что при десяти миллионах составило четыре миллиона рублей. А Зелинский в порыве патриотизма предоставил свое изобретение военному ведомству, не торгуясь.

На заселении Химического комитета Ипатьев сказал примерно так: «Сейчас окончательно выяснились превосходные качества противогазов, спасшие жизнь множеству русских солдат. Зелинский заслуживает вознаграждения. Хотя его заслуги выше заслуг Куманта, не обязательно, чтобы он получил такую крупную сумму, но все же он должен быть вознагражден как следует за свой патриотический дар. Я считаю, что надо ходатайствовать перед правительством о вознаграждении его суммой в миллион рублей».

Как это ни странно, но некоторые профессора, члены Химического комитета стали протестовать: «Не много ли? Ведь, скажем, Нобелевская премия, которая дается за крупные научные заслуги, – всего двести тысяч франков (около 75 тыс. рублей)». Ипатьев ответил: в Нобелевской премии то, что не доплачивается рублем, доплачивается почетом. И провел через Химический комитет свое постановление.

Вскоре произошла февральская революция, ходатайство комитета не успели рассмотреть.<...>

Профессор Н. Д. Зелинский

Говоря о начале химической войны, нельзя обойти вниманием имя академика Николая Дмитриевича Зелинского, к тому же в биографиях многих менделеевцев упоминаются эпизоды, когда он сыграл решающую роль в их судьбе – отправил на стажировку за границу, оказал протекцию с устройством на работу, руководил научными изысканиями и проч. Имя Николая Дмитриевича Зелинского носит институт органической химии РАН, где успешно работают несколько поколений выпускников МХТИ-РХТУ.

Первая мировая 1914 - 1918

находится единственный в мире Дом-музей академика Зелинского. Он был образован в 1987 году, в доме, где в детстве жил ученый. Сегодня музей состоит из 4-х залов, воспроизводящих обстановку дома дворянской семьи XIX века, в нем хранятся более двухсот уникальных экспонатов. Здесь можно узнать об учебе, научной деятельности и жизни академика в Одессе, Петербурге, Москве, Германии. В музее имеется его визитка (так назывался парадный костюм в то время), галстук-бабочка, целлулоидные воротнички, трость, тубетейка, носовой платок, хрустальная чернильница и другие вещи ученого. Очень интересный экспонат – подлинные письма Зелинскому от Менделеева. И, конечно же, среди экспонатов музея – тот самый угольный противогаз Зелинского-Куманта, глядя на который нельзя не вспомнить историю одного из величайших изобретений XX века.

Зелинский, как известно, не только придумал принцип противогаза. Он же, по стечению обстоятельств, еще студентом открыл тот самый горчичный газ - иприт, и первый же им отравился. Тогда молодому ученому пришлось не сладко, он получил множество ожогов и целый семестр пролежал в больнице. Когда этот газ стали применять в военных целях, Николай Дмитриевич счел своим долгом найти способ защиты от него. Примечательно, что принцип противогаза Зелинского был принят не сразу. Ему пришлось целый год доказывать действенность своего метода.

Николай Дмитриевич не только совершил множество открытий в самых разных областях науки, но и был продвинутым человеком. Он создал кафедру химии на женских курсах, утверждая, что девушки способны преуспеть в естественных науках не хуже мужчин. Зелинский открыто встал на сторону своих студентов во время первых революционных волнений, за что на год лишился работы в лаборатории. Он был инициатором создания Института органической химии в Москве, ныне носящего имя академика.

Николай Дмитриевич любил живопись, музыку, посещал концерты. Сам был лично знаком со многими деятелями искусств, часто принимал

их у себя на даче. Ученый был равнодушен к женскому полу. У Зелинского было три брака, каждый из которых длился по четверти века. Оба сына Николая Дмитриевича появились на свет, когда ученому было уже за 70. Все потомки академика гордятся знаменитым родственником. Один из них - Николай Альфредович Платэ - пошел по стопам знаменитого деда и стал химиком.

На 150-летие ученого в Тирасполь приезжал правнук Зелинского - Алексей Николаевич Платэ, он привез ряд очень ценных экспонатов, среди которых фотокопии из личного альбома Зелинского (Николай Дмитриевич на отдыхе, на конференциях).

Академик с мировым именем Николай Дмитриевич Зелинский прославился далеко за пределами своей родины. Сразу после смерти ученого были приняты меры по увековечиванию памяти Зелинского в Советской Молдавии. С тех пор в Тирасполе и в Кишиневе имеются улицы академика Зелинского. Также в Тирасполе возле бывшей школы №6, а ныне гуманитарно-математической гимназии, которая носит имя ученого, в 1981 году был установлен его бюст.

С 1954 года в Москве был открыт Мемориальный кабинет ученого в доме, где он жил и работал. [38]

Из истории создания противогаза

Первые защитные маски появились ещё в XIX веке. Это были обычные матерчатые повязки или капюшоны с пропиткой. Но когда в 1915 году немцы впервые применили химическое оружие в боевых условиях, неожиданно выяснилось, что и английские, и французские, и те же немецкие противогазы годятся разве что для защиты от комаров и мух.

Первый эффективный армейский противогаз разработал в 1915 году выдающийся русский химик Николай Зелинский. Именно он впервые в мире предложил использовать в качестве защиты от отравляющих газов активированный древесный уголь. Простота и надёжность его изобретения оказались столь поразительными, что уже к концу 1916 года все воюющие страны взяли на вооружение русский противогаз Зелинского.

Работать над созданием противогаза Зелинский начал весной 1915 года после того как немцы применили отравляющие газы против русских войск под Варшавой. Единственный сохранившийся в мире образец первого противогаза Зелинского сегодня можно увидеть в бывшей московской квартире учёного. По словам его сына - Андрея Николаевича Зелинского, прорезиненную маску с двумя вклеенными в неё стёклами предложил его отцу петербургский инженер Куммант. Правда, у гениального изобретателя нашлись и могущественные противники. Отвечавший за выпуск русских противогазов принц Ольденбургский не захотел терять многомиллионные госзаказы и запустил в производство

Первая мировая 1914 - 1918

пролоббированную им устаревшую модель защитной маски.

«Только по приказу царя после испытаний, проведённых в ставке под Могилёвым 3 февраля 1916 года, где Зелинский присутствовал и лично докладывал императору о работе противогаса, он был внедрён в производство русской армии. Было выпущено свыше 11 миллионов этих противогазов в течение 1916-1917 годов. По просьбе союзников русское командование великодушно отдало им образцы нового противогаса.

Идя по стопам Пастера, который сам на себе испытывал вакцину от бешенства, Зелинский тоже первым испытал на себе этот уголь. Сам в лаборатории министерства финансов на Забайкальском, 19, летом 1915 года. Это тоже, в конце концов, самый настоящий научный подвиг».

Противогаз Зелинского защищает уже пятое поколение российских солдат, а многие его открытия по-прежнему успешно используются нефтегазовым комплексом России. Но ни в Москве, где он проработал почти 60 лет, и где существует целый институт его имени, ни в Петербурге, где он изобрёл свой противогаз, до сих пор нет ни одного памятника гениальному русскому химику.

Памятник Николаю Зелинскому открыт

Николай Зелинский был ученым планетарного масштаба. И тем удивительнее, что только недавно ему был установлен первый памятник в России. Произошло это в подмосковной Электростали перед проходной химико-механического завода.

Электростальский химико-механический завод (ЭХМЗ), основанный в 1937 году, является основным поставщиком средств индивидуальной и коллективной защиты для нужд Министерства обороны. Продукция востребована всюду — на земле, под землей, на море, в космосе. В 1976 году за выполнение «особо важного задания» завод был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

... О том, что в Подмосковье открывается монумент Николаю Зелинскому, было известно его сыну Андрею Николаевичу, доктору исторических наук, генеральному директору Центра ноосферной защиты имени академика Зелинского. Приехать на церемонию Андрей Николаевич не смог. Занемог, все-таки возраст — 80 лет. Но через президента Ассоциации разработчиков, изготовителей и поставщиков средств индивидуальной защиты, вице-президента Европейской федерации безопасности Юрия Сорокина прислал письмо. В нем Зелинский-младший выразил искреннюю признательность электростальцам. И особо подчеркнул, что открытие памятника — событие выдающегося значения. И вот почему. Несмотря на то что в годы советской власти были приняты

решения об увековечивании памяти академика Зелинского (его именем названы улицы в разных городах, Институт органической химии РАН, к 100-летию юбилею выпущена марка «Почты СССР», издано полное собрание научных трудов, снят документальный фильм), в последние годы на этот счет появляется серьезная обеспокоенность. Так, на заседании «круглого стола», посвященного 150-летию ученого, в 2011 году с горечью отмечалось, что химическая лаборатория, где ученый проработал 60 лет, несколько лет назад была отдана под ресторан. Не хватает средств для работы музея-квартиры Зелинского в Москве, реставрации памятника на могиле на Новодевичьем кладбище, перевода рукописей в цифровой формат.

Памятник Зелинскому в Электростали — первый в России. Монумент смотрится, прямо скажем, очень достойно. Как удалось выяснить, установить памятник планировалось на одном из предприятий химической отрасли к 150-летию со дня рождения академика по инициативе группы ученых, работников музея, общественников. Народный художник СССР, скульптор Николай Багратович Никогосян (ему сейчас 94 года) создал модельный проект. По каким-то причинам химвпредприятие было вынуждено «эвакуироваться» в Рошаль. Туда же отправился и монумент. Только установить его не смогли, оставили на складе вместе с прочим, извините, хламом. Как знать, что с ним стало бы еще через несколько лет, не прояви интереса к его судьбе гендиректор Электростальского химико-механического завода Антон Нечаев. Он-то и забрал изваяние из Рошали. Отдал в творческую студию-мастерскую Александра Уголькова, которая арендует на заводе помещение для литья металла. Памятник отреставрировали, покрасили и наконец торжественно открыли. [39]

Накануне Первой мировой войны в России было 120 высших учебных заведений, их преподаватели и студенты приняли на себя все тяготы и проблемы военного времени. Далее приводим страницы военной истории двух вузов, наиболее родственных Менделеевке первых лет.

Императорское Московское техническое училище

Годы первой мировой войны оказались тяжелейшими для коллектива Училища. Великая трагедия страны и народа не обошли никого.

10 мая 1914 года скоропостижно скончался ректор А.П. Гавриленко, от сердечного приступа, в расцвете сил и замыслов. Его смерть была тяжёлым горем для всего коллектива. Судя по сохранившимся описаниям и фотографиям, таких многолюдных похорон не было никогда ранее. Как и во все последующие времена. Два месяца спустя началась мировая война.

В первые же месяцы часть студентов, учебно-вспомогательного персонала и преподавателей была мобилизована в действующую армию; после организации в лабораториях и на Опытном заводе Училища производства вооружений и медикаментов мобилизации прекратились. Всё здание общежития и немалое количество помещений в основном корпусе были отданы под госпитали. Был организован ускоренный выпуск инженеров, введены специализации по воздухоплаванию, железнодорожному и автомобильному делу. После применения немцами на фронте отравляющих веществ учёным ИМТУ была поручена работа по организации противогазовой защиты в войсках, подготовке инструкторов.

К 1914 году Императорское Московское техническое училище фактически пришло как сложившаяся высшая техническая школа политехнического типа, выпускающая инженеров не по двум специальностям, рекомендованным министерством, а по семи специальностям. Подготовка инженеров по специальностям «Тепловые двигатели», «Механическая технология», «Электротехника», «Гидравлические машины и гидротехника» и «Инженерно – строительное дело» осуществлялась на механическом отделении, а подготовка инженеров по специальностям «Техно-

логия неорганических веществ» и «Технология органических веществ» велась на химическом отделении. Проблему политехнизации высшей технической школы коллектив ИМТУ решил самостоятельно, за счет внутренних резервов и перегрузки профессорско-преподавательского состава. Троекратное обращение учебного Комитета училища в Министерство народного просвещения о необходимости политехнизации и об увеличении ассигнований на развитие училища не принесли успеха. Имея мощный коллектив ученых, Училище продолжало организовывать новые специальности, например, по воздухоплаванию под руководством профессора Н. Е. Жуковского. Был поставлен вопрос об организации автомобильной специальности, так необходимой промышленности, но, как всегда, получило отказ со стороны Министерства народного просвещения. И, по существу, все, что сделано коллективом ученых Училища ценного и прогрессивного в области развития высшего технического образования, было сделано им на свой страх и риск, без поддержки правительственных организаций, а иногда и в обход существующих распоряжений и правил.

В 1914 году МТУ оказалось в трудном положении, так как развитие прогрессивных методов подготовки специалистов: экспериментальный метод, требующий увеличения количества и изменения качества учебных лабораторий; практическая подготовка, требующая расширения мастерских и оснащения их новым оборудованием, — привело к полному несоответствию имеющейся материальной базы и потребностей учебного процесса.

В 1914 году после смерти первого выборного директора ИМТУ А.П. Гавриленко В.И. Гриневецкий (*фото стр. 126*) был избран директором ИМТУ. Новый директор продолжил борьбу за политехнизацию училища, подготовив и представив в Министерство Народного образования «Проект развития Императорского московского технического училища в школу политехнического типа». В этом документе он высказал свои соображения о причинах отставания русской техники и технической мысли и внес свои предложения по исправлению этого положения. Он говорил, что «...развитие инженерного образования должно идти в двух направлениях. С одной стороны – должна расти специализация преподавания, с другой – должно усиливаться взаимодействие и тесное сотрудничество разных специальностей. Единственно школа политехнического типа при достаточно гибкой организации может удовлетворять обоим направлениям». Проект предусматривал увеличение учебных площадей, создание новых лабораторий, строительство нового учебного завода, приведение в соответствие штатов училища реальному объему выполняемой учебной работы. Василий Игнатьевич первым высказал мысль о том, что обязательной частью инженерного образования долж-

Первая мировая 1914 - 1918

но быть экономическое. При этом он считал, что “жизнь должна вносить в эту схему (политехническую школу) новые подразделения, а также новые соединения, комбинирующие разные специальности”.

Однако начавшаяся Первая мировая война поставила перед ИМТУ и ее директором новые задачи, вытекающие из характера военного времени. В 1914 г. прием в ИМТУ проводился по конкурсу школьных аттестатов. Осенью того же года были утверждены правила о порядке привлечения в армию молодых людей, имеющих отсрочки от призыва до окончания вуза. В связи с военными обстоятельствами из училища вышло 352 студента. *(На стр. 129 - Анатолий Лукьянов, выпускник ИМТУ 1914 г. Фото из Музея истории РХТУ).*

В.И. Гриневецкий в 1914 году после начала войны опубликовал статью “Технико-общественные задачи промышленности в связи с войной” и начал активно ориентировать работу ИМТУ на нужды обороны России.

И уже с 1914 года в химических лабораториях налаживалось производство медикаментов, в физико-электротехническом институте работал рентгеновский кабинет и изготавливались приспособления и аппараты. Аэродинамическая лаборатория решала ряд специальных вопросов для использования авиации и на ее основе созданы курсы по подготовке для армии летчиков. На базе этой же лаборатории при ИМТУ были созданы теоретические курсы авиации, на базе которых впоследствии была организована Военно-воздушная академия им. Н.Е. Жуковского. Мастерские училища изготавливали предметы военного снаряжения и обслуживали станки, изготавливавшие колючую проволоку в мастерских Главного Военно-технического управления. Госпиталь при ИМТУ функционировал в полном объеме.

По инициативе директора В.И. Гриневецкого Учебный комитет ИМТУ обсудил вопрос о более широком использовании мастерских и лабораторий ИМТУ для работ на оборону России и обратился в Министерство Народного Просвещения с просьбой о соответствующем разрешении. Такое разрешение скоро было получено и уже с 14 апреля 1915 года по инициативе Н.Р. Брилинга начали функционировать при лаборатории двигателей внутреннего сгорания курсы по подготовке шоферов для службы во Всероссийском Земском Союзе. С апреля по инициативе полковника Д.В. Яковлева ИТУ по соглашению с акционерным обществом «Гном» предоставило последнему станки и персонал учебных мастерских для производства дефицитных деталей авиационных двигателей. К этим работам широко привлекались и студенты.

Грозные события лета 1915 года дали новое, более широкое направление работам ИМТУ на оборону. 20 июня директор В. И. Гриневецкий собрал экстраординарное совещание Учебного Комитета и частное совещание всех преподавателей Училища с обсуждением вопроса о

привлечении всего коллектива ИМТУ к работам на оборону. Учебный Комитет ИМТУ после всестороннего обсуждения вопроса поручил А.Е Чичибабину к осени 1915 года создать обширную лабораторию для производства взрывчатых веществ и других необходимых для армии веществ. Ф.К Герке было поручено выехать на фронт для изучения проблем, связанных с удушливыми газами. Н.Ф. Чарновскому поручено расширить в учебных мастерских широкое производство снарядов с участием студентов. По инициативе В.И. Гриневецкого ученые и инженеры училища начали проектировать металлообрабатывающие станки для производства снарядов и деталей стрелкового вооружения. Как и во время Крымской войны, училище выполняло специальные заказы Военного ведомства. Кроме того, в период войны в зданиях студенческого общежития и Политехнического общества были размещены госпитали для раненых. В училище был организован ускоренный выпуск инженеров из студентов старших курсов. Учебный Комитет полагал, что все без исключения студенты ИМТУ должны были использоваться по военно-технической части и по возможности по своей специальности. Старшие и наиболее подготовленные студенты должны были использоваться в качестве инструкторов, а младшие – в качестве рядовых работников. ИМТУ ходатайствовало перед Министерством Народного Просвещения о предоставлении права ИМТУ присваивать названия «инструкторов» по отдельным военно-техническим специальностям студентам Училища и другим лицам, которые под наблюдением Училища пройдут соответствующую подготовку и выдержат установленные испытания.

Вместе с просьбами об удовлетворении решений Учебного Комитета ИМТУ была направлена «Записка о направлении сил и средств Императорского Московского Технического Училища по обслуживанию военно-технических потребностей», в которой говорилось о том, что высшая школа при некотором временном изменении учебных планов и учебного процесса может предоставить значительное число кадров со специальной научной и технической подготовкой из числа своих преподавателей и еще большее число в качестве исполнителей и инструкторов из студентов, которые могли бы использоваться при мобилизации промышленности, которая уже столкнулась с недостатком технических кадров при повышении интенсивности работы и создании новых специализированных предприятий. В этом документе

Первая мировая 1914 - 1918

указывалось, что «...Временное введение работ для военных надобностей внутри высших школ, подготовка из студентов исполнителей и инструкторов таких работ, использование лабораторий и мастерских для работ научно-экспериментальных для учебно-инструктивных, наконец, использование свободных сил преподавателей для научно-технической и организационной работы в том же направлении - все это должно быть со стороны высших школ не только делом их гражданского долга, но и прямой педагогической задачей.» .

25 июня 1915 года во исполнение решений Учебного Комитета В.И. Гриневецкий поместил в московских газетах призыв к студентам Училища, желающих работать на оборону. Этот призыв нашел горячий отклик со стороны студентов, бросивших отдых, летние практики и явившихся в Училище с целью работать на снарядных заводах и готовиться в инструкторы. Избранная Учебным Комитетом Военно-Техническая Комиссия организовала краткосрочную подготовку и распределение этих студентов на такие заводы, как Брянский, Бежицкий, Коломенский, Сормовский и другие. В короткий срок к заводской работе были привлечены свыше 400 студентов ИМТУ, причем четвертая часть из них была подготовлена к инструкторской деятельности. *(На стр. 130 - студенты ИМТУ)*

С половины июня ряд преподавателей Училища был привлечен в военно-общественные организации. В состав Московского Военно-Промышленного Комитета входили: профессора В.И. Гриневецкий, А.Е. Чичибанин, Н.Е. Жуковский, преподаватели А.Н. Долгов, Д.В. Зубарев, И.А. Калинин, К.А. Круг, А.Н. Кременецкий. В состав уполномоченных и технических работников Городского и Земского Союзов в дополнение к ранее работавшим ад.-проф. А.И. Астрову, преп. Н.Р. Брилингу, ад.-проф. П.А. Велихову, проф. П.П. Лазареву, проф. С.А. Федорову, проф. Н.А. Шилову, преп. Е.К. Мазингу, преп. А.П. Величковскому, преп. Б.С. Швецову,

преп. Н.М. Чиликину были привлечены в качестве уполномоченных проф. В.И. Гриневецкий, ад.-проф. Б.И. Угримов, проф. Н.Ф. Чарновский, проф. А.Е. Чичибанин, засл. проф. Я.Я. Никитинский. В дальнейшем в работе этих Союзов приняли активное участие еще

23 преподавателя ИМТУ, в числе которых Л.К. Рамзин, В.А. Ушков, И.И. Куколевский, Л.П. Смирнов, В.Е. Цыдзик, А.Н. Шустов.

Часть преподавателей ИМТУ приняла на себя руководство технической работой при Московском Уполномоченном по топливу, причем проф. К.В. Кирш являлся Заместителем Уполномоченного и Председателем Теплового Комитета, а преподаватели А.И. Ставровский и В.И. Ясинский были наиболее активными членами этого Комитета.

Профессора В.И. Гриневецкий, И.Ф. Чарновский и А.Е. Чичибабин состояли членами Московского Заводского Совещания по обороне в качестве представителей Союзов и Военно-Промышленного Комитета.

К концу 1915 года почти 800 студентов (более 30% списочного состава) принимали активное участие в работах на оборону. 225 студентов, пройдя автомобильные курсы, работали в тылу и на фронте в качестве водителей в автомобильном отделе Всероссийского Земского Союза и Главного по снабжению Армии Комитета Союзов. Более 50 студентов прошли школу летчиков при аэродинамической лаборатории. На заводах по снарядному производству по 15 декабря работало 397 студентов. На различных военно-технических работах Химического Отделения работало около 100 студентов.

В трудное военное время В.И. Гриневецкий, понимая, что отвлечение на работы, связанные с обороной - явление временное, продолжал работу по совершенствованию учебного процесса и превращению ИМТУ в высшую школу политехнического типа. В 1915 г. Политехническое общество ИМТУ совместно с Петроградским обществом технологов начало издавать орган Всероссийского общества инженеров "Вестник инженеров" (В.И. Гриневецкий работал членом редколлегии этого издания), а совместно с обществом Рижских политехников - "Вестник прикладной химии и химической технологии". В том же году В.И. Гриневецкий делает доклад на заседании Учебного комитета "О подготовке к преподавательской деятельности", в котором он обобщил опыт подготовки преподавателей как в российских, так и в зарубежных вузах. На этом же заседании ректор В. И. Гриневецкий предложил начать работу над новой редакцией устава И МТУ.

Несмотря на сложную политическую и социальную обстановку в России, к 1916 г. была практически выполнена вся подготовительная работа по преобразованию училища в школу политехнического типа, в том числе разработаны новые учебные планы для четырех отделений (факультетов): механического, химического, инженерно-строительного и электротехнического. Решение же финансовых и юридических вопросов политехнизации ИМТУ началось только после свержения самодержавия в 1917 году. 6 марта 1917 года по предложению В. И. Гриневецкого на своем экстренном заседании учебный Комитет Училища постановил

Первая мировая 1914 - 1918

именовать впредь Училище “Московское высшее техническое училище”. На том же заседании была введена должность ректора и было принято постановление “О полной свободе студенческих организаций, о предоставлении училищных помещений для собраний служащих, студентов, для районных, кооперативных и других собраний”.

Летом в Училище был проведен очередной прием студентов, но вскоре после начала учебного года большая часть принятых была мобилизована Временным правительством в армию. Учебная и научная работа в Училище вновь была прервана.

Первым ректором МВТУ был избран 17 мая 1917 года профессор Василий Игнатьевич Гриневецкий, преемник А.П. Гавриленко на посту директора с 1914 года.

Трагична судьба этого великого инженера, ученого и педагога. Весной 1918 года он уехал на юг России, где сумел в Харькове издать свою последнюю книгу « Послевоенные проблемы русской промышленности». Вернуться в Москву он не смог. Осенью 1918 года он последний раз приехал к своей семье в имение «Кут» на берегу Южного Буга и провел там несколько дней, а затем уехал в Краснодар на экономическое совещание.

Профессор Василий Игнатьевич Гриневецкий, бывший ректор МВТУ, статский советник, Кавалер орденов Святого Владимира 4-й степени, Святого Станислава 2-й степени, Святой Анны 3-й степени, обладатель бронзовой медали в память 300-летия Царского Дома Романовых скончался 31.03.1919 в Екатеринодаре от сыпного тифа, осложнённого воспалением мозга вследствие недостаточного ухода. Там же, в Екатеринодаре, похоронен этот великий инженер, выдающийся теплотехник, реформатор высшего инженерного образования, много сделавший для развития МВТУ и российского высшего инженерного образования.

В.И. Гриневецкий весной 1918 года писал:” В мировой войне, где нет ещё полных победителей, уже есть побеждённые, в том числе - Россия. Мы побеждены однако не силой оружия, не мощью врага, а собственной политической незрелостью, некультурностью и духовной слабостью. Та идеология, которая строила пышные воздушные замки социального благополучия и с этой высоты смотрела на мещанский запад, на деле оказалась не в состоянии построить самого бедного здания государственности”.

Летом 1918 года В.И. Гриневецкий уехал “за границу”, прислав в МВТУ заявление об отказе от исполнения ректорских обязанностей. В марте 1918 года в МВТУ было получено постановление Московского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов о прекращении учебных занятий с 15.03. 1918. После обсуждения в коллективе единогласно постановили - продолжать занятия до последней возможности [40].

Преподаватели и студенты Московского университета в период Первой мировой войны

В.Л. Маркин

1 августа 1914 года Россия вступила в Первую мировую войну. Весть о начале военных действий была встречена студенчеством и профессурой всплеском патриотизма, который сплотил как либералов, так и консерваторов. Уже 5 августа 1914 года состоялось экстренное заседание Совета Московского университета. На заседании ректор М.К. Любавский говорил о необходимости войны до победного конца, «нравственного единения со своим венценосным вождем».

Преподаватели университета активно участвовали в оборонной деятельности. Помимо военно-технических исследований, они вели идеологическую и пропагандистскую работу, создавали и содержали за свой счет госпитали для раненых солдат, выполняли свой гражданский долг на фронте. Вопросы идеологического обеспечения войны решались гуманитарными факультетами университета. Вклад профессоров-гуманитариев Московского университета в дело победы России выражался в посвященных военной теме исследованиях по истории, политологии, политэкономии, публицистических статьях в газетах и журналах, публичных лекциях. В своих выступлениях и лекциях они пытались обосновать историческую предопределенность агрессивности немцев, изыскивая ее корни в событиях и настроениях времен реформации, войн Германии XVIII- XIX вв.

Во время Первой мировой войны российскими учеными была принята попытка реформирования организации науки. Ведущую роль в данном процессе сыграл великий русский ученый профессор Московского университета К. А. Тимирязев. Идея реформы состояла в том, чтобы ученые были полностью освобождены от преподавания, а их деятельность признана в качестве специальной профессии. Эта идея, в конечном счете, была реализована в Советской России.

Одним из самых впечатляющих проектов, осуществленных русской наукой в годы Первой мировой войны, была программа Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), созданной в 1915 г. по инициативе великого русского геолога и геохимика профессора Московского университета В. И. Вернадского. Она объединяла крупнейших ученых России и ставила главной задачей организацию всеобъемлющего учета природных ресурсов в масштабе страны. Комиссия стала центром, координировавшим деятельность всех отечественных научных учреждений, как государственных, так и общественных.

Первая мировая 1914 - 1918

Самый большой вклад в военные усилия профессорского корпуса России внес профессор Московского университета Николай Дмитриевич Зелинский, который работал над проблемой защиты от химического оружия. В июне 1915 года Н.Д. Зелинский предложил использовать активированный березовый уголь для нейтрализации отравляющих газов.

В годы войны в среде профессуры выдвигались и научные проекты, рассчитанные на долговременную перспективу. К ним можно отнести работы профессора географии Московского университета Д. Н. Анучина. Он доказал необходимость превратить Александровск (Мурманск) в главный базовый порт на этом пути, расположенный в незамерзающей гавани, и провести к нему ширококолейную железную дорогу. Его предложение было реализовано в 1916 году. Важную роль Мурманска как единственного незамерзающего порта на севере России подтвердила и Великая Отечественная война 1941-1945 гг.

Нельзя не отметить тот факт, что значительная часть ценных научных исследований и открытий, имевших стратегическое значение в войне, была проведена профессорами, изгнанными из Московского университета в 1911 году - В.И. Вернадским, Д.Н. Анучиным, Н.Д. Зелинским. По нашему мнению, это еще раз свидетельствует о том громадном ущербе, который понес Московский университет в результате его разгрома правительством П.А. Столыпина и его министра А. Кассо.

Либеральная профессура во время войны разделяла кадетскую доктрину «внутреннего мира», состоявшую в отказе от оппозиционной деятельности во время войны в обмен на передачу под контроль либеральной общественности части властных полномочий. Однако неуступчивость верховной власти, военные поражения и экономический кризис заставили либералов уже в мае 1915 года отказаться от «внутреннего мира» и объединиться в IV Государственной думе с октябристами и частью националистов в «прогрессивный блок». Смена либералами политической тактики не замедлила сказаться на ситуации внутри профессорско-преподавательского корпуса. 26 ноября 1916 года ректор Московского университета М.К. Любавский подверг на заседании Совета критике деятельность правительства и зачитал его членам телеграмму Родзянко с пожеланием Государственной Думе одержать верх «в борьбе с темными силами в защиту национального достоинства России».

Студенчество Московского университета в данный период эволюционировало в своих политических взглядах от патриотического подъема до массовой поддержки революционных партий. Поражения на фронте, проблемы в тылу, явная неспособность правящего режима закончить войну, тяжелое материальное положение усилили антивоенные и антиправительственные настроения в его среде. При этом отрицательное

отношение к царизму разделяли представители всех оппозиционных политических групп. К началу 1917 года все большее влияние в среде студенчества Московского университета приобретают большевики, изначально выступавшие против войны и ее превращении из империалистической в гражданскую. Несмотря на довольно эффективные действия полиции, большевики, работая через землячества и легальные студенческие объединения, смогли сохранить свою партийную организацию в Московском университете, а в конце 1916 года занять доминирующее положение в среде революционного студенчества.

Таким образом, студенты и преподавателей Московского университета в 1914 - 1917 гг. прошли путь от полной поддержки войны к осознанию неспособности правящего режима вести успешные боевые действия. Профессора и преподаватели университета, активно участвуя в научной работе для нужд армии, выход из ситуации видели в смене власти и доведении войны до победного конца. В то же время среди студентов все большее влияние приобретали антивоенные настроения, приведшие к поддержке ими Февральской революции 1917 года. [41]

Мемориал студенту – бойцу Первой мировой

В 500 метрах от Храма «Всех Святых» Патриаршего Подворья во Всехсвятском на «Соколе», в липовой роще, находящейся позади кино-театра «Ленинград» (Новопесчаная ул., вл. 12) стоит строгий памятник из красно-коричневого гранита. На нем начертано:

«Студент московского университета Сергей Александрович Шлихтер. Погиб в бою под Барановичами 25 июня 1915 года».

Чудом уцелевшее надгробие над могилой георгиевского кавалера Сергея Шлихтера – это все, что осталось от Братского военного кладбища героев Первой мировой войны.

Сергей Александрович Шлихтер (3 декабря 1894 года — 25 июня 1916 года) — студент, вольноопределяющийся 266-го Пореченского пехотного полка; погиб в возрасте 21 года под белорусским городом Барановичи. Сын Александра Шлихтера, большевика. [42]

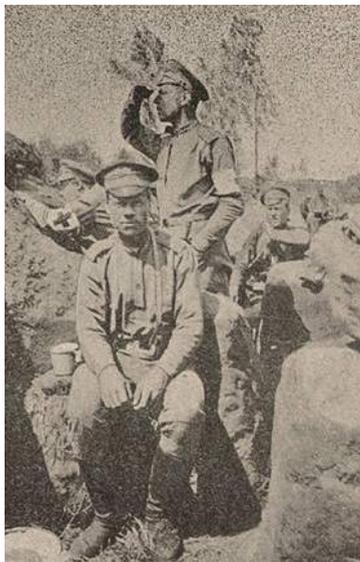
Сергей Шлихтер родился в Полтаве на Украине; отец — убеждённый социал-демократ. Будучи студентом

Первая мировая 1914 - 1918

2-го курса историко-филологического факультета Императорского Московского университета, с начала империалистической войны работал в лазарете; 1-го ноября 1914 года в качестве брата милосердия 1-го Сибирского передового отряда Всероссийского союза городов уехал на фронт. Там он пробыл в течение года.

В сентябре 1915 года со своими товарищами отправился подбирать раненых между нашими и неприятельскими окопами. Для этого вышел вперед с двумя товарищами с флагом для переговоров с немцами, за что был награжден Георгиевской медалью. Во время боя 24-го июля 1915 года, перевязывая раненых в окопах, восстановил связь между двумя ротами, чем спас их от гибели. Будучи сам ранен, вынес с линии огня раненого офицера, за что был награжден Георгиевским крестом 4-й степени. Это был исключительный случай награждения санитаря подобной наградой (*фото на стр. 136*).

26 мая 1916 года поступил вольноопределяющимся в команду пехотных разведчиков 266-го пехотного Пореченского полка, при котором работал 1-й Сибирский отряд.

20 июня 1916 года полк был двинут в атаку. В бою под Барановичами, после выбытия всех офицеров роты, Сергей Александрович Шлихтер встал во главе подразделения и повел роту в атаку. В результате был захвачен неприятельский перевязочный пункт и было взято в плен около сотни австрийцев. Через несколько часов после этого, уже после боя, он был тяжело ранен осколком гранаты в шею навывлет и контужен в плечо. 25 июня 1916 года Сергей Александрович по дороге в госпиталь под Минском скончался от припадков удушья. Погребён на Братском кладбище, участок №13. Автор мемориала — скульптор С. Д. Меркуров. Установлен в начале 1920-х годов. На лицевой части камня выгравированы слова:

«Жертве империалистической войны».

А на левой стороне:

«Как хороша жизнь. Как хорошо жить».

Из дневника с войны С. А. Шлихтера

ЛИТЕРАТУРА

1. История Всесоюзной коммунистической партии (большевики). – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1938. – 337 с.
2. Большой энциклопедический словарь. – М., СЭ.Л.: «Ленинградская галеоая», 1993. – 1628 с.
3. Троцкий Л.Д. К истории русской революции. – М.: Мир, 1990. – 447 с.
4. Биографии великих химиков: Пер. с нем. – М.: Мир, 1981. – 386 с.
5. Жуков А. На той далекой негражданской // Менделеевец №20/2004, РХТУ им. Д.И. Менделеева.
6. Будрейко Е.Н., Жуков А.П. Профессора Университета Менделеева. XX век. М.: РХТУ им. Д.И. Менделеева, 2007. – 756 с.
7. Медведева Н.ф. Московское промышленное училище. – М.: РХТУ им. Д.И. Менделеева, 2000. – 20 с.
8. Жуков А.П. Истоки научно-педагогических школ Университета Менделеева. – М.: РХТУ им. Д.И. Менделеева, 2010. – 126 с.
9. Вестник прикладной и химической технологии/ 1916. № 9-12.
10. Отечественная история XX век/ под ред. проф. А.В. Ушакова. М.: «Агар», 1996. – С. 130.
11. Ватник Н.С. Школьная молодежь помогала сражающейся Родине в Первую Мировую войну 1914-1917 г. // Военно-исторический журнал. – 03.2007. – №3. – С. 71-74.
12. Ксения Редичкина Дети – кавалеры Георгиевского креста/ Парламентская газета № 29, 8-14 августа 2014. – С. 24.
13. Паустовский К.Г. Собрание соч. в 8 томах. Т.4/ Повесть о жизни. – ИХЛ, М., 1968. – С. 310.
14. Серафимово благословение. – Новосибирск.: Православная гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского, 2000. – С.
15. Архив РХТУ. – Описание 9 п. – 1923-1984 гг.
16. Смирнов Л.А. Август Георгиевич Горст. – М.: МГУ ИЭ, 1999. – 140 с.
17. История инженерного химико-технологического факультета. М.: РХТУ им. Д. И. Менделеева, 2005. – 432 с.
18. Моя жизнь. Академик Орлов Е.И. – Издательство: ОКТОПУС, Книгарь, 2011. – 208 с.
19. Исторический вестник РХТУ им. Д.И. Менделеева. – 2004. – Вып.13. – С.4-11.
20. Менделеевцы – ветераны Великой Отечественной войны 1941-1945. М.: РХТУ им. д.И. Менделеева, 2005. – 112 с.
21. Рукопись воспоминаний Д.С. Базанова «Неизвестный солдат о себе и о других (1894 – 1920 гг.). – Архив Тверской области.
22. Жаворонков Н.М. МХТИ имени Д.И. Менделеева и его роль в развитии химической промышленности // Труды МХТИ, М. 1980. – Вып. 115. – С.24.

23. М.Д. Волохин (некролог) // Московский технолог.1937 /№22(152), МХТИ им. Д. И. Менделеева.
24. Профессора Московского университета 1755-2004. Биографический словарь: в 2-1. М., Изд-во МГУ. 2005.– 860 с.
25. Михайлов В.С. Очерки по истории военной промышленности (с предисловием В.В. Поликарпова) .– Сайт «Открытый текст». электронное периодическое издание.
26. Очерки истории инженерного физико-химического факультета 1949-1999. М.:ГУП НИКИЕТ, 1999.– 192 с.
27. Капцов Л.Н., Солнцев Г.С. Николай Александрович Капцов/Серия «Выдающиеся ученые физического факультета МГУ», 2001 .
28. Николай Михайлович Караваев. Материалы к биобиблиографии ученых СССР. М.: Наука.1972, Сер. хим. наук .Вып.49 .–179 с.
29. Летопись Московского университета (1755-1952) Т.1. М.: Издательство МГУ, 2004.– 623 с.
30. Петров А. А. Александр Дмитриевич Петров 1895-1964, М.: 2002.
31. Борис Николаевич Рутовский (некролог //Пластические массы. 1970. №12.– С.2-3.
32. Шамис Алла Дом на Миусской // Исторический вестник РХТУ им. Д.И. Менделеева. 2007. Вып 21.– С.45.
33. Розеноер С. Нелегальный транспорт. М,: 1931.
34. Жаворонков Н.М. Николай Федорович Юшкевич//Теоретические основы химической технологии. 1985. №4. С.435.
35. Мельников Игорь Брали русские бригады //Новая Польша.– 2011.– № 10.– С. 47-49.
36. Савельев Л. Рассказы о мировой войне. . – Издательство детской литературы, 1937.–С. 248.
37. Е.В.Трофимова. Роль государственных учреждений России в развитии отечественной химической промышленности в 1914-1915 гг. // ИИЕТ РАН. Годичная научная конференция 2004 г. М.: Диполь-Т, 2004, с.308-311.
38. Ирина Колойденко Великий человек из маленького города// enews.md
39. Московский комсомолец / № 11 от 31 июля 2013.
40. К 100-летию специальности «Двигатели внутреннего сгорания // Наука и Образование: научно-техническое электронное издание.–1 января 2007.
41. Маркин В.Л. Студенты и преподаватели Московского университета в общественно-политической жизни России начала XX века. Диссертация на соискание степени к.и.н. МГУ. – М.– 2009.
42. ЛЕТОПИСЬ Московского военного Братского кладбища – все-российского памятника героев войны 1914 года. / forum.vgd.ru

Оглавление

Предисловие.....	5
МПУ в годы войны.....	8
Атмосфера в учебных заведениях России в годы Первой мировой войны.....	14
Выпускники Миус – участники войны.....	25

Страницы воспоминаний

<i>Пестов Николай Евграфович.....</i>	<i>37</i>
<i>Бакаев Александр Семенович</i>	<i>52</i>
<i>Горст Август Георгиевич.....</i>	<i>57</i>
<i>Орлов Егор Иванович.....</i>	<i>65</i>
<i>Родионов Владимир Михайлович.....</i>	<i>68</i>

Ветеранский корпус Менделеевки.....	73
Где похоронен Олег Романов.....	102

Химическая война: события и люди

Война на Восточном фронте	107
Очевидцы атаки под Ипром.....	112
Военная химия в России.....	115
Воспоминания профессора Любичева А.А.....	115
Профессор Зелинский Н.Д.....	121

Приложение

Императорское Московское техническое училище.....	126
Преподаватели и студенты Московского университета в годы Первой Мировой войны.....	133
Мемориал студенту – бойцу Первой мировой.....	135
Литература.....	137

Научное издание

**ДЕНИСОВА Наталья Юрьевна
ЖУКОВ Александр Петрович**

Сквозь завесу времени

**Менделеевцы на Первой мировой войне
1914 – 1918**

Редактор
Верстка А.Ю. Ильин

Подписано в печать 10.2014 г.
Формат 60х90. Усл. печ.л. 8,75
Тираж 500 экз. Заказ № 75

Российский химико-технологический
университет им. Д. И. Менделеева
Издательский центр

Адрес университета и Издательского центра:
125047 москва, Миусская пл, 9